

Иван Константинов
СТАЛЬНАЯ БАБОЧКА,
ОСТРЫЕ КРЫЛЬЯ...

Иван Константинов

**Стальная бабочка,
острые крылья...**

«SelfPub.ru»

2017

Константинов И. Ю.

Стальная бабочка, острые крылья... /
И. Ю. Константинов — «SelfPub.ru», 2017

Ее зовут Мириам. Она родилась в мире, разрушенном атомной войной, где пустынями правят рейдеры, а города-крепости контролируют короли дорог. В нем варварство сплетается с технологиями, киборги-праймы сражаются с целыми армиями, а механические ангелы спускаются с небес, чтобы похищать человеческих детей. Ее зовут Мириам. Сегодня ей предстоит потерять дом, обрести друга, и отправиться в путь...

Часть первая

МАСКИ

Глава I

*Благодарю Анорико Муросаки
За имена.*

Интермедия I

Сантос проснулся еще до рассвета.

Утро было холодным и мерзким, как и всякое утро в пустыне. Болели сломанные когда-то кости бедра, и ветер нес с востока мокрый от росы песок. Сворачивая самокрутку с остатками дикого табака, Сантос смотрел на башни древнего города, проступающие в сумерках совсем рядом.

Город был громадным, и таким же отвратительным, как это утро, как и вся жизнь Сантоса в этом глубоком рейде. Он докурил самокрутку, закашлялся и пошел будить свою восьмерку, которая не торопилась просыпаться.

Ему пришлось отвесить несколько хороших пинков и пару раз прикрикнуть, чтобы заставить их шевелиться. Чем дальше углублялись они в пустыню, тем труднее было держать в узде его Тигров. Они жаждали грабить и убивать, а не прятаться среди дюн, как песчаные еноты, и Сантос отлично их понимал... Но на этот раз их работа заключалась в другом.

Кто-то из маленьких пленников поднял было вой, но его быстро успокоили тычком приклада. Завтракать не стали – время поджимало; маленькое радио, ожившее вчера на привале, четко сказала: «на рассвете».

Ангелы не любили ждать.

Они много чего не любили, и Сантос их ненавидел спокойной ненавистью человека, на совести которого насчитывалось более трех десятков трупов. Ангелы были чуждой мерзостью, и он собирался играть с ними по своим правилам.

Пленников построили в шеренгу. Плакать больше никто не осмеливался: тот, которого Сантос показательно порезал на привале, умер ночью от потери крови, и его оставили лежать, присыпав песком. Двое Тигров, Мак и Хулио, взяли ракетометы, и Сантос объяснил им задачу. Это был шанс для них: первая настоящая драка после двух недель рейда с оравой детишек на загровке.

Да еще такая драка, после которой об их восьмерке заговорит вся Рука.

Двое ушли вперед и в сторону, скрываясь среди развалин, а Сантос встал во главе шеренги. Кары, облегченные для рейда и блестящие металлическими внутренностями, оставили в лагере – дальше они бы все равно не прошли. Солнце медленно поднималось за гордом, окрашивая красным его огромный силуэт. Наверное, кто-нибудь мог посчитать это зрелище красивым, но только не Сантос – в его глазах красивыми были совершенно другие вещи. Он сбросил куртку, и солнце коснулось его кожи, покрытой сложной вязью татуировок.

Отряд двинулся вперед.

Они шли среди развалин недолго: вчерашний лагерь разбили совсем рядом с местом предполагаемой встречи. Остатки низких зданий уступали здесь место серым плитам, присыпанным песком, и изрезанное трещинами бетонное поле прорастало каменными столбами

с металлическими прожилками – следами древней арматуры. За столбами Сантос впервые в своей жизни увидел корабль.

Наверное, он стоял здесь всю ночь – блестящая наклонная стрела с короткими крыльями, смотрящая в небо над городом. У Сантоса пересохло во рту... Корабль был настоящим.

И ангелы были настоящими.

Их оказалось всего двое. Они ожидали между столбов, отсвечивающих на солнце синими жилами арматуры – белые, огромные, в два раза выше человеческого роста... Их головы заканчивались острыми клювами, как головы птиц, а узкие глаза отливали красным. Оружия в их огромных руках видно не было, но за ними, у корабля, возвышались груды металлических ящиков, хорошо знакомых рейдерам. Стволы, патроны – богатство... Невероятное богатство. Сантос машинально проверил предохранитель на игольнике, потом взглянул на индикатор. Двенадцать бронебойных зарядов.

Рейдеры вывели пленников на поле и пошли по бетонным плитам. Ближайший ангел повел короткими крыльями и шагнул им навстречу.

– Сколько их?

– И тебе привет, – сказал Сантос.

– Сколько их? – ангел говорил странно, чудно произнося слова, будто никогда не слышал нормального человеческого языка.

– Десять. Было больше, но трое ушли в расход.

– Я тебя не знаю.

– А я тебя, – нагло ответил Сантос. – Но детишки-то вам нужны? А то мы их тут положим и спокойно пойдем себе.

Вблизи ангел оказался не таким совершенным... На белой броне проступали швы; шарниры, соединяющие фаланги пальцев, поблескивали, а красные линзы глаз казались сделанными из обычного стекла.

– Не надо. У нас есть оружие, гранаты, иглы...

– А сколько вас? – вдруг спросил второй ангел, и Сантос напрягся, как песчаная кошка перед прыжком.

– А ты сам не видишь? Шестеро нас.

– Так те двое не с вами? – ангел указал огромной рукой в сторону ближайшего разрушенного здания.

Вместо ответа Сантос сорвал с пояса гранату, швырнул ее второму ангелу под ноги и кинулся на землю. Взрыв оглушил его, над головой взвыли осколки и засвистели игольники тигров – его люди открыли огонь. Все еще лежа, он смотрел, как отскакивают иглы от белой брони и как медленно летит ракета, запущенная из развалин.

Второй ангел шагнул ей навстречу и отбил рукой – как отбивают мяч, но только мячи не взрываются, отскочив. Следующая ракета ударила первого ангела в спину и бросила на колени рядом с Сантосом – и рейдер спустил курок, всадив в него обойму практически в упор.

Ангел, отбивший ракету, развернулся, его крылья раскрылись и вспыхнули плоскостями, усаженными стволами иглометов. По тиграм, оставшимся рядом с детьми, ударил металлический шквал – иглы вспороли песок, смешивая его с плотью и разрывая на части рейдеров вместе с пленниками, что были с ними рядом. Ангел, оказавшийся возле Сантоса, обхватил его за пояс огромной рукой и встал. Сантос ощутил, что не чувствует ног, а ангел повернулся к развалинам, и что-то сорвалось с его крыла – нечто очень быстрое, оставившее дрожащий след в воздухе.

Здание, откуда летели ракеты, поднялось в воздух и вспухло огненным шаром.

И все закончилось. Оставшиеся в живых дети с криками разбежались по полю, а кровавые ошметки людей Сантоса исходили паром.

– Сколько детей? – спросил второй ангел.

– Восемь, – ответил первый.

– Используй парализаторы.

– Что делать с этой мразью? – ангел приподнял Сантоса и встряхнул, словно куклу. Второй ангел обернулся, но ничего не сказал – красные огоньки в его глазах сами по себе были ответом. В последние секунды своей жизни Сантос не чувствовал ничего, кроме ненависти – к силе ангелов, самому их существованию, так не похожему на все, с чем он когда-либо сталкивался.

Первый ангел поднял его еще выше, потом швырнул о землю и растоптал.

I

Они появились на рассвете.

Мириам, как всегда по утрам, смотрела из окна на дорогу, идущую с запада. Семья, бежавшая от рейдеров по этой дороге три дня назад, предупредила ее о возможной опасности, но Мириам им не поверила.

Ее маленький постоянный двор видел столько перепуганных беженцев за последние полгода, что их страх стал для нее чем-то вроде фона, белого шума, мешающего распознать их истинные лица и намерения. Тяжелые грузовики, кары и трейлеры, нагруженные вещами, появлялись и исчезали в ее одиноком мирке – где-то между старым колодцем, парой неказистых домиков, сложенных из листов ржавого железа, и забором, скрепленным колючей проволокой. Чужие люди оставались здесь на несколько ночей, а потом уходили, оставляя свой страх. Старые, молодые, совсем дети – все они бежали от прошлой жизни, с насиженных мест, всем им было что терять.

Мириам было всего шестнадцать, и она не боялась. Она не испугалась даже когда поняла, что облако пыли на дороге растет слишком быстро. Тяжелые кары, везущие женщин, детей и домашнюю утварь, не ездят с такой скоростью.

Утро было прозрачным и чистым, песок пустыни мерцал под солнцем. Мириам пошла на кухню. Из жестяной коробки за плитой достала довоенный револьвер – большой, тяжелый; в барабане, как она помнила, оставалось всего три патрона.

Затем вернулась к окну.

Облако успело вырасти в размерах, и Мириам четко различила машины – скоростные кары с открытыми двигателями и сверкающими на солнце пластинами брони. Она все еще не чувствовала страха, не чувствовала вообще ничего, только в памяти постоянно всплывали слова одной из беженек: «Лучше умереть, чем даться им».

Мириам не знала, хочет ли она умереть. Ей однажды пришлось убивать, и сейчас она пыталась вспомнить, как правильно держать эту большую рукоять, чтобы отдача не вывихнула кисть руки. Ей всегда казалось, что в моменты вроде этого люди чувствуют панический ужас и мечутся, пытаясь спастись... Но страх не приходил, только револьвер в ладони становился все тяжелее и тяжелее.

Две машины вырвались немного вперед, и та, что была позади, открыла огонь. Мириам увидела вспышку на носу кара, а затем ворота и часть металлического забора, окружавшего ее постоянный двор, разлетелись на куски. Когда первый кар проехал по обломкам и развернулся около колодца, она вдруг почувствовала, что ноги ее не держат. Это было неожиданно... никакого страха, просто колени подогнулись, и она осела на пол в углу, у окна, направив пистолет на дверь.

Время остановилось. Мириам слышала рев моторов, когда во двор въезжали вторая и третья машины, скрежет металла во дворе и хлопанье дверей в домиках... Пистолет внезапно стал невесомым. Она словно со стороны смотрела на свои руки и длинный ствол, направленный на дверь. Вот она распахнулась...

И Мириам поняла, что не может нажать на курок.

Появившийся в дверях человек, казалось, ее не заметил, прошел мимо – только мелькнули металлические пластины, нашитые на его кожаную броню, когда он одним движением распахнул шкаф и принялся выбрасывать из него вещи. Второй рейдер, вошедший следом, бросил взгляд на Мириам – и она уронила пистолет.

Его глаза были прозрачными льдинками на дочерна загорелом лице, влажными кусочками стекла, в них не было ничего человеческого. Он прошел на кухню, а Мириам внезапно поняла – умереть действительно было бы проще.

Она снова взялась за рукоять револьвера – и кто-то наступил ей на руку. Она смотрела на тяжелый ботинок с высокой шнуровкой и не могла поднять голову... Должно было быть больно, но боли тоже не было. Ее рывком подняли на ноги и с силой ударили о стену – теперь перед глазами оказались исцарапанные пластины военного бронежилета, выкрашенные в черный цвет. От удара ее голова откинулась назад и она почувствовала на своем лице дыхание третьего рейдера – дыхание боли и смерти.

А затем что-то произошло. Взревели моторы на улице, и комнату на короткое мгновение осветил неправдоподобно ровный фиолетовый свет – словно в окно заглянул прожектор из цветного стекла, вроде тех, что Мириам когда-то видела на ярмарке. В мгновение ока вспыхнули занавески, волна жара ворвалась в дом следом за рейдерами, взрыв во дворе заставил затрястись тонкие металлические стены дома Мириам. Весь мир содрогнулся... Тот, кто держал ее, разжал руки – но она осталась стоять, так же, как и рейдеры, глядя наружу. Раскаленные пыльные вихри ударили в двери и окна и закружились по комнатам... А следом за ними пришел еще кто-то.

Мириам уловила движение в дрожащем воздухе, мерцание стального клинка. Рейдер, выскочивший из кухни, отлетел к стене, отброшенный металлическим бликом, а тот, кто рылся в шкафу, вскинул руку с пистолетом. Но в следующее мгновение кисть его руки, все еще сжимающая оружие, ударилась о потолок комнаты, отделившись от тела. Человек, державший Мириам, оттолкнул ее и сделал шаг вперед – и тогда она, впервые за долгие минуты, почувствовала, что может двигаться.

И кинулась ему на спину, вцепляясь руками в горло, защищенное жестким воротом бронежилета.

Рейдер качнулся, и в воздухе снова мелькнуло лезвие – низко, под ногами Мириам. Мир в который уже раз перевернулся... Теперь она смотрела на свою комнату снизу. Комнату, в которой она провела столько дней, где все вещи были такими знакомыми и родными... и стены и потолок которой теперь были залиты кровью. Невысокая фигурка, не выше самой Мириам, добивала рейдеров – деловито, быстрыми взмахами длинного изогнутого клинка. У того, на которого упала Мириам, была отрублена нога – и он пытался встать, издавая плачущие звуки, когда лезвие с отвратительным хрустом вонзилось ему в шею.

Затем убийца рейдеров взял Мириам за плечо и поднял на ноги одним резким движением, заставившим ее зубы клацнуть. У него были тонкие, но очень сильные пальцы, и прикосновение оказалось болезненным – первая боль, которую Мириам почувствовала в это утро... Пробившаяся сквозь пустоту внутри, она заставила ее вскрикнуть и поднять глаза на своего спасителя...

И обнаружить, что лица у него нет.

На Мириам смотрела уродливая маска из черного пластика, перевитая трубками, с несколькими клапанами для дыхания и несимметрично расположенными оптическими линзами. Рука в перчатке, лежавшая на плече Мириам, была армирована тонкими металлическими полосами, пронизывающими всю рубчатую обтягивающую броню этого странного существа.

– Можешь идти? – спросила маска бесполом механическим голосом.

– Могу, – ответила Мириам.

– Машина есть? – маска оглядела комнату, трупы, и снова повернулась к Мириам.

– Да, – ответила Мириам.

– Тогда собирайся, я еду на восток.

Маска отпустила ее плечо, и, казалось, утратила к ней интерес, принявшись обыскивать трупы. Мириам подошла к шкафу. Рывшийся в нем рейдер лежал теперь среди ее одежды – комбинезонов, курток, джинсов, платков – всего того, что носила она в последний год, или оставляли ее постояльцы как плату за ночлег. Теперь все это плавало в крови – рейдер, которому маска отрубила руку, не умер сразу, и она расплосовала его крест-накрест. Мириам снова почувствовала слабость в коленях, а затем ее вырвало прямо на труп.

– Хочешь взять что-то отсюда? – маска, сидящая за ее спиной на корточках, подняла пистолет рейдера и стряхнула с него отрубленную кисть.

Мириам не ответила... Словно замороженная, смотрела она на ярко-желтый платок, пропитывающийся кровью у нее на глазах – просто вещь, принадлежавшая ей, одна из многих вещей, которые у нее были...

Которых у нее теперь не было.

– Не хочу. – Мириам встала и сгребла все, что еще лежало на полках и висело в шкафу – пару курток, юбку и свитер. Ее прежняя жизнь закончилась, и ей почти нечего было взять с собой – точно так же, как когда-то в прошлом, полтора года назад.

Бросив вещи на кровать, она завернула их в одеяло и завязала в большой узел. Потом вышла на кухню, ступая между лужами крови, и вынесла оттуда две коробки – с личными вещами и медикаментами.

Маска тем временем разрядила пистолет рейдера и зарядила свой собственный – небольшой черный игольник с широким магазином перед рукоятью.

– Очень хорошо, – сказала она, поймав взгляд Мириам, – у меня как раз закончились заряды.

Глядя, как маска вешает пистолет на пояс и подбирает с пола свой страшный клинок, Мириам внезапно поняла, что перед ней – женщина. Всего на несколько сантиметров выше самой Мириам, худая, узкобедрая, с изящными формами, которые не способен скрыть даже жуткий комбинезон.

– Там есть еще вода и продуктов немного, – Мириам подняла узел, коробки... Смотрела, как маска вытирает лезвие одной из старых рубашек, подобранных в окровавленной куче. Пыль в комнате медленно оседала, но дым от тлеющих пластиковых занавесок все еще висел под потолком.

– Хорошо, бери.

Клинок маски, чистый и блестящий, щелкнул, уходя в длинную рукоять, словно обычный складной нож.

Они вышли во двор. Маска тащила тридцатилитровую бутылку с водой так, будто та ничего не весила, а Мириам волокла за ней свои нехитрые пожитки, дополнившиеся еще одним узлом – с крупой, картошкой и сушеным мясом.

Она остановилась на секунду, и дыхание ее перехватило – может быть, из-за тяжести узлов, а может быть, потому, что двора больше не было.

Пространство перед ее домом было засыпано дымящимися кусками металла, в которых угадывались обломки каров и домиков для гостей. Труба колодца, срезанная у основания будто ножом, смотрела в небо, как дуло орудия.

Рядом с колодцем, прямо на раздавленных остатках другого кара, стоял кар маски – низкая бронированная машина военного типа, выглядевшая так же жутко, как и сама маска, – со множеством отметин на броне, оплавленными защитными щитками и ребристым цилиндром тяжелого излучателя, смотрящего своим слепым зрачком прямо на Мириам.

– Что здесь... – Мириам остановилась около колодца и заглянула в него... Там на глубине десяти метров мерцала вода. Оплавленные края трубы все еще дымились и излучали жар, а в воде отражалось лицо Мириам – маленькое и испуганное, с огромными черными глазами... Точно такое же, каким она увидела его когда-то давно, впервые посмотрев в этот колодец.

Ее тихому островку посреди безумного и страшного мира действительно пришел конец – окончательно и бесповоротно. Опустив узлы в горячую пыль, она наклонилась и сняла с рукояти колонки, лежащей теперь рядом с трубой, маленький колокольчик.

Маска наблюдала за ней, поставив бутылку с водой на броню своей машины.

– Он звенел, когда набирали воду. – Мириам сжала колокольчик в кулаке. – На память...

– Это был разъезд, – сказала маска, ее механический голос не выражал ничего. – Разведка, идущая впереди Руки. Их много... В этом отряде было всего восемь человек, и остальные уже знают, что они мертвы...

– Мой грузовик за домом, – Мириам наклонилась, собирая узлы, – дай мне две минуты, чтобы его завести...

Уже забросив вещи в трейлер, Мириам оглянулась... и не поверила своим глазам: маска стояла возле колодца, наклонившись над ним, и... рассматривала свое отражение.

II

– А что такое Рука? – спросила Мириам позже, когда дым от ее прежнего дома остался далеко позади, а солнце поднялось почти к зениту. Они ехали на восток по старому хайвею настолько быстро, насколько позволял движок грузовика Мириам. В переговорнике, настроенном на волну маски, слышалось ее дыхание – видимо, микрофон был встроен прямо в воздушный клапан комбинезона.

– Это рейдеры, – после короткой паузы ответила маска. – Самая большая банда рейдеров за последние пять лет. Она состоит из других банд поменьше, и сейчас они двигаются с запада, из пустыни, грабя и убивая всех, кого встретят.

– А города-крепости?

– Я слышала, что они не смогли взять Даллас, и обошли его стороной, но другим городам вокруг не так повезло.

– Думаешь, в Атланте нас укроют?

– Надеюсь, что нас туда пустят. Я видела множество беженцев по дороге, не думаю, что их всех оставят за воротами.

– Я тоже видела... они останавливались у меня.

– Это был твой постоянный двор?

– Да, а что?

– Тебе нужно было бежать раньше, ты бы все равно его не защитила.

Они замолчали. Маска была права, и Мириам все равно не смогла бы подобрать слова, чтобы объяснить ей, почему ей так тяжело было оставить свой дом – единственный дом, который у нее когда-либо был.

– Они не отстали, – слова маски прервали размышления Мириам, – нас преследуют еще несколько, я их слышу. Не останавливайся!

– Да, я вижу, – в треснувшем зеркале заднего вида грузовика Мириам отражалось маленькое облако пыли посреди тонущего в песке старого хайвея. – Они нас догонят?

– Нет, я сама их встречу.

Рейдеры приближались быстро... На этот раз их было больше: Мириам разглядела шесть машин. Маска, ехавшая немного впереди, действительно притормозила и начала отставать.

– Осторожнее... – сказала Мириам и прикусила язык: эта женщина явно лучше знала, что делать. В зеркале Мириам наблюдала, как маска замедлила ход еще больше, как кары преследователей выстраиваются в одну линию, заметив ее, и как открываются оружейные порты на самом быстром из них.

А затем маска затормозила.

Облако пыли вылетело из-под колес ее кара, который завертелся, продолжая мчаться вперед по инерции... один оборот, второй, третий... и знакомый фиолетовый свет в зеркале едва не ослепил Мириам.

Маска включила лазер – на долю секунды, пока нос ее машины разворачивался к рейдерам.

Зеркало полыхнуло огнем, луч прошел горизонтально через передние машины, превратив их в пылающие факелы, оплавленные куски брони брызнули в разные стороны. Две машины, не попав под лазер, врезались в обломки, и одна из них взлетела в воздух, прочертив длинную дугу. Другая, тоже не успев затормозить, ударилась в кар маски, перегородивший дорогу.

Облако пыли мгновенно скрыло место столкновения, и Мириам, не выдержав, остановила грузовик и выскочила наружу.

На дороге было тихо и очень жарко, на небо больно смотреть. Мириам, щурясь, несколько секунд вглядывалась в облако, пока не уловила движение.

Знакомая фигурка и блеск лезвия – маска выпрыгнула из кабины прямо на стоящую рядом машину. В переговорнике слышалось ее дыхание – такое же спокойное, как и раньше. Кто-то пытался выбраться из машины – и мачете маски поднималось и падало, как крыло бабочки. Покончив с экипажем одного кара, она пошла к другому, перевернувшемуся, – и дыхание оставалось таким же ровным.

Мириам стало страшно.

– Тебе не нужны батареи? – раздался в переговорнике голос маски, – У этих двоих уцелели топливные элементы.

– Наверное, нужны, – выдавила из себя Мириам.

– Хорошо.

– Я вернусь в машину.

– Хорошо.

– Слушай, – Мириам остановилась, уже открыв дверь кабины. – А как тебя зовут?

Дыхание в переговорнике сбилось. Маска не отвечала долго, словно вспоминая что-то.

– Называй меня Би.

III

На ночлег они остановились у края заброшенного городка – Мириам не знала его названия, большая часть невысоких зданий была наполовину занесена песком и заросла невысокими кривыми деревьями и диким виноградом. В руинах домов, все еще возвышающихся над пустыней, свободно гулял ветер, но Мириам помнила, что ближе к осени все изменится – после нескольких дождей виноград зазеленеет снова, и тогда развалины будет не узнать: они превратятся в зеленые холмы странной формы, ничем не напоминающие творение рук человека.

За весь день они остановились всего два раза, и то по настоянию Мириам – похоже, что Би не было нужно ни есть, ни пить. Она не проявила никакого интереса к приготовлению ужина, поэтому Мириам занялась этим сама – ей было не привыкать.

Она развела костер из сухих веток под стеной низкого строения, которое когда-то могло быть магазином или кинотеатром... Теперь оно защищало их от ветра, и не более того. Машины стояли рядом, и со стороны хайвея огня видно не было. Повесив над костром котелок с водой, Мириам уселась возле огня. Би открыла кабину, но из машины так и не вышла.

– Ты будешь кашу? – спросила Мириам, когда молчание стало совсем невыносимым. В кабине кара звякнуло: видимо, Би что-то уронила.

– Что? – переспросила она через несколько секунд.

– Кашу с мясом.

– С мясом?

– С говядиной. Она сушеная, в специях, и не то чтобы очень вкусная, но зато горячая. Будешь?

– Не знаю, – Би выпрыгнула из кабины одним легким движением, уже знакомым Мириам. Держа сложенное мачете под мышкой, она подошла к костру и остановилась в нерешительности. Маску она так и не сняла.

– Я очень давно не ела... ничего такого.

Мириам, сидящая на сложенном вдвое одеяле, подвинулась, но Би просто молча стояла и смотрела в огонь.

– А что же ты ела? – спросила Мириам.

– Сухой бульон, галеты, концентраты, кофе... у меня еще остался кофе.

Би наконец-то обратила внимание на одеяло и присела на самом краешке, скрестив ноги, с очень прямой спиной. Мачете она положила под левую руку, между собой и Мириам.

– Так ты поешь каши?

– Да, наверное.

– Вот и хорошо. А почему ты не снимешь маску?

– Маску?

– Ну, шлем.

– Я к нему привыкла.

– Но ты же не сможешь в нем есть?

Би промолчала, потом нерешительно подняла руки к лицу. Мириам смотрела, как она осторожно, на ощупь, отсоединяет бронированные трубки, ведущие к воротнику, и затем расстегивает горловой клапан комбинезона. Под клапаном оказался черный шейный платок, и Би сдвинула его вниз, чтобы нажать что-то под подбородком маски.

Маска лопнула пополам, разделяясь на две мягких половинки, и Би отбросила их за спину вместе со шлемом, как капюшон.

Мириам глубоко вздохнула.

Рядом с ней сидела молодая женщина и, сильно сощурившись, смотрела на огонь. Глубокие отметины от воздушных трубок пересекали ее лицо, а длинные черные волосы были скручены в большой неаккуратный узел на затылке.

– Воздух, – Би повернулась к Мириам, миндалевидные глаза были полны слез, – такой холодный... ничего не вижу...

– Подожди... – Мириам подтащила к себе один из своих узлов, и принялась в нем рыться. – Одну секунду...

Би наблюдала за ней, все так же щурясь, по ее щекам текли слезы, оставляя грязные дорожки.

– Дезинфектант, – Мириам протянула Би кусок чистой марли, смоченный дезинфицирующим раствором. – У меня его целая бутылка... давай я вытру тебе лицо.

– Я сама, – Би забрала марлю, и осторожно приложила ее к щеке. – Холодная...

– Тебе не мешают перчатки?

– Нет, я привыкла, – марля оставляла грязные разводы, но Би продолжала втирать раствор в кожу, словно стараясь лучше узнать свое лицо на ощупь.

– Еще есть много воды... Может, хочешь умыться?

– Да, – Би бросила марлю в огонь и посмотрела на Мириам. Ее странной формы глаза были не просто черными, как показалось вначале – белки покрывала сеть лопнувших сосудов, словно Би не спала много дней. – Да, я хочу умыться. Что у меня с лицом? Все очень плохо?

– Нет, вовсе не плохо. – Мириам снова заглянула в мешок. – Держи зеркало.

Спустя полчаса в котелке булькала каша с кусочками мяса, а умытая Би сидела у костра рядом с Мириам и смотрела в сторону хайвея, в темноту. Зеркало лежало рядом с ней. От предложения Мириам расчесать ей волосы она отказалась. Мириам помогла ей смазать губы и ссадины от трубок защитной мазью и уговорила снять шейный платок – но потом Би просто перестала реагировать на ее вопросы и молча рассматривала себя в зеркало, все так же щурясь. Что она могла увидеть там при свете костра, оставалось загадкой для Мириам.

Разложив кашу в две жестяные миски, она отдала Би ее порцию – и та молча взяла ее. Ела Би очень медленно, словно пробуя каждую ложку заново, но съела все, до последней крошки.

– Вкусно? – спросила Мириам, – Обычно я готовлю лучше, но сегодня просто не из чего.

– Вкусно, – ответила Би, и встала. – Спасибо тебе... и за зеркало тоже спасибо.

И ушла в темноту, к своей машине. Мириам сложила миски, завернулась в запасное одеяло и улеглась у огня. Почему-то она была уверена, что Би позаботится о том, чтобы в темноте к их лагерю никто не подошел.

Проснувшись посреди ночи, Мириам долго не могла понять, где она и почему вместо жесткой рамы кровати под ней песок. А когда вспомнила, расплакалась – впервые после прихода рейдеров. Она плакала горько, и бесшумно, как научила ее жизнь без родителей, роняя слезы в одеяло, – но вдруг звуки, разбудившие ее, повторились снова. Она села, оглядываясь.

Костер едва теплился, угли тлели, и в темноте едва можно было различить фигурку, скорчившуюся недалеко от машин у стены.

Би рвало ужином.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

– Извини... – тихо сказала Мириам и шмыгнула носом.

Би ничего не ответила – просто молча залезла в кабину, оставив ее открытой.

Через несколько часов Мириам проснулась еще раз. Костер совсем погас, и со стороны машины Би был слышен ее голос: она говорила с кем-то, но так тихо, так что ни слова нельзя

было разобрать. Мириам лежала несколько минут, слушая ее голос и глядя на звезды, потом снова расплакалась, завернувшись в одеяло и уснула.

IV

Би разбудила Мириам за полчаса до рассвета. Небо на востоке розовело, песок был мокрым от росы, а на Би снова была маска.

От завтрака она отказалась, и Мириам пришлось доедать кашу одной.

– Прости меня, – снова сказала она, отчищая котелок песком. – Я уже видела такое... у людей, которые долго не ели.

– Я сама виновата. – Би сидела на крыле машины, глядя туда, где должно было взойти солнце. Ее механический голос был ровным. – Нужно думать головой, а не желудком.

– Если бы мясо было свежим, то я сварила бы тебе жидкий суп, от него бы тебе плохо не было.

Мириам сложила миски в котелок и спрятала котелок в узел с вещами. Би посмотрела на нее, и казалось, задумалась.

– Это не очень важно сейчас. Мы должны добраться до Атланты как можно скорее, а о еде можно подумать потом.

– Но ты даже не завтракала!

– Я поем позже. – Би запрыгнула в кабину машины, мотор которой тут же запустился с тихим свистом. – У меня еще остались три капсулы с кофе – хочешь?

– Нет. – Мириам потащила узел к своему трейлеру. – А что ты ешь, кроме кофе?

– Витаминный паек. – Колпак кабины опустился, и голос Би снова раздавался из переговорника на воротнике куртки Мириам.

– И давно?

– Неважно... я уже привыкла.

Мириам хотела было ответить... В ее памяти еще были живы воспоминания о детстве, о вечном голоде и блуждании по пустынным дорогам – но слов получалось слишком много, и они не складывались в связные фразы, поэтому она только вздохнула.

– Я еще сварю тебе суп. Тебе понравится, я хорошо готовлю... так люди говорят.

– Спасибо, – ответила Би, и мотор ее кара взревел. – Кстати, а как тебя зовут?

Глава II

Интермедия II

Песок после ночи нагревался медленно.

Днем, раскаляясь, он стремительно терял влагу, становился сыпучим и подвижным. Такой песок не хранил следов долго.

Человек, остановившийся у остатков чужого лагеря, знал толк в следах. Солнце взошло недавно, и один-единственный взгляд сообщил ему больше, чем другому мог бы дать час пристального наблюдения.

Широкие следы боевого кара, тяжелого, нестандартного, в полной броне. Глубокие следы его владельца – маленькие ноги, вязнущие в песке из-за дополнительного веса. Экзоскелет? Мальчик или женщина?

Человек медленно прошел по лагерю. Его броня меняла цвет с каждым шагом – серая, серовато-зеленая, песочно-желтая. Он остановился, и его силуэт слился с песком – только асимметричные оптические линзы на шлеме предательски блестели, но потом и они погасли.

Он рассматривал костер, грязь, остатки ужина, следы рвоты... Затем подошел к сохранившейся стене здания и легко запрыгнул на нее – на три метра в высоту.

Женщина... две женщины, одна из которых колет себе кофеин и страдает от проблем с желудком. Не то чтобы человека это очень заинтересовало – его основная цель лежала далеко в стороне.

Он присел на краю стены, неразличимый на фоне дюн. Некоторое время он сидел так, глядя в пустыню, на хайвей, куда уходили следы машин.

Женщина на нестандартном боевом каре. Интересно, кто она? Откуда?

Он снял с пояса маленький переговорник с ограниченным радиусом действия и набрал код частоты.

– Следую программе. Данные по первому этапу собраны, второй в процессе. Передача в точке два через сорок восемь часов, повторяю, точка два через сорок восемь часов.

– Принято, – сразу отозвался переговорник. – Точка два, сорок восемь, будут ждать.

– Отбой, – человек раздавил переговорник в кулаке и смотрел, как падают со стены его обломки.

Возможно, после завершения программы стоит сделать небольшой крюк?

Его броня изменила цвет на черный. Он спрыгнул со стены и пошел к своему маленькому кару, оставшемуся у съезда с хайвея.

Следов за ним не оставалось.

I

До полудня они ехали не останавливаясь. Климатизатор в грузовике Мириам давно не работал, и она изнывала от жары.

Наконец она упростила Би остановиться на пять минут и переоделась, забросив куртку и джинсы в трейлер и оставшись только в коротких шортах и майке.

– Песок не горячий? – спросила Би, глядя, как Мириам босиком бежит вокруг грузовика, поправляя защитные шторки и зеркала.

– Не очень, если не стоять на месте, – Мириам подскочила к ней и протянула бутылку с водой. – Пить хочешь?

– Нет, у меня есть вода.

– Тебе не жарко в этом... костюме?

– Нет, – Би повернулась к своей машине и приподняла колпак кабины выше. – Загляни сюда...

Кабина боевого кара оказалась узкой и тесной. Мириам удивило полное отсутствие приборов – перед креслом пилота горело всего несколько огоньков, но не было ни циферблатов, ни штурвала. Би указывала на узкий синий экран с тонкой трещиной посередине... Когда Мириам подошла, пальцы Би скользнули по экрану, и там развернулась карта.

– Мы здесь, – Би коснулась красной стрелки, стоящей на прозрачной веточке хайвея, – выше Атланта, вот здесь еще несколько поселений. А что находится здесь, к северу?

Мириам присела рядом с кабиной, рассматривая место, указанное Би.

– Здесь два заброшенных города. Чуть дальше... – Мириам осторожно дотронулась до экрана, и тот послушно передвинул карту, – здесь горячие места. Говорят, что именно сюда когда-то упали бомбы. Я видела издали... большой город, который просто оставили. Путешественники иногда там останавливаются... Говорят, что теперь там только дикие звери и дикие люди.

– Дикие люди?

– Ну да, – Мириам оперлась было о машину, но тут же отдернула руку: броня была раскалена. – Не как рейдеры, а просто дикие, они там живут, и иногда даже выходят на хайвей что-то продать.

– Понятно, – Би наклонилась, рассматривая карту.

– А в чем дело? – Мириам обошла ее и заглянула ей в лицо.

– Перед нами километрах в тридцати – три или четыре группы беженцев и несколько разъездов рейдеров. Не все они на хайвее – некоторые пытаются ехать объездными путями, а рейдеры вообще не знают карты. Я думаю, что если мы свернем немного к северу, то избежим столкновения с ними.

– Откуда ты знаешь?

– Они разговаривают между собой. Я слышу все переговоры.

– Но они... они ведь нападут на кого-нибудь?

– Может, и нет. Скорее всего, они не будут забираться далеко на восток – там Атланта, боевые посты и военные машины.

– Но ты...

– В тепловом излучателе остался всего один заряд. – Би провела пальцами по глубокой щербине на броне кара. – И у меня нет ни крупнокалиберных снарядов, ни ракет. Столкнуться с рейдерами сейчас – пойти врукопашную...

– Я поняла, – сказала Мириам. – Тогда поедем через заброшенный город... Там не так страшно, как многие думают.

– Ты не сгоришь на солнце? – спросила Би, глядя как Мириам смачивает волосы водой из бутылки и собирает их в хвост на затылке.

– Нет, я и так уже черная, – ответила Мириам. – Поехали, да?

II

Они свернули с хайвея через несколько часов, когда песчаная пустыня начала уступать место каменистой, а слева, в горячем мареве горизонта, проступили пологие холмы заброшенных городов. Эта дорога была заметно хуже... Усыпанная плотно спрессованным гравием, она петляла между обломками скал и дюнами. Би ехала первой, Мириам старалась не отставать, хотя ее тяжелый грузовик нещадно буксовал.

Плохая дорога кончилась неожиданно, оборвавшись у края старого, засыпанного песком плоского кратера, за которым, словно скальный массив, вздымался старый город. Мириам никогда не видела больших городов – а этот был просто огромен, с высокими полупрозрачными громадами зданий, разрушенными эстакадами и высокими строениями, густо заросшими сухой растительностью.

– Подожди, – сказала Би.

– Что такое? Слушай, какой он все-таки огромный...

– Там кто-то есть.

– Где? В городе? Но там уже давно...

– Смотри на кратер.

Мириам всмотрелась в кратер до рези в глазах, но солнце было все еще слишком высоко. Потом она поняла – следы машин... Они начинались на плотном песке совсем недалеко, и уходили куда-то в центр кратера, где и терялись среди каменных обломков.

– Я уже вижу, – кар Би медленно двинулся по следам. – Езжай за мной, никого живого здесь нет...

– Живого? – Мириам нажала на газ, стараясь следовать точно за Би.

– Живого, – машина Би вильнула в сторону, и тогда Мириам вдруг увидела то, к чему они ехали, – среди камней в центре кратера стояли четыре бронированных кара цвета песка.

Би остановилась и выпрыгнула из кабины, немного не доехав до них... Мириам смотрела, как она не торопясь идет между карами, держа на плече сложенное мачете, потом не выдержала и тоже вышла из машины.

– Тут довольно горячо, – предупредила ее Би, рассматривающая что-то на песке между машинами. – Хотя для нас, наверное, это не так уж и страшно...

– Я такая черная, потому что выросла в горячих местах, – сказала Мириам. – Мои приемные родители рассказывали, что радиация убивала людей сразу после войны, но с тех пор люди стали другими.

– Так и есть... – Би пнула что-то, лежащее перед ней. Мириам вскрикнула – то, что она приняла за кучу тряпья, было человеческим трупом.

– Что? – обернулась к ней Би, линзы ее жуткой маски сверкнули на солнце. – Не бойся, их здесь пятеро, и они все мертвы.

– Кто это?

– Рейдеры, кто же еще. Разъезд. Я слышала их переговоры еще вчера вечером... Но до утра они не дожили.

– Почему? Кто их... убил?

– Не знаю, – Би пинком перевернула еще один труп, лежащий рядом. – Все убиты выстрелами из игольника, двухдюймовыми иглами, в голову либо в горло. Самый распространенный картридж, у меня такой же. Только в них стреляли издалека, скорее всего – из винтовки.

Она по очереди обошла кары и осмотрела вещи, сложенные рядом с одним из них. Мириам отошла к своей машине и села в тени борта, у колеса: ее подташнивало, и ей не хотелось, чтобы Би это заметила. Сжавшись и упершись подбородком в колени, она наблюдала, как Би ходит по лагерю рейдеров, что-то достает из их машин, обыскивает трупы – и жара понемногу накрывала ее тяжелым ватным одеялом, веки становились все тяжелее и тяжелее...

...Ей снилось, что она снова стоит посреди своего двора и смотрит в колодец – а оттуда на нее смотрит мама. Мириам никогда не видела, но знала, что это она – потому что у нее были такие же черные волосы и глаза, как у Мириам. Во сне она протянула руку... и вдруг поняла, что колодец разрушен, и двора вокруг нет, а все завалено обломками вперемешку с изрубленными трупами. Вода в колодце стала красной от крови – и Мириам вздохнула, чтобы закричать, но воздух был слишком плотным и горячим, и вместо крика у нее вырвался только сдавленный хрип...

– Мириам! – механический голос вырвал ее из сна. На плече у нее снова лежала металлическая рука – но на этот раз больно не было, Би просто трясла ее, стараясь разбудить. Мириам попыталась вздохнуть и закашлялась.

– Выпей воды, – Би подала ей ее собственную флягу. Вода была теплой, со вкусом пластика и дезинфектанта, который Мириам сама добавляла в нее. Болела голова, все вокруг казалось ненастоящим – и грузовик за спиной, и кратер, сжигаемый солнцем, и Би в своем страшном костюме.

– Кошмар?

– Да. – Мириам поднялась, пошатнулась и ухватила за борт грузовика. – Все нормально?

– Да, – Би отступила на шаг, и Мириам увидела сваленные на землю вещи – металлические коробки, вещмешок, картриджи для оружия, и несколько пистолетов, – Возьми это в грузовик – может понадобится.

– Кто же их убил? – Мириам сделала еще плоток из фляги, потом плеснула воды в ладонь, чтобы умыться.

– Я знаю только, что он был один, – Би присела над принесенными ею пистолетами и принялась перебирать их. – На байке... Я нашла одну колею, которая ведет отсюда. Он выследил их ночью, занял идеальную огневую позицию и расстрелял – очень быстро, одного за другим. Потом спустился в лагерь и вывел из строя все машины – ни одна не на ходу, хотя батареи на месте. С трупов ничего не взял.

– Но кто это мог быть?

– Не знаю. Кто-то, кто тоже слушает радио на всех частотах и видит в темноте... Охотник за наградами, может быть.

– Ты видишь в темноте?

– Да, – и Би протянула Мириам один из пистолетов: это был блестящий игольник с массивной рукоятью и коротким стволом.

– У тебя нет оружия – возьми. В картридже двадцать восемь зарядов. Только не стреляй очередями, экономь патроны.

– Но я не очень умею...

– Тогда стреляй в упор – не промахнешься. – Би оглянулась на вещи, сваленные на земле. – Давай погрузим все в грузовик и быстрее поедem.

– А эти трупы... Как ты думаешь...

– Что?

– Возможно, нам стоит похоронить их?

– Нет! – Би вскинула голову, ее механический голос стал похож на рычание, заставив Мириам отшатнуться и крепче прижать к себе игольник. – Нет, пусть гниют на солнце!!!

III

Дальше они ехали в молчании. Мириам боялась заговорить с Би, только слушала ее дыхание – такое же ровное, как и обычно.

Приблизившись к городу, они поехали в объезд, по широкой дуге, – соваться в развалины, густо заросшие сухим желтым плющом, было бы сущим безумием. Приоткрыв от удивления рот, смотрела Мириам на проплывающие справа от них огромные руины – высокие стены в сотни человеческих ростов, просвечивающие скелеты зданий со сверкающими на солнце осколками окон, улицы, исчезающие в завалах и переплетениях длинных сухих корней.

Они ехали очень медленно... Большинство зданий выглядели так, будто готовы обвалиться в любую секунду. Несколько раз останавливались – Би прислушивалась, всматривалась – и затем они снова двигались вперед. Иногда в развалинах что-то с грохотом обрушивалось – город все еще продолжал разрушаться.

– Здесь действительно есть люди, – сказала Би, когда они остановились в третий раз. Сказала так неожиданно, что Мириам, уже привыкшая к молчанию, вздрогнула.

– Откуда ты знаешь?

– Я их вижу... в тепловом диапазоне.

– В тепловом?

– Я вижу тепло их тел, но не вижу брони, тепла моторов или оружия.

– И что они делают?

– Наблюдает за нами, – кар Би снова двинулся вперед. – Думаю, они нас боятся.

Город был действительно большим, гораздо больше, чем могла представить себе Мириам. Она напрасно всматривалась в заросли, ища тех людей, о которых говорила Би, – нагромождения камней и множество сухих растений надежно укрывали их от посторонних глаз. Все, что заметила Мириам, были вороны – черные точки, кружившие над городом и над дорогой.

Они ехали еще очень долго. Когда солнце скрылось за самыми высокими зданиями, просвечивая в разломах, и часть города утонула в глубоких тенях, Би снова остановилась.

– Нужно искать место для ночлега.

– Мы будем ночевать в городе? – спросила Мириам.

– Нет, лучше немного дальше. Через полтора часа солнце сядет, а ехать в полной темноте рядом с этими развалинами опасно.

– Ты боишься диких людей?

– В этих развалинах не только люди...

– А кто еще?

– Звери.

Дальше дорога расширилась, и город понемногу оказался позади. Сумерки уже сгустились, когда Би увидела подходящее место – спуск с дороги вел в естественное укрытие, образованное фундаментом какого-то огромного здания. В отличие от развалин, это место не заросло ни лишайником, ни виноградом – только несколько кривых деревьев возвышались между бетонными стенами, уходящими прямо в песок.

– Следы колес и костров... – Би вылезла из машины первой и теперь ходила по песчаной площадке взад и вперед, – стоянка старая, здесь давно не останавливались.

– Похоже на место для торговли, – сказала Мириам, которая тоже выбралась из грузовика и разминала затекшую шею и плечи. – Смотри, вон та бетонная плита могла быть столом для обмена. И костров вокруг нее несколько. А вот это... это...

Мириам замолкла, не зная, как назвать странное сооружение в углу стоянки – правильный каменный куб и укрепленная на нем металлическая пластина с синими прожилками. Би тоже подошла к нему, затем обошла кругом, рассматривая.

– Это алтарь... Вот остатки свечей, птичьи кости, кажется, еще и крысиные. Ты случайно не знаешь, что это может быть за культ?

– Не знаю. Мне говорили, что мои родители были из поклонников Иштар, а мои приемные родители верили в Христа, но я никогда не слышала про крыс или птиц...

– Тогда не важно. Я думаю, мы можем здесь остановиться.

– А... дикие люди?

– Сюда есть только один вход – если они, конечно, не умеют лазить по отвесным стенам. Я включу охранную систему машины.

– А я разведу костер.

Вытаскивая из трейлера одеяло и необходимую утварь, Мириам случайно взглянула вверх – и замерла. Над краем их убежища, в свете заходящего солнца, возвышался бесформенный остов гигантского здания, и красные огни играли на стальных полосах, пронизывающих его. Мириам знала, что развалины довольно далеко от их стоянки – но дом был настолько огромен, что казался расположенным в двух шагах.

– Как они это строили? – Мириам подтащила тюк с вещами и одеяло к тому месту, где сидела Би, между трейлером и каменным столом. – Сколько людей здесь жило?

– Их было много, – Би сидела прямо на песке, скрестив ноги, и разбирала свой игольник, раскладывая его части на промасленной тряпке. – В этом городе могло жить два или три миллиона человек.

– Миллиона? – Мириам опустила тюк и замерла, ошеломленная цифрой. – Здесь могло быть столько людей?

– Здесь могло быть гораздо больше. Никто точно не знает, сколько убила первая война. Миллиарды, несколько миллиардов...

– Миллиарды? Я даже не знаю, что значит это число.

– Это очень много.

– Я поняла. И все эти люди... умерли здесь?

– Не обязательно. Многие бежали, многие погибали потом. Город не разрушен прямым попаданием – возможно, на него сбросили нейтронную бомбу, которая убила жителей.

– Миллионы... мертвых... – Мириам села на теплый песок, обхватив руками колени. – Миллионы... совсем рядом с нами. Откуда ты все это знаешь – про миллиарды, про бомбы?

– Учила в школе, – маска Би повернулась к Мириам, – это общая история... Хотя на самом деле никто толком не знает, как все происходило...

– А что такое школа? – спросила Мириам.

– Это... такое место, где детей учат читать и писать. Ты же умеешь читать?

– Да, умею. Меня научили приемные родители. У них была книга, которую я читала, правда, недолго – потом она сломалась, и больше читать было нечего.

– А о чем была книга?

– Там были истории о любви. А еще была Библия, но книга сломалась, и я не успела ее прочитать.

– Понятно. Тебе не холодно так... сидеть на песке?

– Как? – Мириам с недоумением посмотрела на свои голые колени – она все еще была в шортах и босиком. – Я привыкла так ходить, если песок не очень горячий. Когда очень жарко, и никто не видит, можно и совсем раздеться. А холодно будет потом, через час после заката. Ты не хочешь снять свой шлем? Я помогу тебе умыться и расчесать волосы...

– Позже. – Би вернулась к своему занятию.

– Хорошо, тогда я разведу костер.

Би кивнула. Мириам развернула одеяло и свалила рядом свой тюк, потом встала, оглядываясь в поисках дров. Между стен стоянки гулял чуть заметный сквозняк. Несколько низких кривых деревьев лепились к бетонным руинам и кроме них, никакой растительности вокруг не было, даже вездесущего винограда.

– Можно я возьму твою мачете? – спросила Мириам.

– Мое... что?

– Твой большой нож.

– Это наваха. Зачем он тебе?

– Нава... нарубить веток для костра.

– Лучше я сама. – Би встала, зажав наваху под мышкой.

– А почему нава, а не мачете?

– Наваха – это название складного ножа, только очень большого. Какое дерево рубить?

– Вот это, которое поближе.

Би подошла к дереву. Наваха щелкнула, раскрываясь, и дерево затрещало, перерубленное у самой земли, и повисло на впившихся в стены сухих ветвях.

– Так быстро... ты очень сильная, – Мириам дернула за ствол, потом дернула еще раз – ветви снова затрещали, и он рухнул, чуть не свалив ее на землю.

– Это экзоскелет.

– Скелет... что?

– Мою силу увеличивает комбинезон. Ты не заметила?

– Я не знала, что такое бывает... Я думала, что ты просто очень сильная, – смутилась Мириам, – но теперь понятно, почему ты не хочешь снимать броню.

– Я к нему привыкла.

– Но тебе, наверное, в нем очень жарко?

– В него встроен климатизатор.

– Надо же, прямо как у меня в машине.

– Ну, почти...

– Разруби ствол, пожалуйста, еще на несколько частей – так будет легче развести костер.

IV

В этот раз Мириам приготовила ужин гораздо быстрее – костер получился большим, да и сама она торопилась – очень уж проголодалась.

Би сказала, что попробует, но есть не будет, и ушла в машину, оставив колпак кабины открытым. В неярком синем свете экрана Мириам рассматривала ее маску – Би сидела не двигаясь, даже ничего не переключая на пульте.

– Что ты там делаешь? – наконец не выдержала Мириам.

– Я слушаю и смотрю вокруг, никто ли нами не заинтересовался.

– По приборам?

– Да.

– И кто-то есть?

– Животные, птицы и несколько людей, но они пока не приближаются – метрах в четырехстах. Ничего интересного.

– А какие животные?

– Крупные, но какие – не знаю. А что?

– Ничего. Я тоже не знаю, какие животные тут живут. В пустыне живут только волки, тушканчики и мыши... но они все не опасные. То есть волки опасные, когда они в стае, но такое бывает редко, и они боятся огня.

Мириам положила Би совсем немного каши, на этот раз без мяса, и отнесла ей. Би молча взяла миску и поставила ее перед собой – туда, где, по представлениям Мириам, должен был бы находиться штурвал. До еды она не дотронулась, и продолжала смотреть в экран, на котором совершенно ничего не происходило. Мириам наблюдала за ней с минуту, потом не выдержала и спросила:

– А где приборы?

– Что? – удивилась Би.

– Ну, датчик батареи хотя бы, и эта твоя... тепловая камера. На экране ведь ничего нет?

– Машина передает все данные мне напрямую.

– А... штурвал? Я его тоже не вижу...

– Я управляю машиной тоже напрямую. – Би чуть повернулась в своем кресле, и теперь линзы ее маски смотрели на Мириам, отражая свет костра. – Без штурвала. Я прайм, ты разве до сих пор не заметила?

– Ты... что?

– Ты не знаешь, что такое прайм? – Удивление в механическом голосе Би прозвучало еще явственнее.

Мириам шмыгнула носом.

– Я не глупая, честно... но я не знаю, что это значит. Разве это плохо? Кажется, я слышала, как это слово употребляют... что-то, связанное с войной между крепостями... или войной с рейдерами?..

Би откинулась на спинку кресла.

– Это значит, что я могу соединяться с электронными устройствами напрямую, управлять ими или считывать информацию. Для этого используется прайм-линк – микрочип, вживляемый прямо в мозг. Плюс тренировка, конечно... очень долгая тренировка. Я боевой пилот-прайм... Думала, это все знают. Да и заметно сразу – по кару, по экзоскелету...

Мириам молча кивнула и ушла к костру. Би некоторое время наблюдала за тем, как она на сидит, поджав ноги и упершись подбородком в колени, потом выпрыгнула из кабины и подошла.

– Что-то не так?

Мириам промолчала, а потом с силой запустила сухую ветку в костер, взметнув фонтан искр:

– Я не дура! – почти выкрикнула она. – Я просто... просто еще многого не знаю. Но я не дура!

– Я не считаю тебя дурой. – Би села рядом с ней. Некоторое время они сидели молча.

– Я долго жила в пустыне, – наконец заговорила Мириам. – Я много путешествовала... со своей второй семьей, давно. Я видела очень много всяких вещей, плохих и хороших. У моих приемных родителей была таверна, а затем – постоялый двор. Это были самые лучшие места, какие я знала. И больше у меня ничего не было... никогда. Только дом. Ты... видела, что с ним стало. И я понимаю... понимаю, что еще очень много чего не видела и не знаю, но я хочу узнать... потому что больше мне нечего делать, у меня есть только я, и мой трейлер, и все...

Ее голос пресекся.

– Прости.

– Прости? – Мириам взглянула на Би сквозь слезы. – Ты же спасла меня, а я даже спасибо тебе не сказала. Если бы не ты, меня бы сейчас... меня... Я глупая, но я не неблагодарная... Я могу готовить, шить, стирать, я могу возить твои вещи, я могу...

Мириам расплакалась. Би некоторое время смотрела на нее, потом осторожно дотронулась до ее руки.

– Ты не одна такая... – в ее голосе, искаженном маской, прозвучала такая горечь, что Мириам задержала дыхание. – Не только у тебя нет ничего, кроме себя и кара. И не только у тебя был... дом.

Би вскочила, как подброшенная пружиной, и ушла к своей машине. От неожиданности Мириам прекратила плакать.

– Но что... теперь? – наконец прошептала она, но Би услышала.

– Ложись спать, – прозвучал из темноты ровный механический голос. – Мы выезжаем с рассветом.

Глава III

Интермедия III

Ночь упала на развалины неожиданно, как молот на наковальню, в считанные минуты окутав темнотой посадочное поле и город. Утонули во мраке пилоны с просвечивающей синеватой арматурой и стекла в далеких башнях погасли. Корабль, скрытый маскировочной сетью, возвышался в темноте, как сломанная арка огромного несуществующего моста, соединяющего город с пустыней.

Одинокому ангелу, стоящему у корабля, было не по себе. Темнота не мешала ему видеть вокруг дальше и глубже, чем позволяли человеческие глаза, но для спокойствия этого было недостаточно.

Пустыня дышала. Слабая и почти неощутимая пульсация исходила откуда-то снизу, из-под бетонного поля, из-за дюн, окружавших его, – и броня не была ей помехой, она билась прямо в сознание, наполняя его тоской и чуждыми непонятными образами.

Кровь давно впиталась в песок, а останки рейдеров растащили звери, но сейчас коричневые пятна, оставшиеся на месте их гибели, искрились слабым синеватым светом, словно в них частично отражались звезды.

– Кто-то смотрит, – неуверенно сказал ангел.

– Кто? – ожил коммуникатор.

– Не знаю, просто есть такое ощущение.

- Откуда?
- Со стороны города или, может, из пустыни, не знаю...
- Датчики?
- Молчат. Ничего нет. В инфра вижу людей в развалинах, в четырех тысячах метров.

Еще мелкие звери, но больше ничего.

- Возвращайся, выставим автоматику.
- Очень сильное... ощущение.
- Нервы. Радиационный фон в десять раз выше нормы, звери, пустыня – и ничего больше.

– А что под нами? Мой радар показывает пустоты, и там шумы.

– Старая военная база, входы взорваны. Там тоже никого быть не может.

– Я знаю, – ангел сделал несколько шагов по направлению к темной громаде города и присел. – Я тоже никого не вижу, но кто же тогда смотрит?

– Возвращайся, тебе нужно отдохнуть.

– Хорошо, еще немного, – ангел отключил коммуникатор и снял с крепления на спине узкий пластиковый контейнер. В темноте вокруг него множество маленьких существ замерли с его приближением и теперь наблюдали за тем, как он сдвигает крышку и ставит контейнер перед собой.

Ангел замер, стараясь даже не дышать. Во мраке он различал только яркие тепловые пятна созданий,двигающихся вокруг него.

Первым решилось существо, похожее на белку, с узким голым хвостом и большими ушами – оно вспрыгнуло на край контейнера, нырнуло вниз, и через несколько секунд выскочило наружу с куском шоколадного батончика в передних лапах. За ним с некоторым колебанием последовало еще несколько зверьков.

Они растаскивали батончики, с хрустом вгрызаясь в них и унося куски куда-то в пустыню, а ангел наблюдал за их возней.

Темнота и термическая броня надежно скрывали его улыбку.

I

Мириам снился древний город. Ей снилось, что она идет по его улицам, широким и чистым, и в многоэтажных домах, закрывающих небо, блестят целые стекла. Она знала, что где-то в этом городе – Би, и ее нужно найти, и что-то сказать ей... что-то очень важное. Она побежала, но улицы были бесконечными – одна переходила в другую, и здания поднимались над ней, как скалы. Никого не было вокруг... Мириам остановилась, оглядываясь, – и вдруг вспомнила, почему на улицах никого нет.

Все жители города мертвы, все – до последнего человека.

Миллионы мертвецов смотрели на нее из сверкающих окон древнего города... Смотрели молча и страшно. Мириам чувствовала на себе их взгляды, физически ощущала давление, пронизывающее до костей, выворачивающее наизнанку... словно она была букашкой, проколотой миллионами иголок, – и эти иглы двигались, изучая ее и в то же время меняя, придавая ей форму, складываясь глубоко внутри в угловатое, колкое и странно знакомое имя: Иштар.

Это ощущение прекратилось внезапно – а вместе с ним прервался и сон, превратившись в мелькание бессмысленных фрагментов. Она снова бежала по городу, но он уже был разрушен. В конце улицы, заросшей кривыми желтыми деревьями, за каменным столом сидела Би, а напротив нее – дикий человек, совсем голый, с черной блестящей кожей и длинными черными волосами. Би говорила с ним... но Мириам не могла понять, о чем. Она глубоко вздохнула, чтобы окрикнуть Би, – и проснулась.

Костер все еще ярко горел... как-то слишком ярко, так что даже укрывшись с головой, Мириам продолжала видеть его свет.

И Би действительно говорила с кем-то, ее механический голос звучал приглушенно, но все равно очень громко.

– Четыре, – сказала Би.

Молчание.

– Восемь, – сказала Би.

Скребущие звуки – по дереву или по камню.

– Двенадцать, я выиграла.

Мириам отбросила одеяло и села. За каменным столом в свете единственной фары своего кара на плоском обломке бетона сидела Би и говорила с диким человеком. Тот был совсем не таким, каким видела его Мириам во сне – длинноволосый и бородатый, он походил скорее на одетого в шкуры рейдера, чем на дикаря. Рядом с ним из песка торчало длинное копье с блестящим металлическим наконечником.

Мириам стало холодно... Она легла спать не переодеваясь, в шортах и майке. Костер едва тлел... Мириам раздула угли и бросила на них несколько толстых веток, потом завернулась в одеяло и подошла к столу. Дикарь следил за ней глазами, ярко блестящими в свете фары. Вблизи оказалось, что в его светлые волосы и бороду вплетено множество мелких вещиц вроде бутылочных крышек и колес от игрушечных машинок, а на широкую тунику из шкур нашиты полосы прозрачного пластика.

– Привет, – сонно сказала Мириам.

– Ложись спать, – сказала Би. Она трясла небольшой деревянный стаканчик, и именно он издавал скребущие звуки.

– Что вы делаете?

– Играем в кости, – Би опрокинула стаканчик на стол, и оттуда вылетело два маленьких желтых кубика. Дикарь смотрел на Мириам светлыми, почти белыми глазами, и она ничего не могла прочесть в его взгляде. Рядом с ним, по другую сторону стола, лежала тушка какого-то небольшого животного – незнакомого, не похожего ни на что, виденное раньше.

– И кто выигрывает?

– Ложись спать. – Би не повысила голос, но на этот раз ее слова прозвучали как приказ. Мириам сонно кивнула, пошла к своему месту, свернулась калачиком и почти сразу же уснула под стук костей.

Второй раз она проснулась от резких хлопков – кто-то стрелял из игольника. Еще не успев открыть глаза, она засунула руку в узел, лежащий под головой, нащупала рукоять пистолета, подаренного Би.

И выглянула из-под одеяла, поводя стволом направо и налево.

Фара еще горела... В ее синеватом свете рядом со столом стояла Би с игольником в одной руке и раскрытой навахой в другой. Перед ней, словно кучи тряпья, лежали тела – одно, второе, третье.

Мириам села, держа под прицелом темный прямоугольник входа в убежище. Би обернулась на ее движение.

– Не бойся, больше никого нет, их было только трое.

– Я не боюсь... просто спать очень хочется... – Мириам была мелкая дрожь, но страха она действительно не чувствовала, словно сон все еще продолжался.

– Спи, я покараулю, – Би сложила наваху и села на край стола.

Мириам снова свернулась калачиком, сжимая в руке игольник. Металл был холодным, а одеяло – теплым, и дрожь почти сразу прошла.

В третий раз она проснулась от очень знакомого чувства: кто-то пристально смотрел на нее. Неяркие звезды уже почти исчезли на предзвездном небе, но их света было достаточно, чтобы Мириам могла рассмотреть несколько существ у входа. Узкие морды, острые уши – они были бы похожи на собак, которых она видела раньше, если бы не слишком длинные лапы.

Существа сидели неподвижно. Время от времени одно из них придвигалось ближе ко входу, потом отходило назад.

Би, сидящая на столе, так же молча наблюдала за ними.

– Что им нужно? – шепотом спросила Мириам.

Би медленно опустила ноги на землю, потом взяла наваху. Лезвие вылетело с сухим щелчком, и существа отпрянули от входа.

– Берите, – громко сказала Би, навахой указывая на трупы. – Берите!

Она отошла назад, подкрытие стола, и три существа нерешительно вышли из тени. Двое из них тут же потащили трупы назад – не по-собачьи, а вцепившись в одежду когтями. Третье вспрыгнуло на стол перед Би. В его передних лапах было зажато копье одного из дикарей – с длинным металлическим наконечником.

Существо сделало два осторожных шага вперед и протянуло копье Би. Мириам отчетливо видела его лапы – почти человеческие руки, с грубыми пальцами и кривыми когтями.

Би медленно и осторожно взяла копье. Существо оживленно взвизгнуло, спрыгнуло со стола и потащило третий труп в темноту.

II

– Что это было? Или кто... это был? – Мириам села в своем гнезде из одеял, холодный утренний ветер остужал ее голые руки и пальцы, сжимающие игольник.

– Не знаю, – Би воткнула копье в песок и снова села за стол, взявшись руками за голову. – Видимо, они тоже хотели поменяться...

– Поменяться?

– Ну да, – маска Би разделилась пополам, и голос из громкого механического стал обычным, усталым. – Ты была права насчет места для торговли.

– Они приходили торговать?

– Да, – лицо Би в предзвездных сумерках было практически неразличимо. Только подойдя к ней, Мириам увидела, что Би смотрит на звезды – часто моргая и вытирая слезы.

– Иди спать, еще час до рассвета, – сказала Би, не оборачиваясь.

Мириам завернулась в одеяло и села с ней рядом.

– Я больше не смогу заснуть. Я и так проспала все самое интересное.

– Ничего интересного не было...

– А кто был тот человек в шкурах?

– Дикарь, они живут тут, в развалинах. Предложил поменять убитую косулю на что-нибудь... я дала ему капсулу кофе.

– Косу... лю?

– Маленького оленя, – Би повернулась к Мириам, – Ты не знала, что на краю пустыни живут олени? Они едят виноград и траву, а еще листья с деревьев.

– Нет... Я вообще почти не бывала здесь, только год назад на ярмарке в Хоксе.

– Дикари охотятся на оленей и приходят сюда – менять их шкуры и мясо на что-нибудь полезное. Как я поняла, они знают, что такое наркотики...

- А потом ты с ним играла?
- Да, он предложил поиграть на еще одну капсулу кофе. Я согласилась.
- А потом... куда он делся?
- Ты разве не видела, ты же проснулась? – Би снова отвернулась, вглядываясь в небо на востоке. – Он лежал тут, рядом.
- Ты его убила?!
- Да, и застрелила двух его друзей.
- Но за что?
- Он напал на меня, а они попытались ему помочь.
- Напал? Но вы же просто играли?
- Ты знаешь, что ты красивая, Мириам? – задумчиво спросила Би, и Мириам растерялась, забыв свой следующий вопрос.
- Я... может быть... Мне так говорили... несколько раз.
- Когда ты легла, он предложил поменять тебя на что-нибудь, потом предложил сыграть на тебя. Его друзья думали, что прячутся в темноте... Наверное, они посчитали, что я мужчина, путешествующий с женой. Я даже не предполагала, что они нападут – мой кар смотрит орудийными портами прямо на вход, и нужно быть полным идиотом, чтобы...
- Но они не знали, – Мириам встряхнула головой, – Они же не могли этого знать, они видят кары раз в неделю, а такого, как у тебя, они не видели вообще...
- Незнание их не оправдывает. Когда я велела ему уходить, он бросился на меня с копьем.
- Я поняла. А кто были те, которые пришли потом?
- Собаки, я думаю. Ты никогда не видела собак?
- Видела, но не таких... немного.
- Да, но эти оказались порядочнее... людей.
- Некоторое время они сидели молча, глядя на постепенно блекнущие звезды. На востоке, над самым краем бетонной стены, окружавшей их убежище, то и дело вспыхивал и гас тонкий синий луч, указывающий в небо.
- Ты не знаешь, что это? – спросила Мириам, когда он вспыхнул снова.
- Орбитальный лифт Атланты, – ответила Би, и в ответ на вопросительное молчание Мириам продолжила: – Это связь крепости Атланта с городом в космосе, Атлантой А.
- С небесным городом?
- Да. То, что ты видишь, – это остаточная ионизация. Города связаны тонкими металлическими нитями, вдоль которых летают вверх и вниз шаттл-капсулы... Летают с очень большой скоростью, так что ты можешь заметить их следы в воздухе.
- Теперь я поняла. Я видела эти нити несколько раз... Их очень далеко видно. Над Детройтом тоже есть небесный город?
- Да, как над большинством крепостей.
- А ты видела когда-нибудь небесных людей?
- Только по удаленной связи. Они не могут спуститься к нам – они не приспособлены к радиации, которая везде в нашем воздухе и в воде. Горячее место, вроде того, где мы были недавно, убило бы небесного человека.
- А как они выглядят?
- Как обычные люди, просто с очень светлой кожей.
- А их там много?
- Небесные города не очень большие на самом деле... Города-крепости намного больше.
- Мириам замолчала, обдумывая услышанное.
- Спасибо, – наконец сказала она, – без тебя я никогда бы этого не узнала.

Би промолчала... Казалось, вопрос о небесных городах заставил ее задуматься.

– Я приготовлю косу-лю, хорошо? – не ожидая ответа, Мириам встала с бетонной плиты и пошла к остывшему уже костру. – А то нам скоро выезжать...

III

Недолго думая, Мириам превратила стол для торговли в разделочный – никаких других твердых поверхностей поблизости не наблюдалось. Ей приходилось раньше разделять говяжьи туши – а маленький олень, убитый дикарями, был гораздо меньше коровы, и скорее напомнил ей крупного тушканчика. Пока костер разгорался, она успела выпотрошить тушку и снять шкуру – которой, по ее мнению, не хватило бы даже на то, чтобы сшить подушку. Мириам резала мясо на полоски маленьким острым ножом, захваченным среди остальной утвари... Работа была знакомой и успокаивала.

– Тебе достаточно света? – спросила Би. Мясо ее не интересовало – сидя возле машины, она втирала в лицо защитную мазь из набора Мириам. При свете восходящего солнца следы от воздушных трубок возле ее губ и носа проступали четче, словно шрамы.

– Достаточно. Ты будешь суп?

– Ты собираешься варить суп?

– Да, куда-то же нужно девать все эти потроха. Мы, конечно, все равно все не съедим, но хотя бы...

– Подожди, – Би повернула голову, к чему-то прислушиваясь, потом отложила жестянку с кремом и запрыгнула в кабину машины. Мириам пожала плечами, и продолжила нарезать мясо.

– Собирайся!

Мириам подняла голову. Би стояла в кабине, оглядывая их стоянку.

– Что-то случилось?

– Рейдеры... – Би притронулась к половинкам маски, лежащим у нее на плечах, потом передумала и начала развязывать платок, повязанный на шею.

– Едут сюда?

– Нет, не сюда. – Би смотрела прямо на Мириам. Ее глаза, красные от недосыпания, были полны усталости. – Они догоняют группу беженцев на хайвее в четырех милях к северу.

– Но ты говорила...

– Это христианская миссия... Там только один священник, несколько женщин и дети. На трех тяжелых грузовиках с трейлерами им не уйти.

Мириам оглядела стол, залитый кровью.

– Я соберу все мясо, которое смогу, оно нам пригодится. Дай мне пять минут, я все сделаю... и слей мне на руки, а то... – Мириам показала Би окровавленные ладони. – Я же не смогу так сесть за штурвал.

– Прости, – Би повязала платок заново, закрыв лицо и оставив открытыми только глаза. Потом подняла бутылку с водой, стоящую возле костра, и подошла к Мириам. – Я обещала, что мы будем в безопасности...

– Ты ничего не обещала. – Мириам плотно укладывала полоски мяса в котелок, перекладывая их пластиковой пленкой. – Ты думаешь, я ничего не понимаю? Я же вижу, какая ты. Ты... мы бы все равно не смогли сидеть в стороне, да?

Мириам протянула руки Би, и та наклонила канистру.

– Не смогли бы, – коротко признала она.

– Ты готова? – кар Би завелся со свистом, постепенно перерастающим в рев. Обеспокоенная звуком, откуда-то из-за стен убежища, со стороны города, снялась стая ворон.

Мириам смотрела, как они описывают круги над ее головой, и думала о том, ничего ли она не забыла...

– Подожди! – крикнула она Би неожиданно для самой себя. – Еще одну секунду...

Би обеспокоенно наблюдала за тем, как Мириам скрывается в трейлере, а потом бежит к алтарю в углу, сжимая в кулаке медный колокольчик, захваченный в сожженном дворе.

– Вот! – сказала Мириам, пристраивая свой подарок среди птичьих костей, под металлической пластиной с синими прожилками, явно извлеченной из древних развалин. – У меня был один дом, но здесь... здесь их был миллион. Я знаю, что это место – для вас, чтобы о вас хоть иногда вспоминали...

Мириам запнулась. Ворона, до этого сидевшая на стене, неожиданно спикировала на алтарь, ухватила колокольчик и, зажав его в клюве, расположилась на верхней грани металлической пластины. Ее глаза, черные с синеватым отливом, как металл под ее когтями, неотрывно следили за Мириам.

– Да, – сказала ей Мириам, – чтобы помнили... хотя бы так.

IV

Никогда еще грузовик Мириам не развивал такую скорость. Они ехали по ответвлению большого хайвея, совсем старому, уходящему прямо на север. Дорога петляла среди холмов, густо заросших сухим виноградом, – вероятно, бывших городских предместий. Мириам старалась смотреть только вперед – слишком много камней попадалось в песок под колесами, и Би то и дело останавливалась, чтобы ее подождать.

– Езжай вперед одна, – заикнулась было Мириам, когда Би притормозила в первый раз.

– Да? Среди этих развалин может быть еще одна группа рейдеров. Хочешь, чтобы я спасала тебя еще раз?

Этого Мириам не хотела. Ее грузовик рвался вперед, разбрасывая камни, а подвеска трейлера жалобно скрипела.

– Только не сломайся, – тихо повторяла про себя Мириам, – только не сломайся, ты мой железный, ты мой хороший...

Они выехали на хайвей и повернули на восток... Мелькнули по сторонам последние остатки городских домов и изломанные бетонные столбы.

– Уже недалеко, – голос Би звучал непривычно тихо без маски, – но похоже, что мы не успеем...

– Как не успеем?

Вместо ответа Би переключила свой переговорник – в ушах Мириам взорвался шум двигателей чужой машины и какофония человеческих голосов. Ей почти ничего не удалось разобрать: кричала женщина, а мужской голос повторял: «...и идя долиной смертной тени, не убоюсь я зла», повторял непрерывно, срываясь и заикаясь. Потом их заглушил голос Би – усиленный и практически неузнаваемый:

– Кретины! Вам от них не убежать. Останавливайтесь, ставьте машины рядом и занимайте оборону, я буду у вас через десять минут.

Голоса замолкли, затем женщина спросила неуверенно: «А вы кто?» – и громкий щелчок прервал передачу. После короткого шипения в динамике раздались далекие крики и улюлюканье, напомнившие Мириам о погонщиках скота, которых она видела как-то давно, и все опять затихло... Только ветер свистел в открытых окнах грузовика.

Би издала какой-то звук, похожий на рычание, и Мириам крепче вцепилась в штурвал. Хайвей поднимался и падал среди пологих песчаных холмов, пыльный хвост за каром Би закрывал обзор все меньше – пустыня снова становилась каменистой. Камни стучали под

колесами, и на самой границе слышимости раздавался голос Би – она словно что-то напевала, далеко от микрофона, и Мириам не могла разобрать слова.

Они догнали их быстрее, чем обещала Би: прошло всего несколько минут, и над дорогой показался дым. Кар Би рванулся вперед, Мириам тоже нажала на газ, понимая, что этого подвеска ее машины может и не выдержать.

Три грузовика стояли рядом прямо посреди дороги. Большие, квадратные, жилые... десятки таких когда-то останавливались во дворе Мириам. Сейчас два из них горели, испуская клубы жирного черного дыма – двигатели были разбиты. Видимо, их водители попытались выполнить совет Би, но было уже слишком поздно.

В некотором отдалении от грузовиков веером выстроились кары рейдеров – сколько их, Мириам не смогла разглядеть сразу. Между машинами сустились люди, кто-то стрелял. В дыму было сложно что-либо разобрать, но, видимо, для Би это не было проблемой.

Ее кар промчался между грузовиками и развернулся, две человеческие фигурки отлетели от него, как тряпичные куклы. Броня заискрилась под выстрелами, Би еще раз развернулась на месте – и колпак кабины распахнулся. Мириам притормозила поодаль, схватила игольник и выскочила из машины.

Воздух снаружи вонял гарью и металлом. Между машинами и прямо под колесами лежали человеческие тела... много. Мириам подняла игольник, не зная, в кого стрелять. Из-за грузовика показалась Би... Она швырнула о крыло человека в кожаной броне и дважды выстрелила ему в спину, потом куда-то в сторону. Кто-то бежал в пустыню, далеко за карами рейдеров, и Мириам подняла игольник, неуверенно целясь туда, но человек упал сам – внезапно, будто его ударили по голове.

– Это все, – сказала Би, – мы опоздали...

Она стояла между машинами, оглядывая тела. Мириам подошла к ней.

– Кто-нибудь жив?

– Может, я плохо тут вижу – все раскалено, – Би оглядывалась по сторонам, платок на лице поднимался и опадал от ее дыхания. – Но ничего больше не двигается.

– Сколько их было?

– Рейдеров? Человек восемь-девять... большой разъезд.

– Столько? И ты одна...

– Это не я. Моих тут четверо, – Би продолжала оглядываться, потом вытянула руку, указывая на холмы на востоке, – остальных он...

Мириам проследила за ее жестом. Далеко между скал, на самой границе видимости, в жарком мареве, исходящем от песка, кто-то стоял – странный, вытянутый силуэт с непропорционально большой головой.

– Кто это? – шепотом спросила Мириам.

– Откуда я знаю? Он молчит. Приехал чуть раньше нас, но тоже опоздал.

Мириам подняла руку и помахала. Незнакомый никак не прореагировал на ее движение... Его фигура уменьшилась и исчезла в очередной волне жара.

– Он явно не хочет общаться, – сказала Би. – Давай посмотрим, остался ли кто живой.

– Как так могло получиться? – Мириам стояла, прислонившись спиной к борту чужого грузовика. Ее только что вырвало – от жары и того, что она увидела, осмотрев место недавнего боя. – Пять человек, двое детей, и все погибли... нет даже раненых?

– Экспансивный боеприпас. – Би протянула ей картридж для пистолета. – Синяя полоска обозначает разделяющиеся керамические иглы. То, что ты видела, – раны от них.

Би отвернулась и швырнула картридж в борт ближайшего кара. Брызнули пластиковые осколки.

– Он очень добрый, этот незнакомец, – сказала она совсем неузнаваемым, низким, кипящим от ярости голосом. – Один выстрел в голову... Для них это слишком быстро...

– Тише, – неожиданно сказала Мириам.

– Что?

– Ты разве не слышишь? Кто-то плачет, – она приложила ухо к борту. – Кто-то прямо здесь.

Они обошли грузовик. Мириам дернула откидную дверь, но та не поддавалась.

– Заперто изнутри.

– Сейчас. – Би ухватила за выступ двери и за бампер. Заскрипел металл, дверь выгнулась, и Би вывернула ее наружу, как если бы она была из мягкой жести.

Плач стих. Мириам вглядывалась в жаркие внутренности грузовика, но ничего не могла рассмотреть – только нагромождение каких-то мешков и ящиков.

– Выходите! – сказала Би, – Мы не рейдеры.

Она отодвинула Мириам от двери.

– Отойди, а то еще выстрелят.

– Не выстрелят. – Мириам сделала шаг вперед, выставя перед собой пустые ладони. – Смотрите, у меня нет оружия...

Что-то шевельнулось между мешками. Блеснули глаза... несколько пар глаз.

– Выходите, – сказала Мириам.

Первой на землю соскочила светловолосая девочка – лет двенадцати, как показалось Мириам, одетая в серые холщовые брюки и рубаху. За ней последовало двое детей помладше – мальчик лет девяти и еще один лет шести, которого она взяла на руки и поставила на землю. Одеты все были одинаково – во что-то вроде грубой униформы, и Мириам вспомнила, что на трупах, разбросанных сейчас вокруг грузовиков, была такая же одежда.

Дети молча стояли и смотрели на них, самый младший держал за руку мальчика постарше.

– Привет, – сказала Мириам. – Меня зовут Мириам, а это Би...

– Я слышала, как вы там... говорили... – ответила девочка, обернулась, и попыталась зайти за грузовик, но на пути у нее оказалась Би. Девочка уперлась в нее, как в стену.

– Не нужно, – сказала Би, – не нужно на это смотреть...

Девочка наклонила голову, потом упала на колени перед Би и разревелась. Спустя несколько секунд к ней присоединились оба мальчика – обхватив ее за плечи, они зашлись в плаче.

Би смотрела на них с совершенно потерянным видом.

Мириам подошла к детям, опустилась на колени и обняла всех троих.

– Это правильно, – сказала она, – плачьте, так и должно быть... плачьте, пока можно.

От детей пахло свежевystиранной одеждой и пряностями – должно быть, из-за поклажи в грузовике.

– Побудь с ними, – сказала Би, – мне еще нужно выкопать могилы...

V

– Меня зовут Таня... Старший Рок, а младший – Тони, – говорила девочка минут десять спустя. Они зашли дальше за грузовик, в тень... Предполуденное солнце раскаляло каменные холмы вокруг, и стоящие неподалеку кары рейдеров мерцали в горячем воздухе, как призраки.

– Я самая старшая. Всех детей отправили вперед с караваном, а мы ехали последними. Я помогала собираться сестрам... укладывать... – она всхлипывала, но слезы на горячем ветру высыхали почти мгновенно.

– Вы поедете со мной, в моем грузовике, хорошо? – Мириам заглянула ей в лицо. – Ты все еще самая старшая... тебе придется собрать все ваши вещи и перенести ко мне. Все, что может понадобиться в долгом пути. Ты понимаешь?

– Понимаю, – девочка подняла голову, – но как же?..

Мириам проследила за ее взглядом. За все еще дымящимися грузовиками мелькала складная металлическая лопата, выворачивающая неподъемные камни и разбрасывающая песок.

Би рыла могилу.

– Это неправильно, – почти прошептала девочка, – я хочу попрощаться...

– Мы прощаемся. – Мириам встала. – Собирай вещи, а мне нужно ей помочь...

Би работала без повязки. Пыль покрывала ее лицо и костюм как желтый маскировочный балахон.

– Ты обгоришь на солнце, – сказала Мириам, присев на краю ямы, – у тебя очень белая кожа, и к вечеру тебе будет очень больно.

– Пускай...

– Тут тебе немного осталось... я пока подташу тех, что полегче.

– Что?

– Ну, их же нужно похоронить... я помогу.

Би закашлялась, потом выпрямилась, опершись на лопату и глядя на Мириам.

– Тебя же тошнит от вида крови...

– Да, но это... ты не должна делать все одна. Я справлюсь. И кроме того, мне... мне тоже хочется что-то для них сделать.

– Для них ничего уже не сделаешь.

– Неправда. Ты же что-то делаешь. Даже сейчас. И это не твоя вина, что они... что их...

– Не моя?! – Би швырнула лопату о стену ямы так, что полетели искры. – Твоя? Нет, ты делала, что могла. Их? Да они уже умерли... И кто мне теперь скажет, почему у них, у двух мужчин, трех женщин и кучи детей, было на всех одно ружье?! Одно... против экспансивных...

Она снова закашлялась.

– Я не знаю, – сказала Мириам. – У меня тоже был только один пистолет... Ты не виновата...

Би подняла лопату и выпрыгнула из ямы – одним движением, словно выброшенная пружиной.

– Те, кто виноват, – жрут песок! И большинство из них умерли гораздо легче, чем те, в кого они стреляли. Игла в голову... Ты знаешь, что мне пришлось добить священника и одну женщину – им вырвало внутренности, но они еще жили? Или ты не заметила?

– Пожалуйста, не кричи – дети услышат, – прошептала Мириам, из ее глаз сами собой закапали слезы. – Ты все сделала правильно... я все понимаю. Пожалуйста, давай я тебе помогу...

– Помощь – это не то слово, – Би тоже перешла на шепот. – Если все, что мы можем сделать для них, – это добить раненых и закопать их трупы, то это уже не помощь.

Она отвернулась и вонзила лопату в песок. Мириам дотронулась до ее плеча.

– Извини, – Мириам еле расслышала ее, – на меня иногда находит... Спасибо, что пришла. Я знаю, как это тяжело в первый раз.

Би обернулась. Ее глаза на лице, покрытом желтой пылью, казались черными провалами.

– Но потом... иногда потом это еще тяжелее.

Мириам помогала Би умыться. Руки и лицо пахли дезинфектантом... Ее все еще тошнило, но рвать больше было нечем.

Она знала, что будет сниться ей в ближайшие ночи, – неожиданно тяжелые тела, душный запах пыли и крови, коричневая грязь, быстро сохнущая на солнце. Между машинами остались лежать только рейдеры – но Мириам в любом случае не смогла бы заставить себя их коснуться. В какой-то момент – Би как раз начала засыпать яму – Мириам поняла, что Таня, девочка из миссии, стоит за их спиной и смотрит. Потом она убежала... вернулась уже тогда, когда Би заваливала могилу камнями, тяжелыми глыбами, которые не смог бы сдвинуть обычный человек.

В ее руках был крест, сделанный из двух металлических прутьев, перевязанных пластиковым жгутом. Теперь он был вкопан в песок между камней, а Таня стояла перед ним на коленях.

Булькала вода в канистре, Би стирала грязь с лица куском мокрой ткани.

– Скоро вода закончится, – тихо сказала Мириам.

– К вечеру мы будем в Атланте... если выедем сейчас.

– Я посмотрю, что из вещей нам может понадобится... и погружу. И возьму детей...

– Хорошо. Я соберу батареи, оружие... и сломаю все машины, которые еще на ходу.

Би выпрямилась и смотрела теперь на Таню, с ее лица капала вода. Мириам подошла к девочке и дотронулась до ее плеча.

– Прощайся, – сказала она. – Чем лучше попрощаешься, тем легче... расставаться.

– Мы не расстаемся, – возразила Таня. – Они в раю, и я их увижу... когда-нибудь.

Она закрыла лицо руками.

– Отец Кларк, Энтони, сестра Вонг, сестра Рут, сестра Мириам... – сказала она совсем тихо, и Мириам вздрогнула.

– И сироты Марк и Тимоти... Здесь даже негде написать их имена. И я не помню, что нужно говорить в таких случаях... моя проклятая память... Отец Кларк читал что-то, но я не помню, что читать...

– Важно не то, что читаешь, а то, что ты думаешь...

– О чем мне... думать? – Таня оторвала руки от заплаканного лица и подняла глаза – сначала на Мириам, затем перевела взгляд на Би. – Почему... почему такое случилось? Зачем эти люди... сделали это с ними?

– Из-за батарей в машинах. Из-за еды, лекарств, – Мириам наклонилась к ней. – Знать причины иногда хуже, чем не знать их вовсе...

– Из-за лекарств? Но ведь они могли просто попросить, им бы дали...

– Они не умеют просить, – жестко сказала Би – Если тебе станет легче – они за это ответили. Никто не ушел... они все останутся здесь. Навсегда.

– Разве... разве от этого может быть легче?

Би молча отвернулась и пошла к машинам.

Мириам осторожно взяла Таню за плечи и подняла на ноги. Та крепко сжала ее руку.

– Скажи, ведь насчет еды и лекарств – это неправда? Эти люди, когда напали, кричали что-то про детей... что нужны живые дети. Ты не знаешь, зачем?

– Не знаю, – сказала Мириам, – но нам действительно пора ехать...

Таня сделала несколько шагов за ней, потом остановилась.

– Скажи, а эта девушка, Би... она человек?

Мириам замерла, удивленная вопросом.

– Конечно, человек, а кем еще она может быть?

– Не знаю... но она такая... – Таня оглянулась на могилу. – Я ее боюсь...

– Не бойся. Она очень хороший... человек.

Глава IV

Интермедия IV

Он вошел в город впервые в жизни.

Его пыльный плащ мел древнюю мостовую, усыпанную песком и камнями, а восходящее солнце окрашивало красным заросли винограда и обломки, возвышающиеся вокруг. Он шел по звериным тропам, невидимым обычному глазу, среди стен в сотни человеческих ростов, готовых рухнуть от одного неосторожного движения, и металл на его лице разбрызгивал алые солнечные зайчики.

Он смотрел вокруг. Смотрел десятками нечеловеческих глаз – глазами песчаных мышей, ворон, кружащих в небе, собак, прячущихся от него за гигантскими деревьями, занявшими целые небоскребы. В этом месте, когда-то целиком и полностью добровольно отданном смерти, бурлила жизнь. Он чувствовал ее в каждом движении прохладного воздуха, в каждом порыве ветерка, в каждом шорохе.

Разумы змей и насекомых, узкие и простые, как деревянное копье. Разумы мышей и птиц, белок и косуль, собак и больших серых кошек, пульсирующие от ярких чувств и желаний. Сверкающие сознания людей, не отличающихся от животных по своей сути.

Он шел их путями, пересекая город. Семья кошек столкнулась с ним, но не увидела, и прошла мимо по тропе – одна за другой, так что он мог бы дотронуться до них, если бы захотел. Люди с копьями, охранявшие свой лагерь на остатках большого здания с колоннами, тоже не стали его останавливать – его образ не удерживался в их разумах, стираясь между моментом видения и осознания.

Он прошел среди грубых палаток и рам для сушки шкур в центр лагеря, к алтарю – металлическому столбу, вырастающему из каменного постамента.

– Я ухожу, – сказал он алтарю.

Ответа не последовало, но он и не ждал его.

– Я хочу видеть все сам. Я хочу чувствовать. Мне нужно понять их... самому. Когда это произойдет, я вернусь. Обещаю...

И дотронулся до синеватого металла.

– Прощай.

Он беспрепятственно вышел из лагеря и пошел по развалинам дальше. Невидимые пути, проложенные животными и дикими людьми, пересекали их во всех направлениях. Он шел мимо площадей, ставших пастбищами для косуль, мимо глубоких трещин в земле, в которых далеко внизу в обрывках труб бурлили подземные воды, мимо неузнаваемых памятников и входов в подземку, превратившихся в пещеры и логова диких зверей... Шел туда, где скоро должны были остановиться несколько очень быстрых машин.

К хайвею.

I

Сборы заняли у них еще полчаса.

Мириам перетаскивала в свой трейлер мешки и коробки, на которые указывала Таня, а Би бродила между машинами с ворохом оружейных ремней на плече. У миссии действительно не было ничего ценного – немного лекарств, одежда, сшитая самими сиротами из полотна, купленного в Хоксе, самодельное мыло на продажу, вода и ячмень. Когда Мириам сказала, что все это они не увезут, Таня опять расплакалась – ей было жаль оставлять вещи в пустыне. Два мальчика ходили за ней как тени, взявшись за руки, пока Мириам не приказала

им сесть в свой грузовик – но послушались они только после того как Таня повторила ее приказ.

Трейлер Мириам, и без того перекошенный на один бок, осел еще ниже, и теперь она всерьез беспокоилась за сцепку. У нее ушло еще десять минут на то, чтобы подновитьгель в шинах маленьким электронасосом. Закончив с ними и снова протерев руки влажной тряпкой, она обнаружила, что детей в кабине нет.

Они стояли у могилы – все трое. Таня держала в руках маленькую книгу и перелистывала страницы.

– Ты умеешь читать? – обернулась она к подошедшей Мириам. – Я привела их тоже попрощаться, и даже нашла Библию, но я не умею...

– А что читать? – спросила Мириам, беря книгу. До этого она видела пластиковые книги только у путешественников и издавала на ярмарке. В основном они были старые и потрепанные, а эта выглядела новой, мягкая обложка и страницы блестели, а черные буквы были такими маленькими, что Мириам приходилось напрягать глаза, чтобы хоть что-то разоб-
раться.

– Не помню... просто открой ее и прочитай что-нибудь. Пожалуйста...

Мириам раскрыла книгу... Вернее, она сама раскрылась, и оттуда выпала закладка – большой сухой виноградный лист.

«Есть зло, которое видел я под солнцем, и оно часто бывает между людьми. Бог дает человеку богатство и имущество и славу, и нет для души его недостатка ни в чем, чего не пожелал бы он...»

Мириам прервалась – не хватило дыхания. Она с самого детства не читала вслух, и ей казалось странным слышать свой голос, произносящий чужие и непонятные слова:

«...но не дает ему Бог пользоваться этим, а пользуется тем чужой человек: это – суета и тяжкий недуг...»

– Подожди, не так быстро, – прервала ее Таня, – нужно читать медленнее и громче...

– ОК. Сейчас, где я...

«...И если бы какой человек родил сто детей, и прожил многие годы, и еще умножились дни жизни его, но душа его не наслаждалась бы добром и не было бы ему и погребения, то я сказал бы: выкидыш счастливее его...»

Ее прервал взрыв – негромкий, но мощный хлопок за спиной. Таня вскрикнула, Мириам обернулась и увидела: один из каров рейдеров горел... Возле него стояла Би и махала им рукой.

– Пора, – сказала Мириам и захлопнула книгу, – а то мы так до вечера не успеем в Атланту.

– А зачем она...

– Не знаю, наверное, чтобы никто больше не смог ездить на этой машине.

– А вы едете в Атланту?

– Да. – Мириам отдала Тане Библию и взяла ее за руку, а та, в свою очередь, взяла за руку старшего из мальчиков. – Пойдемте в машину.

– А мы ехали в Хокс. Отец Кларк сказал, что в Атланту никого не пускают.

– Би считает, что нас пустят.

– А она солдат?

– Я... не знаю.

– А почему не знаешь? Ты разве не ее друг?

– Залезайте в машину. – Мириам посадила мальчика постарше, помогая ему залезть на сиденье рядом с водительским, а Таня подняла маленького Тони. – Поместитесь?

– Да, – ответила Таня. – Мне кажется, что она солдат...

– Наверное...

Мириам обошла грузовик спереди и взобралась на место водителя. Рядом с ней сидела Таня с Тони на коленях, Рок высунулся из окна и положил голову на локоть.

– Я слышала раньше, как отец Кларк читал то же самое... – За шумом прогревающегося двигателя Мириам еле услышала слова Тани. – Я думаю, ты правильно прочитала... Только вот я не смогла понять...

– Что? – так же тихо спросила Мириам, наблюдая, как кар Би разворачивается и выезжает на хайвей. – Давай я тебе объясню... хотя если честно, я тоже не очень поняла, что это все значило...

– Правда? Ну, может быть, ты знаешь... а то я спрашивала отца Кларка, а он злился. – Таня мотнула головой, стряхивая слезы.

– О чем?

– Что такое... выкидыш?

– Это ребенок, который умер, не успев родиться. Я не знаю, почему злился ваш отец – но такое бывает.

– Не успев родиться?

– Как бы рождается, но мертвым.

– Ага, – Таня задумалась.

Машина тронулась с места и Мириам была счастлива, что больше ничего объяснять не нужно.

II

Дорога на Атланту оказалась значительно лучше, чем те, по которым они ехали до сих пор – песок на старом бетоне был утрамбован множеством машин, трещины почти не попадались. Дети молчали – Рок вообще не произнес ни слова с момента его появления из грузовика, а Тони, по словам Тани, не говорил.

– Не то чтобы он не умеет... просто, видимо, не хочет. Рок тоже неразговорчивый, но это потому, что тебя стесняется.

– Я вижу. – Мириам максимально затемнила ветровое стекло, но в кабине все равно было невыносимо жарко, несмотря на открытые окна. Если бы не дети в кабине, она бы давно сняла майку. Для нее было загадкой, как переносит жару Таня – в своей курточке из легкого, но плотного полотна и таких же брюках – и не жалуется. Всю дорогу она молчала – только одергивала Рока, когда он слишком сильно высывался в окно, и говорила что-то Тони на ухо... при этом совершенно бесшумно плакала, роняя редкие слезы ему за воротник.

До этого Мириам видела множество детей – от совсем маленьких, завернутых в тряпки и спящих на руках у родителей, до почти взрослых, вроде Тани, бегавших с криками по ее постоялому двору и постоянно норовящих что-нибудь стянуть, уронить или съесть. Ей приходилось заботиться о них – иногда кормить, иногда искать и отводить к родителям. У нее были даже игрушки, которые она хранила для таких случаев, – мягкая кукла с глазами из пуговиц, кубики с буквами и еще много всяких мелочей, коробка с которыми осталась далеко позади, среди развалин постоянного двора.

Но эти трое были другими – наверное потому, рассудила Мириам, что, как и она, они были сиротами, выросшими среди чужих, пусть и добрых, людей.

И теперь у них тоже не было ничего... и незнакомая, дочерна загорелая девчонка везла их на своем старом грузовике в неизвестность. Подумав об этом, Мириам вдруг четко увидела себя глазами Тани – сквозь слезы: худые загорелые руки, лежащие на штурвале, узкое лицо, большие черные глаза и давно немытые волосы, завязанные в высокий хвостик. Виде-

ние было таким ясным, что она чуть не выпустила штурвал, грузовик ощутимо трянуло и Таня действительно посмотрела на нее.

И тогда Мириам заговорила.

Она говорила, с трудом подбирая слова... Говорила о том, о чем ей некому было рассказать с тех пор, как ее вторая семья покинула ее. Она говорила несвязно, смешивая события и впечатления разных времен... но дети слушали. Она рассказывала им о том, какими красивыми были рассветы в Олайхеме, городе ее детства, и какие там были виноградные сады, она говорила о дорогах, которые ей приходилось видеть, о том, чем отличаются бетон и древний асфальт и на что похожи старые города, в которых давным-давно боятся селиться люди. Она вспоминала свой постоянный двор, и то, как она разрисовывала дома для постояльцев красками из баллончиков, оставленных как-то ей в уплату... О том, какой холодной бывает вода из колодца по утрам, и как однажды ей подарили маленькое радио, которое она слушала целых две недели, пока оно не сломалось... Слушала музыку и какие-то новости из крепости Даллас, которых не понимала, но готова была слушать из-за красоты голосов, их произносивших. Она вспоминала мотивы древних песен, которые играли на ярмарке в Хоксе... таких прекрасных песен она не слышала никогда, несмотря на то, что часть слов в них была непонятна. Она рассказывала, как здорово загорать весной, лежа на жестяной крыше ранним утром, пока воздух не успел нагреться... и как расцветает пустыня ближе к зиме, когда каждый порыв ветра несет легкий пух и тысячи семян, а среди дюн островками распускаются маленькие желтые цветы, чтобы опасть через считанные дни и быть унесенными ветром...

Они приближались к Атланте, и местность вокруг менялась. Вдоль дороги тянулись возделанные поля, виднелись каналы и фермы. Мириам начала рассказывать о них... Как она жила на такой ферме несколько месяцев, о том, как выращивают пшеницу, овес и дикий чеснок, как проводят каналы и перегоняют коров с места на место ранней весной...

– Их покинули, – голос Би раздался из переговорника неожиданно, и Мириам вдруг поняла, что она тоже слушала ее все это время... и не перебивала.

– Фермы?

– Да. Я не вижу ни одного дымка и никого живого. Все фермеры, живущие вокруг Атланты, оставили эти места и бежали.

– Значит, они спаслись?

– Наверняка. Ехать осталось недолго... впереди кордон.

– Кордон?

– Да, сторожевой пост. Отсюда уже видно Атланту, смотрите.

Они как раз спускались с пологого холма, и Мириам не сразу поняла, о чем говорит Би... А потом до нее дошло, что нечто огромное, светлое и призрачное, закрывающее треть горизонта, – это и есть Атланта. Она вглядывалась в нее до рези в глазах, но с такого расстояния многого было не рассмотреть – большие здания прятались в дымке, стена казалась мутной полосой, а высоко в небе мерцала струна орбитального лифта, видимая даже при свете дня.

– Притормозим, не нужно заставлять их нервничать, – сказала Би, и Мириам послушно снизила скорость, продолжая рассматривать город на горизонте, пока восклицание Рока не оторвало ее от этого занятия.

Би остановила свой кар посреди дороги... Мириам не поняла почему, пока то, что она приняла за каменные глыбы на обочинах хайвея, не пришло в движение и не двинулось ей навстречу. Би вылезла из машины и медленно пошла вперед. Мириам затормозила в десяти шагах за ее каром и тоже вышла из кабины, жестом велев Тане сидеть на месте.

Би стояла, подняв руки, перед двумя очень большими карами песочного цвета. Пластины брони, похожей на самый настоящий камень, прикрывали их колеса, а из щелей между

ними смотрели страшные многоствольные орудия. Мириам не сразу разглядела, что за ними есть еще машины – непонятных очертаний, словно спящие и не принявшие еще свою боевую форму, как эти двое.

– Дорога закрыта, – сказал громкий механический голос одной из машин. – Разворачивайтесь!

Би что-то ответила ему... Слов слышно не было, но машины все так же стояли на месте.

– Разворачивайтесь!

Би снова возразила, и многоствольные орудия пришли в движение, раскручиваясь.

– Распоряжение короля! Атланта закрыта! Разворачивайтесь, или мы откроем огонь!

Би склонила голову, плечи ее поникли. Мириам непроизвольно сделала шаг назад, хотя отлично понимала – ни расстояние, ни броня не спасут от этих пушек. Когда Би наконец повернулась и пошла обратно к машине, она облегченно вздохнула.

Они развернулись и поехали... В зеркале Мириам видела, как пушки провожают каждое их движение, словно пилоты боевых каров боятся, что Би передумает.

Они проехали триста метров назад по той же дороге, затем за одним из холмов кар Би притормозил и съехал на обочину. Когда Мириам вышла из кабины, дети последовали за ней, как и раньше, держась за руки. Би сидела на крыле своей машины, лицо было закрыто платком, и Мириам не удалось поймать ее взгляд.

– Что теперь? – спросила ее Мириам. Дети держались рядом, длинные волосы Тани щекотали ее плечо.

– Это нелогично, – после длинной паузы сказала Би, по-прежнему глядя в сторону. – Даже если они приняли всех своих фермеров, их запасов должно хватить, чтобы выдержать и очень длительную осаду...

– Может, они боятся, что рейдеры проберутся внутрь города, и откроют ворота? – предположила Мириам. – Я, кажется, слышала о чем-то таком...

– Да, так случилось недавно... в Чикаго, – Би наконец-то посмотрела на нее. В ее глазах была растерянность, словно отказ стражей Атланты причинил ей неожиданную обиду. – Вопрос в том, что нам делать теперь. Кажется, ты бывала здесь?

– Да, хотя довольно давно...

– Куда бы ты поехала?

Мириам переглянулась с Таней.

– В Хокс, конечно, это самый крупный город по эту сторону от Атланты. Кроме того, туда поехала миссия – их же тоже не пустили в Атланту...

– Хокс? – Би заглянула в кабину своего кара и выдвинула экран. – Это вот здесь, севернее?

– Да. Туда идут все караваны, и торговцы из Атланты тоже часто там бывают. Это большой город...

– Через десять дней, или и того меньше, Рука приблизится сюда... и этот городок не устоит.

– Говорят, его защищает очень сильный барон. Путешественники рассказывали мне про Красного Ястреба...

– Каким бы сильным он ни был, ему не удержать город против четырех сотен боевых машин. – Би провела пальцами по экрану. – Нам стоит поехать туда, закупить припасы и ехать дальше... Если между нами и рейдерами встанет Атланта, у нас появится шанс.

– Ты думаешь, что рейдеры нападут на Атланту?

– О, я бы очень этого хотела. – Би убрала экран в кабину и обернулась. – Чтобы они рискнули... Хотела бы посмотреть, что с ними сделают боевые лазеры и генераторы плазмы!

– Нам понадобится вода. – Мириам сняла фляжку с пояса и передала ее Тане. – Нас теперь много, а у меня осталось не больше двух литров.

– Тут в округе полно ферм, можем заехать на одну. Моему кару тоже нужна вода.
– Чуть дальше к северо-востоку должна быть водная башня... я видела ее, когда мы проезжали мимо. Думаю, там никого уже нет, и мы сможем набрать воды бесплатно.

– Хорошо.

– Отец Кларк говорил... – Таня отдала флягу Року, и подошла ближе к Би, – говорил, что в Атланту невозможно проехать. Что они уже много дней не впускают никого – даже торговцев и путешественников. Поэтому мы поехали в Хокс. Он говорил, что его будут защищать, потому что сейчас там втрое больше людей, чем обычно.

– Я поняла, – ответила Би, но Таня сделала еще один шаг к ней, оказавшись совсем близко. – Еще отец Кларк говорил, что многие путешественники не доехали до Хокса... что туда стало гораздо опаснее ездить, и иногда исчезают целые караваны, а солдаты из Атланты ничего не хотят с этим сделать! Но мы все равно поехали...

– На самом деле в крепостях гораздо меньше техники, чем кажется, и не так много обученных воинов. И я не думала, что они нас прогонят...

– Скажи, почему?! Ты же солдат, правда? Ты нам помогаешь, но почему эти, другие, отказались тебя пустить?!

– Я не солдат, – медленно ответила Би. – И уже давно. А они... мне не поверили.

– Не поверили?

– Что я та... кто я есть. А может быть... и правильно, что не поверили, – Би отвернулась и одним пружинистым движением заскочила в кабину своей машины. – Я бы тоже... не поверила.

– Но они же видели твой кар! – почти прокричала Таня. – И твою броню! Ты не просто солдат, отец Кларк называл таких, как ты, посланцами смерти... Говорил, что вы выполняете волю Королей Дорог, и любой из вас страшнее, чем самая большая банда. Почему они отказались нам помочь? Почему?

Глаза Би сузились, и Мириам испугалась за Таню... А та подскочила к кару и стала рядом, глядя на Би сверху вниз. Они смотрели друг на друга несколько мгновений... потом Таня отвела взгляд и закрыла лицо руками.

– Я не знаю причин, – заговорила Би, медленно и тяжело роняя каждое слово. – Но они закрыли город для всех. И ты еще слишком мала, чтобы судить обо мне или таких, как я.

– Но почему? Ведь теперь все, кто не смог вовремя спрятаться, погибнут как... как...

– Королям Дорог все равно. Ты никогда не думала о том, как Бог позволил убить пять миллиардов человек за несколько дней? Почему Бог позволил убить твоих родных, а потом тех людей, которые дали тебе приют? Ты не думала об этом, маленькая монашка?

– Я не монашка, – тихо ответила Таня, захлебываясь слезами. – И моих родителей... их не убили...

– Короли согласны не замечать банд, пока те пропускают торговцев и досаждают их врагам. Они согласны терпеть работоторговлю на своей земле, если она позволит получить дешевых рабочих для ферм. Ты понимаешь, о чем я говорю, монашка?

– Не понимаю... Бог не мог позволить всего этого, это все... это все люди!

– Короли или Бог – без разницы; они позволяют. Это происходит потому, что они не хотят помешать. Как сейчас, например...

– Хватит! – сказала Мириам и обняла Таню. – Она не хотела... не нужно больше, ей и так плохо...

Би искоса посмотрела на нее и молча захлопнула колпак кабины.

– Она... злая, – прошептала Таня прямо на ухо Мириам, – она меч Короля, мне говорили про них... У них провода вместо сердца.

– Нет, – ответила Мириам так уверенно, что сама удивилась. – Разве ты не поняла?

– Что?

– Если бы ей было наплевать, она бы этого не говорила.

– Ты думаешь?

Ответить Мириам не успела, так как почувствовала прикосновение к своей ноге. Возле них стоял Рок.

– Мы еще не едем? – спросил он смущенно. – А то Тони хочет в туалет... Ничего, если мы отойдем к той скале?

Глава V

Интермедия V

Он оставил байк между двух скал, в тени. Хайвей бежал мимо белой полосой, разрезая лежащую перед ним чашу пустыни пополам. Она была совершенна – сверкающая под безупречным голубым небом, украшенная полосками камней и завитками дюн, совершенна настолько, что от ее красоты у него останавливалось дыхание.

Он опустил на колено и поклонился ей, потом снял винтовку с плеча и несколькими привычными движениями разматал защитную ленту, прикрывающую прицел и спусковой механизм. В картине перед ним была одна беспокоящая деталь, мешающая любоваться пустыней – облачко пыли над хайвеем вдалеке. Он толковал его форму легко, как обычный человек мог бы толковать значение улыбки на лице любимой.

Две скоростных машины с форсированными двигателями.

Даже не слушая их переговоры, он знал, что за люди их ведут, – Тигры, небольшой разъезд, отделившийся от основной группы. Облако, поднятое ими, было лишним в этой прекрасной пылающей чаше.

Электронный прицел разложился и лег на его глаза. Слегка приподняв коническую шляпу, защищающую от солнца, он задержал дыхание, прислушиваясь к ритму своего сердца.

– Ты станешь цветком, – прошептал одними губами.

Двухдюймовая игла, выброшенная магнитным импульсом, покинула ствол винтовки со скоростью две тысячи метров в секунду, раскрывшиеся под давлением воздуха стабилизаторы придали ей дополнительное вращение.

Спустя пять десятых секунды она встретилась с прозрачным пластиком колпака передней машины и легко пробила его. От удара вольфрамовый наконечник расплавился и игла разделилась в полете – ее боевая часть, две керамические половинки, вошли в глаз водителя и вырвали ему затылок.

Кар, утративший управление, еще несколько мгновений продолжал нестись по прямой, потом вильнул, перевернулся и взлетел высоко в воздух. Второй кар обошел его, даже не притормозив, рейдер с длинноствольным игольником высунулся из его кабины, ища цель.

– Ты станешь пылью, – вторая игла ударила автоматчика в горло, почти оторвав ему голову. Тело свесилось вниз, но кар поехал еще быстрее: водитель уже видел стрелка – одинокую коленопреклоненную фигуру у скалы.

– Ты станешь камнем, – и второй кар перевернулся, взрывая песок и разбрасывая вокруг осколки металла и пластика. Некоторое время он кувыркался по инерции, пока, вращаясь, не остановился в десяти шагах от стрелка, который даже не вздрогнул. Он вглядывался в первую машину – перевернутый и лишенный колес остов, в котором все еще что-то шевелилось. Наконец часть искореженного колпака отвалилась, из машины с трудом вылез человек... Пошатываясь, выпрямился во весь рост в визоре электронного прицела.

– А ты... ты станешь бабочкой.

I

Водная башня оказалась даже ближе, чем думала Мириам. Они ехали не более часа, когда увидели ее, свернули с хайвея направо и потом еще минут двадцать петляли по плохой каменистой дороге. На первом же ухабе грузовик подкинуло так, что Таня ударилась головой о потолок кабины, и после этого вжимала голову в плечи при малейшей тряске. Она больше ни о чем не спрашивала, Мириам тоже ни о чем не хотелось говорить. Би, похоже, вообще отключила переговорник – даже ее дыхания, уже ставшего привычным, как шум мотора, не было слышно.

Башня стояла в небольшой низине рядом с дорогой, между двумя холмами. Вокруг нее были разбросаны четыре небольших ветхих строения с плоскими крышами – вроде домиков для гостей во дворе Мириам. Би проехала прямо под башней, объехала пару домиков и остановилась между ними. Мириам поставила свой грузовик рядом и смотрела, как Би медленно идет к башне, держа наваху на плече.

Би остановилась под трубой водосброса, осмотрела большие ржавые вентили и трубы, опутывающие башню, потом обернулась и помахала рукой. Мириам сняла клипсу переговорника, засунула ее в зарядное гнездо рядом со штурвалом, открыла дверь и спрыгнула на землю.

– Ты поможешь мне? – спросила она Таню, снимающую Тони с высокой подножки. – Нужно будет набрать воды и кое-что перенести...

– А можно что-нибудь поесть? – спросил Рок, спустившийся с другой стороны кабины. – А то мы не ели со вчерашнего...

– Обойдешься! – резко сказала Таня. – Тебе лишь бы есть да спать!

– Но я хочу есть... и Тони, и ты наверняка тоже хочешь...

– Мне не до этого! Тебе же сказали, нужно набрать воды и ехать дальше!

– Может, у нас будет время поесть... – Мириам провела рукой по волосам, – и даже привести себя в порядок. Таня, возьми, пожалуйста, в трейлере бутылку для воды... большую, она уже почти пустая.

– Хорошо. Рок, смотри за Тони, и не уходите далеко от машины.

Мириам подошла к Би, которая отодвинула большой ржавый щит, закрывавший панель управления башней, и залезла туда по пояс.

– Они отключили питание и извлекли топливные элементы, – глухо сказала Би, когда Мириам приблизилась. – Но тест показывает, что все исправно. Магнитный насос работает, и когда я подключу новую батарею, у нас будут три сотни литров воды в минуту...

– Это не слишком много? – удивилась Мириам.

– Я не буду включать его на полную мощность, а то мы даже не сможем ничего набрать.

– Хорошо. Слушай, уже почти четыре часа...

– И что?

– Дети хотят есть...

Би вылезла из-за щита, медленно сдвинула вниз платок, закрывающий лицо, и посмотрела в сторону машины Мириам, возле которой маячили две маленьких фигурки.

– Думаю, что мы можем что-нибудь приготовить... Но уже через четыре часа снова станет темно, и мы далеко отсюда не уедем...

– Ты не хочешь помыться?

– Что?

– Ну, здесь столько воды, и я подумала... я не могла нормально вымыться с тех пор, как... как мы встретились. Ты сама разве не хочешь принять душ?

– У меня... на мне компенсационный костюм, – Би вылезла из-за щита. – В него встроена гигиеническая система, система переработки отходов и еще множество всего, чтобы пилот мог носить его неделями и чувствовать себя как человек.

– Но ты разве не хочешь его снять?

– Я... если честно, то я не думаю, что снимать его сейчас – разумно.

– И не хочешь помыть голову?

Би оглянулась вокруг – на домики, башню, кары, стоящие рядом. От машин к ним шла Таня с огромной пустой бутылкой.

– Если мы здесь надолго остановимся, то нам придется тут ночевать.

– Это опасно?

– Я не знаю. Я не слышу рейдеров рядом, но это место само по себе может привлечь кого-нибудь.

– Но здесь уже давно никого нет, разве не так?

– Никого как минимум дней пять, если не неделю... Видимо, башню покинули, едва пошли слухи о приближении Руки. Здесь же торговали водой?

– Да, здесь можно было остановиться, набрать воды и зарядить батареи. Еще тут стояли лотки странствующих торговцев... вон там, и там... я помню, мы тут проезжали два года назад. Только вот этих домиков еще не было.

– Тогда мы остаемся здесь. Ищите дрова, разводите огонь, я пока приведу эту штуку в порядок. – Би и Таня обменялись взглядами, Таня отвела глаза и поставила бутылку перед Мириам.

– Хорошо, тогда мы готовим ужин, – сказала Мириам.

– Да, – кивнула Би и в упор посмотрела на Таню. – Послушай, монашка...

Таня послушно подняла глаза.

– У меня нет проводов в сердце. Тебя обманули... они у меня в голове.

Таня кивнула.

– Ты понимаешь, что это значит?

– Нет, но мне кажется, что ты говоришь правду... А человек, говорящий правду, заслуживает того, чтобы ему верили. Сестра Мириам говорила, что доверие – это самая большая ценность...

– Не понимаешь, но доверяешь?

– А у меня есть выбор? – резко и как-то совсем не по-детски спросила Таня.

– Мы друг друга поняли, – ответила Би так же резко. – Поможешь Мириам с ужином?

– Конечно... Что вам приготовить?

– То же, что и всем, – и Би снова полезла под щит. Таня пожала плечами.

– Пошли искать дрова, – сказала Мириам.

Запас дров обнаружился в одном из домиков, рядом с железной печью, которую не захотели или не смогли увезти. Мириам тоже не собиралась ее топить, поэтому они потащили деревяшки наружу. Рок и Тони наблюдали за ними, сидя в тени грузовика, пока Таня не заметила их и решила чем-нибудь занять.

Мириам тщательно проинструктировала Рока, и к тому времени как нужное количество дров было свалено на площадку перед башней, там уже были расстелены одеяла и разложена нехитрая кухонная утварь. Большой костер вспыхнул и загорелся непривычно бледным пламенем – до захода солнца оставалось еще много времени. Спустя несколько минут к потрескиванию пламени добавился высокий свистящий звук – заработала башня.

– Скоро пойдет вода, – сказала Би, подходя к костру, – причем столько, что можно будет плавать...

– Ты обгорела на солнце, – Мириам доставала мясо из котла и выкладывала его на пленку, расстеленную на песке. – Тебе нужно будет умыться, а потом у меня есть очень надежная восстанавливающая мазь...

– Я переживу, – Би присела у огня, наблюдая за работой Мириам. – Это даже не очень больно.

– Это некрасиво, – Мириам выложила все полоски и кусочки мяса, встала и критически осмотрела свою работу. – Здесь должно хватить нам на сегодня и на завтрашнее утро. Подождем, пока будут угли... Таня, набери воды в котел.

– Откуда?

– Оттуда, – и Мириам указала на водослив башни, из которого вниз падала тоненькая прозрачная струйка. – Только быстрее, потому что если вода потечет со всей силой, то тебе будет сложно.

– О'кей, – Таня схватила котел и побежала к башне.

– Думаешь, можно будет даже принять душ? – спросила Мириам. Би посмотрела на нее с удивлением.

– Если душ – это струя ледяной воды под высоким давлением...

– Я привыкла... в колодце всегда холодная вода. У меня был особый бак для нагревания на солнце, но обычно утром я умывалась прямо из колодца.

– И не было холодно?

– Еще как, – Мириам передернула плечами, – Но без этого совсем невыносимо. Я не могу так... ходить грязной целыми сутками, и вообще...

Ее прервал смех Рока: к костру возвращалась Таня с полным котелком – и мокрая с ног до головы. Куртка и брюки из полотна обвисли и истекали водой. Никто больше не засмеялся, и Рок затих. Мириам молча встала и взяла у нее котелок.

– Садись к костру.

– Она очень сильно ударила, – Таня пыталась отжать на себе одежду, и Мириам заметила, что она дрожит от холода, несмотря на солнце. – Я не думала... там такой сильный напор, что я упала.

– Не страшно, мы тебя переоденем, у нас есть во что. Пошли, пока костер разгорается.

– Там все очень большое.

– Ничего, походишь и так, пока это высохнет. – Она указала Тане на трейлер. – Я постою у двери, пока ты переодеваешься, чтобы никто не зашел.

– В смысле... Рок? – Таня оглянулась на мальчиков, оставшихся у костра. – Да, он постоянно подглядывал за девчонками в душе...

– Я так и думала. А потом, пока я буду мыться, ты тоже проследишь, чтобы они не подглядывали, хорошо?

– Ну, Тони еще маленький... – Таня остановилась у дверцы трейлера, дернула, но открыть не смогла, пока Мириам не сдвинула вниз небольшую замаскированную задвижку.

– Ага. Но мне все равно будет неловко.

– Хорошо, – Таня заглянула в трейлер. – Может, ты сможешь мне подобрать что-нибудь?

Костер прогорел, Мириам разровняла угли лопатой и поставила на них котелок с картошкой. Мясо она разложила рядом на закопченной стальной пластине треугольной формы, служившей ей походной сковородой: больше всего она походила на кусок брони от кара. Таня, переодетая в джинсы и майку, внимательно следила за Мириам – как она солит воду, как переворачивает ножом кусочки мяса, чтобы они прожаривались.

– В следующий раз готовить будешь ты, – сказала ей Мириам. – Ничего сложного, правда?

– Я часто помогала сестрам при кухне, – ответила Таня. – Но мы никогда ничего не делали на огне, у нас была электрическая печь.

– У меня тоже была, маленькая, но я редко ее включала – батареи дорого стоят, и их лучше было сохранить для чего-то серьезного вроде машин или подогрева воды зимой. И кроме того, на огне получается вкуснее... особенно мясо.

Рок попытался стянуть кусочек прямо с раскаленного листа, и Таня шлепнула его по руке. Тони вообще не интересовался костром, а возился неподалеку в песке с куском дерева, похожим на кар.

– А где Би? – спросила Таня. – Она будет есть?

– Наверное, у себя в машине. Я ей отнесу.

Би пришла сама, села прямо на песок рядом с одеялом Мириам. Шейного платка на ней не было, и широкий воротник комбинезона был расстегнут, открывая взгляду мешанину черных трубок, обвивавшихся вокруг ее шеи.

– Разъезд рейдеров только что погиб неподалеку, – сказала она, – очень быстро, всего несколько криков. Вкусно пахнет... Ты знаешь, мне давно так не хотелось есть.

– Хорошо, сейчас как раз картошка доварится. Только мясо, наверное, очень жесткое, ты осторожнее.

– Я помню, не волнуйся. Теперь сюда никто не сунется... До прихода основных сил они будут обходить этот участок хайвея. Я включу оповещение на ночь... кажется, здесь есть волки в округе.

– Мы будем жечь костер, и они не нападут, – сказала Мириам, увидев испуг в глазах Тани.

– Правильно.

Би взяла прожаренный кусок мяса рукой в перчатке, подула на него и жадно вцепилась зубами.

– Ты радуешься? – осторожно спросила ее Таня. – Потому что те... рейдеры... погибли?

– Да, – Би прожевала мясо. – А ты нет?

– Я... я думаю, что это неправильно – радоваться, когда кого-то убили.

– Верно, но... мне больше радоваться нечему.

– Ты могла бы...

– Что?

– Нет, ничего, – Таня тоже потянулась к мясу, но отдернула руку. – Горячо!

– Конечно, – Мириам дала ей длинную вилку. – Снимай его осторожно и раздавай... будешь за старшую.

– Видимо, не могла бы, – задумчиво сказала Би и потянулась к следующему куску.

II

Они ели жадно – дети, которые пережили голод. Би съела всего два кусочка, а потом только наблюдала со стороны. Мириам раскладывала картошку по жестяным мискам, хлопала Рока по пальцам, когда он слишком часто тянулся к мясу, выбирала наиболее мягкие кусочки для Тони... и тоже смотрела. Она привыкла судить о людях по тому, как они едят, – иногда это говорило о человеке больше, чем он сам мог о себе рассказать.

Таня ела аккуратно, но чувствовалось, что она очень голодна. Тем более удивительно было, что она ни разу об этом не обмолвилась.

Рок ел быстро, много и шумно, чавкая и иногда пытаясь говорить... как и полагалось ребенку в его возрасте.

Тони жевал мясо тихо и задумчиво, и большую часть трапезы казался погруженным в себя.

А Би... Ей было все равно. Мириам показалось, что будь вместо мяса сухая ветошь, Би съела бы ее точно так же – быстро и равнодушно. Когда она смотрела на детей, на ее лице сменялись не совсем понятные Мириам выражения – то ли сожаление, то ли грусть, то ли сомнение... словно она пыталась что-то вспомнить, и не могла. Она не улыбнулась даже когда Таня погналась за Роком, утащившим самый большой кусок мяса, и загнала его на крышу одного из домиков.

– Все! – громко объявила Мириам. – Вы наелись, если уже валяете дурака. Все остальное – на завтрак! Рок, слезай оттуда. Таня, ты помнишь, о чем мы с тобой договаривались?

– Помню! Пускай он слезет! Эй, спускайся немедленно!

– Нет, я буду тут спать!

– Спускайся! – Таня стукнула по металлической стенке так, что домик отозвался гулом, как пустая бочка. Мириам сложила остатки мяса в котелок вместе с картошкой, накрыла его пленкой.

– Таня, не кричи. Рок, слезай, ты же взрослый... не веди себя как маленький.

Рок подумал немного и спрыгнул вниз, где Таня тут же взяла его за шиворот. На взгляд Мириам, их возня готова была перерасти в драку – Рок отчаянно пытался освободиться, отталкивая Таню, а та пыталась его удержать.

– Таня, отпусти его, он может ходить и сам. Рок, мне нужно, чтобы ты кое-что сделал.

– Пусть она меня не бьет, она первая начала!

– Рок, возьми Тони и подберите себе что-нибудь из одежды на ночь... Ночью будет холодно. Таня, помоги им – все, что вам нужно, у меня в трейлере. Давайте я покажу.

Рок пошел к трейлеру следом за Мириам, за ним покорно заковылял Тони с недоеденным куском мяса в одной руке и деревяшкой в другой. Мириам быстро нашла новые шорты, короткую майку и брусок самодельного мыла, потом выбрала отрез полотна побольше – вместо полотенца.

– Помоги им, – сказала она Тане. – Дверца закрывается изнутри, так что защелкни ее, а когда можно будет выходить – я постучу. И себе тоже возьми что-нибудь укрываться.

Таня кивнула и помогла Тони взобраться в трейлер.

Би, все еще сидящая у костра, встретила Мириам взглядом, в котором ясно читалось удивление.

– Ты действительно собираешься тут... купаться?

– Да, а что?

– Вода же ледяная.

Мириам бросила полотно вместе с чистыми вещами на одеяло и достала гребень.

– Я привыкла... Иногда приходилось мыться очень холодной водой. Тут главное вовремя вдохнуть и выдохнуть, и к тому же сейчас еще солнечно, – она распустила хвостик и принялась расчесывать волосы.

– Давай тогда я хотя бы уменьшу давление?

– Конечно, а то меня может просто смыть. – Мириам подняла мыло и пошла вслед за Би, продолжая расчесываться.

Песок под водосбросом был смыт, обнажив бетонную плиту и желоб, ведущий к небольшому водосборнику за башней. Струя воды, падающая с трехметровой высоты, была прямо в бетон, разбрасывая вокруг ледяные брызги.

– Такой поток меня, наверное, вообще убьет...

– Сейчас, – Би присела возле панели управления, и менее чем через минуту напор упал... теперь струя воды была не шире ладони.

– Это уже не так страшно. Подержишь гребешок?

– Давай.

Мириам сжала мыло крепче и ступила на бетон. Брызги обожгли ее ноги, она сделала еще два шага – и завизжала. Ледяная вода ударила ее будто раскаленным прутом, разметав волосы и сбив дыхание. Она задышала часто, быстро и резко выдыхая, как учил ее отец... Вода разбрызгивалась на ее плечах и обжигала кожу. Отступив немного в сторону, она стянула майку и бросила ее в желоб с водой, потом сбросила шорты. Би спросила что-то, но она не расслышала ни слова за шумом воды.

Мыло оказалось твердым и шершавым. Брызги уже не казались такими ледяными. Она намылилась с головы до ног, тщательно и быстро, потом снова ступила под воду – и опять завизжала. Ей хватило сил несколько раз повернуться на месте, смывая мыло, а потом выбежать на песок. В ушах шумело, легкий ветерок, налетающий из пустыни, казался горячим.

– Вода настолько холодная? – спросила Би.

– Я всегда кричу, и ничего не могу с этим поделать, – Мириам собрала волосы, выжимая воду. – Ты точно не хочешь искупаться? Сначала это страшно, но сейчас я чувствую себя просто здорово... такое теплое солнце. Можно мой гребешок?

Би молча смотрела, как она расчесывает волосы, стоя на песке – голая, худенькая, загорелая, со следами от пояса шорт на стройных бедрах и черным рисунком татуировки в низу живота.

– Наверное... я бы просто не решилась так...

– Как?

– Ну, стоять в пустыне... без одежды, – Би передернула плечами. – Мне даже подумать об этом страшно.

– А что в этом такого, никто же не смотрит? – Мириам оглянулась на трейлер. – А если бы кто-то и был близко, ты бы сказала. Я просто не могу... столько не мыться, и ходить в грязной одежде – это ужасно. Дома я всегда принимала душ каждый вечер... а когда-то у моих родителей даже была ванна, в которой грели воду. Это так здорово – горячая ванна...

– Я знаю, – сказала Би, потом одним решительным движением вынула заколку, сдерживающую узел волос на ее голове. – Подержи!

– Подожди, давай я сначала...

Но Би уже встала под водосброс, туго стянув ворот комбинезона. Волосы, упавшие на плечи, разметались от удара воды, но она даже не покачнулась. Мириам вложила мыло ей в руку, и сделала шаг назад, разглядывая заколку.

Она была тонкой, металлической, очень красивой формы, с вкраплениями другого материала, похожего на белый пластик, гладкого и отражающего свет. Мириам, никогда раньше не видевшая подобных вещей, созданных для красоты, рассматривала ее, затаив дыхание.

Би намыливала волосы, немного неловко, словно ей раньше не приходилось пользоваться таким мылом.

– Комбинезону ничего не будет? – спросила Мириам.

– Нет, он и так внутри влажный. – Би склонила голову под потоком воды, потом отбросила волосы за спину. Они оказались длинными, гораздо длиннее, чем у Мириам, но не такими густыми. – Ты была права, так действительно намного лучше. Что-то не так?

– Нет, все нормально... у тебя кожа очень покраснела, нужно будет сразу же втереть мазь. Слушай, а из чего это заколка?

– Титан и слоновая кость.

– Слоновая?

– Это было такое животное в древности. Наверное, они уже вымерли.

– Кость... – Мириам провела пальцами по поверхности заколки, потом протянула ее Би. – Давай я оденусь, а потом расчесу тебе волосы, а то они у тебя совсем спутались.

– Я и сама могу.

– У меня очень хорошо получается, честно, – и не дожидаясь ответа, Мириам побежала к костру.

Прикосновение чистой одежды к коже было почти болезненным, но приятным – словно прикосновение теплого шершавого песка к босым ступням. Мириам подбросила в костер пару деревяшек, подошла к трейлеру и постучала в стенку.

Дверцу открыла Таня.

– Я думала, мы тут задохнемся. О, у тебя мокрые волосы.

– Не хочешь помыться? Я покараулю.

– Нет, я же уже и так... Голова до сих пор мокрая.

– Вы взяли себе вещи?

– Да, я дала им по куртке и еще взяла два одеяла. Мы же ляжем рядом?

– Да, конечно, так теплее. Берите все, и пошли.

Рок, почти скрытый под одеялами и куртками, вывалился из трейлера вслед за Таней. Би уже сидела возле костра, держа зеркало в левой руке и пытаясь причесываться. Мириам осторожно взяла гребень из ее пальцев.

– Ты же в перчатках.

– Да, действительно, очень неудобно, ничего не чувствую. – Би отложила зеркало. – Но я совсем не хочу нагружать тебя этим...

– Нагружать? – Мириам засмеялась. – Мне это нравится. Я всегда расчесывала волосы своей маме... приемной. И они у тебя красивые.

Она провела гребнем сверху вниз раз, другой – и он наткнулся на что-то твердое.

– У тебя что-то вплетено в прическу? Как проволока...

– Это корд. Осторожнее, просто не трогай его.

– А откуда он...

– Он подсоединен к моей голове. Его легко отключить и снять, но я предпочитаю прятать его в волосах.

– А зачем?

– Это вроде антенны у радио. Беспроводная связь с машиной, ну и другими устройствами, которые есть рядом.

– Радио в голове?

– Вроде того.

– То есть ты можешь управлять ею издалека?

– Машиной? Да, могу.

– А ничего, что он мокрый?

– Нет, он не металлический... вода ему не страшна.

– Это больно? – спросила вдруг Таня.

– Что?

– Когда провод вставляют в голову?

– Нет, это не больно. Скорее страшно, и потом... это очень сложно рассказать.

– А вы... расскажете?

– Если очень захочешь...

– Обещаете?

– Нет, не обещаю.

– Не приставай к Би, – вмешалась в их разговор Мириам, – она всю ночь не спала, мы весь день ехали, и еще... Давайте просто отдохнем!

– Это не проблема, – сказала Би, – я как-нибудь расскажу, если мы... доживем.

– Доживем, конечно. Может, тебе заплести косу?

– Косу?

– Ну да. У тебя может получиться длинная красивая коса. А этот... корд можно в нее вплести.

– Нет, не нужно – я не смогу надеть шлем. Лучше оставить как раньше.

– Раньше было ужасно. Я уложу их, но иначе.

Мириам ловко собрала волосы Би в хвост, свернула их в большой плоский узел на затылке и закрепила заколкой.

– Так лучше, хотя тоже не очень – тебе идут распущенные волосы. Заколка красивая...

– Да, это... подарок, – Би встала так резко, что стоявшая за ней на коленях Мириам чуть не опрокинулась назад. – Я пойду в машину. Солнце сядет минут через сорок... Ложитесь спать.

– Может, ты ляжешь с нами, у костра, тут теплее?

– Нет, мне привычнее там, оттуда я дальше вижу.

Мириам пожала плечами.

– А можно и мне расчесать волосы? – спросила Таня.

– Да, конечно, садись сюда.

– Девчонки! – прыснул Рок.

Таня зачерпнула горсть песка и швырнула в него.

– Девчонки, – согласилась Мириам. – Рок, расстели, пожалуйста, одеяла, пора ложиться спать.

III

Она уложила их рядом, всех троих. Тони, похоже, и так клевал носом, а Рок, у которого еще хватало энергии, чтобы сыпать песок за шиворот Тане, отнесся ко сну как к необходимому злу – особенно после того как Мириам объяснила, что вставать им придется до рассвета.

– А волки к нам не подойдут? – спросила Таня.

– Нет, если вы будете лежать тихо. И Би хорошо стреляет, так что ничего не бойтесь.

Оставив их устраиваться у костра, Мириам взяла склянку с мазью и пошла к машине Би. Та, по своему обыкновению, сидела с открытыми глазами и смотрела в никуда.

– Вот мазь, – сказала Мириам, присев рядом с машиной. – Намажешься перед сном, тогда подействует лучше всего.

– ОК, – взгляд Би вернулся из неизвестной дали и она взяла баночку. – Спасибо.

– Не за что. Это, наверное, тяжело – все время ходить в этом костюме?

– Нет. Мне уже сложно представить себе, как это – быть без него.

– Ты так давно его не снимала?

– Не то чтобы давно... просто за это время очень многое произошло.

Би замолчала, открыла склянку и принялась наносить мазь на лицо.

– Ты... не хочешь говорить об этом, да? – тихо спросила Мириам. – Тогда я не буду спрашивать. Я вижу – у тебя очень светлая кожа, и очень нежная... и солнце тебя обжигает. Ты, наверное, из крепости, а я видела крепости только издалека. Но ты когда-нибудь расскажешь об этом, правда?

– Правда... если захочешь.

– Думаешь, в Хоксе опасно?

– Я знаю. Рука – это тебе не одна банда рейдеров, которую смог бы отогнать храбрый барон с двумя десятками наемников.

– Я была в Хоксе. Мне он показался большим городом, и у барона должно быть много воинов. Он стоит на холме, и у него есть стены и вышки, и, кажется, даже пушки, я не рассматривала.

– Скоро увидим... Не думаю, что стоит оставаться там надолго.

– Я поняла. Но там, по крайней мере, есть гостиницы и постоянные дворы, там есть даже ванны из стали. И нам понадобится больше еды, и не такой, как сейчас – нужны будут витамины, можно будет купить чеснок, весенних яблок – в Хоксе замечательные яблочные сады.

– Ты очень практичная.

– Да? Меня всему научили родители... и у меня же был свой двор. А это очень трудно – содержать двор, особенно когда работники поразбегались.

– И ты очень хорошо обращаешься с детьми...

– А как с ними можно плохо обращаться? У многих моих постояльцев были дети, да и сами постояльцы иногда вели себя не лучше.

– Я... не очень умею. А ты, как для твоего возраста, гораздо лучше их понимаешь.

– Моего возраста? А что не так с моим возрастом? На фермах девчонки в двенадцать лет уже выходят замуж, а к четырнадцати у них уже по двое детей. Я – гораздо взрослее, чем они, разве нет? И должна знать и уметь больше...

– Я вижу... я просто не ожидала.

– А разве в крепостях не так?

– Нет, там взрослеют дольше.

– Дольше? Насколько?

– Сложно сказать... Но я ожидала, что ты будешь вести себя как ребенок... вроде Тани. Мириам рассмеялась.

– Так и она уже не ребенок. И ведет себя почти как взрослая. Вот Рок – другое дело, но он мальчишка, а они все такие.

– Такие?

– Такие...

Она замолчала.

– А что значит твоя татуировка? – неожиданно спросила Би.

– Ты заметила? – Мириам почувствовала, что краснеет. – Я сделала ее год назад, в Хоксе. Это иероглиф, который означает «счастье» на каком-то древнем языке. Мне его посоветовал сделать один... юноша.

– Твой?

– Я думала, что мой. Он обещал приехать. Мы были вместе всего несколько дней, и больше я его не видела. Я была душой, но татуировка... и правда красивая.

– Извини.

– Да я сама виновата. Я мало общалась с мужчинами до этого. Нужно было думать. А у тебя есть татуировки?

– Да... есть. Две.

– Правда? А какие?

– Одна – об окончании... обучения. Она на шее, сзади. А вторая – бабочка. Она вроде твоей... на бедре.

– Тоже... парень?

– Да... очень давно. – Би протянула баночку с мазью Мириам. – Спасибо. Давай спать.

– Ты разве вообще спишь?

– Да. Хотя и не очень хорошо... в последнее время.

Прежде чем вернуться к костру, Мириам подобрала мокрые вещи, о которых совершенно забыла. Би давно выключила воду, шорты и майка Мириам одиноко мокли в быстро высыхающем озерце водосборника.

Пустыня жила своей жизнью. По холмам гулял ветер, и прямо на глазах Мириам через дорогу перебежал тушканчик – и замер, глядя в сторону костра. Дети уже спали... По крайней мере, Мириам так показалось. Стоило ей завернуться в одеяло и улечься у костра, как рядом с ней бесшумно оказалась Таня.

– Можно я у тебя тут посижу? – спросила она шепотом.

– Тебе совсем не хочется спать?

– Хочется, но я так... мне никогда не приходилось спать прямо под открытым небом.

И на песке.

– А ты просто ложись, и не старайся заснуть...

– А сюда... никто не подкрадется?

– Нет. У Би в машине стоит такая штука, которая видит все живое вокруг... очень далеко. Никто не подкрадется, а если все-таки окажется близко – то у меня под подушкой пистолет.

– Правда?

– Правда, – Мириам продемонстрировала рукоять игольника.

– Он заряжен?

– Да, конечно, двадцать восемь иголок.

– И ты стреляла в людей?

– Да.

– И убивала?

– Как-то пришлось.

Таня хотела спросить еще что-то, но так и не спросила. В сумерках Мириам видела только ее силуэт на фоне розового неба.

– Ложись, – сказала она наконец. – Ты же не будешь сидеть так всю ночь.

Таня легла на ее одеяло, лицом к ней.

– Скажи, – прошептала она, – ты не молишься перед сном?

– Нет, – удивилась Мириам.

– А я... забыла. Мы всегда читали молитву перед едой, и перед сном, но у меня в голове все словно смешалось. Я плохо помню слова, и сейчас не знаю, что нужно говорить. Как ты думаешь, Бог может обидеться на то, что я пропустила молитву?

– На меня он никогда не обижался. И вообще, я думаю, что он на маленьких не обижается.

– Я не маленькая. Я самая старшая в миссии, и я...

– Не бойся. Мама как-то говорила мне, что для настоящей молитвы помнить слова не важно. Ее можно сказать своими словами, и если они искренние – Бог тебя поймет.

– Своими словами?

– Да. Просто тихонько скажи то, что всегда говорила... но по-своему.

– Думаешь?

– Попробуй.

Таня еще несколько мгновений собиралась с духом, потом глубоко вдохнула и зашептала:

– Господи, пожалуйста, защити меня от всего страшного и ужасного, и защити тех, кто со мной, и всех хороших людей, и дай пережить эту ночь. Аминь.

Она снова вздохнула.

– Да, наверное, так правильно. Теперь можно спокойно спать, правда? Правда? Ты что, плачешь?

– Да... просто вспомнила что-то... Давай спать.

– Вспомнила? А что?

– Спать!

– Ну хорошо, – она повернулась на другой бок, спиной к Мириам. – Спокойной ночи.
– Спокойной... – Мириам сжала зубы, чтобы снова не заплакать... чтобы не думать о молитве, которая как две капли воды была похожа на ту, что читала перед сном приемная мама... всего два года назад.
Очень долгих два года.

Глава VI

Интермедия VI

Тако не считал себя сумасшедшим.

Более того, он считал себя разумным, рассудительным и смелым бойцом, которому ничего не стоило бы возглавить восьмерку или даже двадчатку Тигров. Он и во сне никогда не признался бы себе, что боится чего-то на дороге, – но ехать ночью по незнакомому хайвею было сущим безумием.

Он сидел на броне передового кара, вцепившись в крепко приваренные скобы, и холодный ветер пронизывал его до костей. Кожаная броня, неплохо державшая удар ножа или тупого копья, совсем не спасала от холода, и рукоять игольника, обмотанная пластиковой лентой, почти примерзла к ладони. Тако был голоден, а еще ему было страшно – и он совершенно не понимал, почему.

Все началось с того, что они подобрали этого человека – по крайней мере, он четко помнил его фигуру, узкую, высокую, в сером пыльном плаще. Они отделились от основной двадчатки, чтобы проехать десяток километров на восток по хайвею, и там наткнулись на него.

Наверное, Тако увидел его первым – он всегда отличался хорошим зрением, и к тому же снаружи было гораздо дальше видно. Он пытался вспомнить этот момент, но все смешивалось... Крохотная точка – человек, стоящий рядом с дорогой – мгновенно вырастала, и Тако видел его лицо, в которое ему совсем не хотелось смотреть.

Человек был изуродован. Куски металла покрывали его правую щеку и висок, спускаясь до подбородка и оставляя нетронутыми только глаза. Выглядело это так, будто на него лили расплавленное железо, которое потом затвердело – но почему-то Тако, который видел, как людей пытаются тепловым резаком, боялся на него взглянуть.

Незнакомец взобрался на его машину и сел на броню, взявшись за поручень, как настоящий тигр – и сейчас он, кажется, все так же сидел рядом, но мысли путались, и Тако иногда забывал об этом.

Сломанная Маска – так его звали, хотя Тако не был уверен, ведь сам незнакомец своего имени не называл. Он вообще не разговаривал, только несколько раз поворачивал голову в его сторону, что заставляло Тако прижимать подбородок к груди и съеживаться, как высохшее яблоко.

Сначала ему казалось, что Кода, старший восьмерки, знает, зачем они взяли незнакомца и почему не расстреляли его прямо там, на хайвее, но потом заподозрил, что Кода, так же, как и он сам, охвачен каким-то безумием, и просто не может сопротивляться силе, влекущей их кары дальше по темной дороге.

В какое-то мгновение этой бесконечной ночи, когда страх стал совсем невыносимым, он собрал свои мысли в кулак, и все-таки повернул голову – только для того, чтобы встретиться глазами со Сломанной Маской, смотрящим прямо на него. Тако видел, как бьются на ветру его длинные белые волосы, как поблескивают металлические осколки при свете звезд, – но все остальное тонуло во тьме и свисте холодного воздуха.

– Не бойся, – сказал темный провал на месте рта. – Уже совсем недалеко.

– Есть хочется, – невпопад ответил Тако, совсем забывший, что он хотел сказать до этого.

– Спи, – ответила темнота... и сомкнулась вокруг, оказавшись совсем не страшной. Куда-то пропали и холод, и броня, и холодная рукоять игольника, тьма была мягкой и теплой, как девушка-рабыня, которую он изнасиловал когда-то на ферме перед тем как убежать в Эрг, к Тиграм.

– Спи, – сказал Сломанная Маска. Его глаза слезились от ветра, плащ почти не защищал от холода, и он ужасно замерз. – Спи, тебе завтра умирать.

I

Мириам снились трупы. Множество тел, разбросанных среди обломков каров и сухих деревьев в пустынной долине, окруженной горами. Она искала среди них Таню, Рока и Тони, переворачивала, вглядывалась в неразличимые лица, и ее сердце замирало от страха, от того, что они лежат где-то там, и нужно похоронить их, пока не пришла ночь, а с ней – волки. Она склонилась над очередным трупом в белой одежде, когда тот вдруг вцепился ей в запястья и потянул к себе, блестя мокрыми шариками глаз. Мириам рванулась... и поняла, что лежит у костра, под теплым колючим одеялом, мокрая от пота, а Таня пытается ее растолкать. Светало, костер давно погас, над холмами вставала робкая ранняя заря.

– Что случилось? – спросила она Таню.

– Ты стонала во сне... уже во второй раз. А потом вскрикнула, и я подумала...

– Да нет, ничего страшного... просто плохой сон. – Мириам села, оглядываясь. – А Би уже проснулась?

– Не знаю, наверное. А кто такая Вероника?

– Вероника?

– Я отходила за домик ночью и слышала, как Би говорит с какой-то Вероникой. Они спорили о чем-то, и Би, кажется, плакала.

– Я не знаю...

– Может, они говорили по радио?

– Я пойду спрошу... Похоже, нам скоро нужно выезжать.

Она отбросила одеяло и села. Холодный ветер скользнул по ее коже, и Мириам громко чихнула. Песок остыл за ночь, и теперь ей было страшно даже вспомнить о том, как она принимала душ. К машине Би она почти бежала – ей было холодно, и страшный сон выветривался из головы, оставляя только неясное неприятное ощущение на самой границе памяти.

Би неподвижно лежала в кресле пилота, и синяя лампа, вспыхивающая каждые несколько секунд, освещала ее лицо – спокойное, умиротворенное и очень красивое, несмотря на ссадины. Би спала, и Мириам так и не решилась ее окликнуть. Она пошла обратно, стараясь ступать как можно тише.

Разбудила детей и отвела их к водосборнику – умываться. Маленькое озерцо не высохло за ночь, и на его песчаных границах остались четкие следы – тушканчиков или мышей, приходивших к нему пить воду. Мириам плеснула холодной водой в лицо – и почувствовала себя полностью проснувшейся. Таня последовала ее примеру почти без колебаний, затем умыла Тони, а Рок чуть не упал в водосборник, пытаясь окунуть в него голову. После умывания Мириам пустила по кругу бутылочку с зубным эликсиром и заставила всех прополоскать рот – заодно рассказав о том, как это плохо, когда болят зубы, и как это больно, когда их рвут.

Завтракали они холодным мясом и картошкой – Мириам решила, что разогревать их будет слишком долго. В рассветной тишине все звуки казались непривычно громкими: и треск костра, и стук вилок о жестяные миски разносились на всю долину.

Би проснулась, когда они почти закончили завтракать, молча подошла и села у костра, глядя, как едят дети.

– Почему меня не разбудили?

– Ты же говорила, что плохо спишь... я и не стала. – Мириам протянула ей миску с картошкой и мясом. Би взяла из нее кусок мяса и отдала миску обратно.

– Мы собирались выехать пораньше.

– Еще даже солнце не взошло, – Мириам забрала пустую миску у Рока, который тут же улегся на свое одеяло и закрыл глаза.

– Мы готовы ехать.

– Но он, кажется, еще спит...

– Поспит позже, в машине. Таня, поможешь мне почистить посуду?

– Да, – Таня зевнула, – А почему мы едем так рано?

– Днем очень жарко, – ответила Би. – Чем ближе к полудню, тем вам будет труднее. И чем быстрее мы доберемся до Хокса, тем лучше.

– Ясно. А кто такая Вероника?

– Кто?

– Вероника.

– Я не знаю, – Би дожевала мясо и встала. – Я буду в машине, собирайтесь быстрее.

– Но ты же с ней говорила, я слышала.

– Когда?

– Ночью...

– Ночью я спала, – Би отвернулась и пошла к машине. Таня хотела сказать еще что-то, но Мириам положила руку ей на плечо и покачала головой.

Когда они вместе отчищали посуду песком, а Рок таскал одеяла обратно в трейлер, Таня спросила ее шепотом, прижавшись головой:

– Это что, секрет? Почему она не хочет об этом рассказывать?

– А ты умеешь хранить секреты?

– Да, конечно.

– Би говорит во сне.

– Что?

– Бывает, что люди, которым снятся сны, разговаривают во сне. Я слышала раньше, что она говорит.

– Во сне, не просыпаясь?

– Да. Только ей об этом не говори – она ничего об этом не помнит.

– Так ей снятся кошмары?

– Да, наверное... Но кому они не снятся?

– Мне... Я никогда не помню, что мне снилось.

– Ну вот, говорю же – и она не помнит, – Мириам отложила тарелку, и взялась за котелок. – Я думаю, что если она вспомнит, то расскажет нам.

– И если захочет.

– Конечно, если захочет.

II

Собраться удалось на удивление быстро – Таня оказалась отличной помощницей. Они погрузили вещи в трейлер, и Рок улегся там же поверх кучи одеял – досыпать. Тони взяли с собой в кабину, Таня усадила его между собой и Мириам, чтобы самой быть ближе к окну. Мириам хотела было надеть джинсы, но потом передумала – скоро должно было взойти солнце, и их пришлось бы снова снимать.

Би подошла к своему кару прямо под башню, чтобы набрать воды, – уже вырываясь на дорогу, Мириам наблюдала за тем, как она возится у панели управления.

– Наверное, следовало бы ее сломать, – прозвучал в переговорнике голос Би.

– Сломать? Зачем?

– Здесь пройдет Рука. Им нужна вода, и у них ее не будет.

– Но ломать башню...

– Знаю. Мне тоже ее жаль. Железка не виновата. Я просто вытащу батарею, и все.

Кар Би нагнал их за считанные секунды и тут же вырвался вперед. Мириам вспомнила карту – дорога впереди петляла среди холмов еще километров двадцать, а затем вливалась в торговый хайвей. Не самый широкий, но удобный, он вел прямо к Хоксу, по нему ездили торговцы из Атланты и Детройта, караваны... Сейчас на нем должно было быть полно беженцев.

Холмы они преодолели быстро, сцепка грузовика Мириам отчаянно скрипела, видимо, доживая последние километры. У въезда на хайвей Би ненадолго остановилась – видимо, обозревая дорогу. Солнце вставало далеко позади, среди холмов, которые они покинули, и хайвей лежал белой полосой, упираясь в горизонт.

Когда они повернули к Хоксу, Би переключила свое радио – и в переговорнике Мириам, до сих пор торчащем в гнезде рядом со штурвалом, раздалась музыка. Передача была негромкой, видимо, из Атланты, и часто прерывалась помехами. Играла какая-то старинная мелодия и мужской голос пел... часть слов была знакома, но смысл их, видимо, изменился за долгие годы, и Мириам не могла понять, о чем песня. Таня сидела очень тихо, и в какой-то момент, когда музыка оборвалась, Мириам взглянула на нее и увидела, что та просто спит, наполовину высунувшись из окна. Тони, напротив, с интересом смотрел на дорогу и что-то грыз... Что именно, Мириам не поняла с первого взгляда, но решила не отвлекаться от дороги.

Они ехали долго. Мелодии, звучащие по радио менялись... Одни были быстрыми, другие – нет. Иногда музыка прерывалась, и на некоторое время кабину наполняло шипение, прерываемое дыханием Би.

Таня проснулась, когда солнце было уже почти в зените, а Тони мирно посапывал, прислонившись к ее плечу.

– Уже день? – спросила она, моргая со сна.

– Скоро полдень. Выспалась?

– Не знаю. А что это за холмы?

– Холмы?

– Почему они так ровно стоят?

– Потому что когда-то это были дома. Ближе к Хоксу много старых городов, и здесь жили люди...

Таня больше ничего не спрашивала, глядя в окно. Они ехали мимо развалин, почти утративших свой первоначальный облик... То, что когда-то было зданиями, стало невысокими кучами земли, заросшими сухим кустарником, или превратилось в груды камней, выветрившихся до неузнаваемости.

Музыка в переговорнике прервалась с громким щелчком.

– Впереди люди, – сказала Би, – и машины. Снижайте скорость, я поеду вперед.

– Это могут быть беженцы? Мы же до сих пор никого из них не встретили.

– Ну, за нами не очень далеко едут две группы, но они очень медленные. Эти, впереди, стоят на месте. И их довольно много.

– Может, это постоянный двор?

– Двор? Здесь?

– Здесь когда-то было много дворов... Может, не все еще сбежали.

– Или это может быть заставой из Хокса. Я поеду взгляну.

Мириам притормозила, и кар Би вырвался далеко вперед.

– А это могут быть... бандиты? – спросила Таня.

– Не знаю, кажется, Би так не считает.

– А ты здесь уже бывала?

– Да, но очень давно... Я тогда была чуть старше тебя, и здесь было полно людей – торговцы водой вдоль хайвея, дворы для путешественников, стоянки. Сейчас ничего этого нет – все сбежали в Хокс, все покинуто. Вон, смотри, впереди... это тоже был двор.

Строение, которое рассмотрела Мириам, стояло на небольшом возвышении у дороги, и к нему как раз приближался кар Би, видимый издали как черная точка с пыльным хвостом. Сам дом был большим, двухэтажным, сложенным из бетонных обломков и стальных листов. Перед ним, на въезде, располагались широкие металлические навесы.

– Ничего не бойся, – сказала Мириам, доставая игольник из-под водительского сиденья. Положить его в кабине было больше некуда, и она зажала его между колен.

– Я не боюсь, – сказала Таня неуверенно.

Когда они подъехали ко двору, кар Би уже стоял между навесами, рядом с тремя другими большими машинами. Сама Би, со сложенной навахой на плече, разговаривала с группой вооруженных людей посреди двора.

– Все хорошо? – шепотом спросила Таня.

– Да. Оставайся в кабине. – Мириам остановила грузовик у въезда, стараясь его не перегородить. Игольник было некуда спрятать, поэтому она вышла, держа его в руках, но так, чтобы крыло грузовика скрывало его от мужчин с оружием.

Те, впрочем, не обратили на ее появление особого внимания – их явно больше интересовала Би и ее кар. Мириам они показались типичными фермерами – загорелые лица, грубая и простая одежда, старые ружья, наверняка стреляющие дробью или довоенными патронами.

– ...откуда я знаю? – говорил самый старший, седой мужчина среднего роста, стоящий прямо перед Би. Ствол его ружья смотрел ей прямо в живот, но ее, похоже, это не особо беспокоило. – Может дальше, а может и ближе. Мы ж их не видим всех. Наше дело простое – накормить, напоить, в дорогу проводить. А народу тут знаешь сколько проехало?

– Так и вам бы тоже ехать пора. Пара дней – и они сюда доберутся, и железки эти вам не помогут...

– Ну так пока ж не добрались? А это наш дом, и мы здесь сами хозяева. Тебе-то до нас какое дело?

– Никакого.

– Вот и езжай себе. А мы уж как-нибудь... отобьемся.

– Отобьетесь? Тут на хайвее уже много таких как вы... отбились. Может, дым видели?

– А ты нас не пугай! – встрял в разговор другой мужчина, гораздо моложе, единственный из фермеров, вооруженный игольником. – Ты и сама не очень на беженку похожа, и кар у тебя с виду бандитский...

– Помолчи! – одернул его старший. – Едет, так пусть себе и едет, какое нам дело, что у нее за кар. Вон девочка прямо за тобой приехала. Может, тебе воды или еды не надо, а ей надо. Езжай себе, нечего людей беспокоить.

Би пожала плечами. Кроме мужчин на площадке перед домом здесь были еще и женщины – одна из них, с ружьем в руках, стояла в дверях дома, а еще несколько прятались за карами. Мириам заметила даже детей в трейлерах... Потом ее взгляд остановился на женщине в дверях.

– Тетя Клер! – закричала она, выскочив из-за грузовика и размахивая рукой с зажатым в ней игольником. – Тетя Клер!

Женщина выступила из тени, опуская ружье.

– Мириам? Чак, это ж Мириам, Фионина дочка! Мириам, девочка!

Мириам кинулась через двор как была, босиком. Мужчины проводили ее удивленными взглядами. Самый старший – видимо, тот самый Чак, опустил ружье и покачал головой.

– Ну кто ж в такое время один ездит?

– А она не одна, – сказала Би.

– С тобой? А че ж ты раньше не сказала?

Би снова пожала плечами. Мириам обнимала немолодую женщину с ружьем так, будто та была ее родной матерью.

– Отбой, – сказал Чак. – Свои. Я эту девчонку совсем малой помню, ее отец у меня занимал, когда свой двор заводил. А Фиона у нас жила с во-о-т таким животом. Расходитесь, щас обед будет... вот токо они дообнимаются.

– Не плачь, дочка, – говорила Клер, – рассказывай лучше, что там моя сестрица, что там муж ее...

III

Перед Мириам стояла тарелка густого картофельного супа, заправленного мясом и луком, но есть она не могла. Игольник она положила возле тарелки. Рядом на широкой скамье примостились Таня, Рок и Тони, без лишних слов уплетающие обед. Би сидела напротив, на приличном расстоянии от тети Клер, и к своей тарелке даже не прикасалась. Полдень уже наступил, металлические навесы защищали обеденные столы от солнца, но воздух и под ними оставался сухим и горячим.

– Умерли, значит... – сказала Клер. Известие о смерти сестры она восприняла очень спокойно, как человек, привыкший к плохим вестям. – Убили. Жалко ее, доброй она была... и сестрой доброй, и хозяйкой.

– Да, – Мириам наклонила голову, слезы падали прямо в суп.

– И двор сожгли?

– Да.

– Бедняжка. А детки чьи?

– Ничьи. С нами едут.

– Ничьи, значит. Оно и понятно, время сейчас такое. Кормить их хоть есть чем?

– Есть пока, и до Хокса недалеко.

– В Хоксе щас туго... людей много – больше, чем в ярмарочную неделю. Туда же с ферм уйма народу побежала, так что теперь яблоку негде упасть. Того и гляди опять эпидемия начнется, или еще чего. В такое время нужно подальше от городов держаться, где воздух почище...

Мириам кивнула. За соседними столами обедали фермерские семьи – пятеро или шестеро мужчин и столько же женщин, а по площадке перед домом, между карами, носились друг за другом дети – не меньше десятка.

– Эти вот ребята тоже в Хокс. Все туда едут, да что там всем делать...

– Прятаться, стены там...

– От судьбы не спрячешься и не защитишься. Лучше уж дом свой защищать, чем в толпе сидеть и чумы ждать. У Чака вон и сын приехал... в Детройте служил. Тоже говорит, что отбиться можно. У нас работников одних три человека, мы все добро и увезти не сможем.

– Так добро важнее жизни получается? – ни на кого не глядя сказала Би.

– Ты, девочка, сначала дом наживи, да мужа, хозяйство в придачу, а потом рассуждай. А то ж по тебе вижу – смертью на жизнь зарабатываешь. Сама при оружии, машина военная... оно и понятно, тебе легко с места на места скакать, у тебя ж ничего, считай, своего и нету, и брать с собой нечего, да и некого, видать.

– Вот вы угадали, – ответила Би, все так же не поднимая взгляда. – И нечего, и некого.

– Вот-вот. Ты, Мириам, с нами бы осталась. Хозяйка ты хорошая, вся в мать, помогать мне будешь. Мужа тебе нормального подыщем, свое хозяйство заведем...

– Тетя Клер... – Мириам покачала головой, слезы закапали еще сильнее. – Тетя Клер, что вы такое говорите! Вы же не видели ничего. Вы же не видели, сколько их сюда едет! Вы же совсем не знаете, что это за люди...

– Мала еще, чтобы говорить мне, что я знаю, а что нет! Я за свою жизнь столько повидала, что тебе и не снилось! И бандиты эти придут и уйдут... Бывало уже такое, и не раз – и ничего, живы пока...

– Видели, это верно, – совсем тихо сказала Би. – А сын ваш, говорите, в Детройте служил?

В ее тоне было нечто такое, что слезы Мириам мгновенно высохли. Внутри стало пусто и тихо, словно на горизонте снова показались машины рейдеров.

Тетя Клер покачала головой.

– Не мой, а Чака сын, от первой жены еще. Давно служить ушел, вот вернулся. А тебе что?

– Да спросить его хочу про службу. Как его зовут?

– Джек он.

Би перекинула ногу через скамью и развернулась к другому столу, за которым спиной к ним сидели Чак, Джек и еще несколько мужчин – видимо, работники.

– Джек, – сказала она, – а подсядь к нам, Джек.

– Зачем? – спросил он с набитым ртом. Чак тоже обернулся.

– Да не бойся, подсядь, поговорим.

Джек встал, дожевывая, поправил ремень игольника, висящего за спиной, и пересел на скамейку рядом с Би.

– О чем мне с тобой говорить?

– Руку покажи.

– Руку?

Би, все еще сидящая к нему лицом, ухватила его за кисть правой руки и дернула на себя, прижимая плечом к столу. Тарелка с супом высоко подскочила, расплескивая свое содержимое, Чак и мужчины за соседними столами вскочили.

– Видели, говорите... – Би дернула рукав холщовой рубахи Джека вверх, обнажая сложную татуировку. – И я видела. В Детройте служил, говоришь? Что смотрите, подходите ближе, картинку интересную покажу...

– Ты это... пусти его, – как-то не очень уверенно сказал Чак. Дети, прекратив есть, с интересом смотрели, люди за соседними столами начали вставать. Джек дернулся и застонал – Би еще сильнее сжала его плечо.

– Вот эта картинка, большая, с пауком, самая интересная. Подобные в бандах делают... есть в Руке, что сюда идет, такая банда – Пауки. Большая банда, больше тысячи человек. Вот эта, пониже, с крестом, – означает, что может в банде машину водить, и хорошо водит.

А вот эта, цветочек этот... делают, когда больше пяти человек в рейде убил. Один цветочек, значит...

Би отпустила Джека и оттолкнула от себя, вставая.

– За одну такую татуировку в Чикаго рубят сначала руки, а потом голову. Он рейдер, сын ваш... Много видели таких, говорите?

Джек поднялся со скамьи и рванул ремень игольника. Мириам положила руку на свой пистолет, но Би просто шагнула к Джеку, так что ствол уперся ей в грудь.

– Давай, – сказала она, – стреляй, чтобы все увидели, кто ты. Только вот не думаю, что у тебя там бронебойные... вы, твари, любите экспансивные. Стреляй!

– Джек, – Чак поднял ружье, целясь Би в голову, – отойди от нее...

– Отец, это... она...

– Да мне плевать! Отойди от нее!

Работники схватились за ружья. Мириам, совершенно не зная, что делать, взялась за свой игольник и убрала его под стол. Клер сидела, спрятав лицо в ладонях.

– Без разницы мне, – сказал Чак. – Он сын мой, а вот ты кто? Плевать я хотел на тебя и твои слова...

– Да я и не сомневаюсь, что сын. Вернулся, да еще так вовремя, сказал, что отсидитесь... Может, и правда отсидитесь. Стариков и пожалеть могут, а остальных можно им отдать, правда, Джек? Приезжих особенно, они же чужие... да?

– Заткнись!

– Да он и не оправдывается сильно, как я вижу. А отец твой знал, Джек?

Чак шагнул к ней, так что дуло ружья почти касалось ее виска.

– Убирайся!

– Значит, знал. А людей своих тебе не жалко? Хотя... они же тоже вроде как чужие.

Би обернулась к Мириам.

– Собирай детей – и в машину. Мы здесь не задержимся. И всем советую ехать отсюда подальше – пока к Джеку друзья не пожаловали.

– Тетя Клер... – прошептала Мириам, но та молча встала, отвернулась и ушла в дом. Мириам сжала игольник крепче.

– Таня, Рок, пошли, – Мириам потащила детей из-за стола. Би, стоящая в окружении вооруженных людей, чуть повернула голову – и мотор ее машины, оставшейся во дворе, взревел.

– Опустите стволы! У меня боевой кар, опустите стволы, или всех сожгу! – Воспользовавшись замешательством, она просто оттолкнула Чака, оказавшегося на пути, и пошла к машине. Мириам с детьми спешили следом... Таня, видимо, только сейчас испугалась, и по пути к трейлеру все время спотыкалась, один раз чуть не упав.

– В трейлер, – скомандовала Мириам, – прячьтесь и закрывайте дверь. И сидите, пока не поедem.

– А вы?

– В трейлер!

Фермеры, обедавшие за соседними столами, тоже понемногу расходились по грузовикам, оглядываясь на Чака и его сына, стоявших в окружении работников у входа в дом. В сторону Би все еще смотрели ружья, но она демонстративно повернулась к ним спиной. Мириам видела, как дрожат ее губы и как отбивают едва заметную дробь пальцы ее руки, лежащие на колпаке кара... Би трясло от злости. Мотор уже не ревел, а просто свистел, прогреваясь.

«Только бы успеть, – промелькнула мысль в голове Мириам, – только бы успеть до того, как...» Она уже подбежала к кабине грузовика и распахнула дверцу, когда Джек вышел вперед, поправляя на груди разорванную рубашку, и выкрикнул какую-то фразу в спину Би.

Слова утонули в свисте мотора, можно было разобрать только что-то о Чикаго... о стенах Чикаго, которые не спасли.

Рука на броне сжалась в кулак. Мириам смотрела в лицо Би, с которым происходило что-то страшное, – на долю секунды оно стало спокойным, словно спящим, а затем откуда-то из глубины всплыло нечто чужое, одевающее черты Би, как маска. Миндалевидные глаза сузились еще больше, скулы заострились, Би улыбнулась – и Мириам поняла, что никогда еще не видела, как та улыбается.

Новая, незнакомая Би сорвала игольник с бедра, коротким отработанным движением перебросила его под левую руку и не оборачиваясь выстрелила Джеку в голову.

Глава VII

Интермедия VII

Невидимка сидел у панели управления водной башни и рассматривал царапины на прикрывающем ее щите. По его силуэту то и дело пробегали едва заметные волны, словно стирая его, – броня подстраивалась под цвет окружающего песка и ржавых труб.

Царапины легко читались – маленькие руки и тонкие пальцы в армированных перчатках с мышечными усилителями. Знакомые приметы... Как и большинство следов на площадке перед башней – те же широкие шины тяжелого боевого кара, тот же тягач с прицепом, слегка перекошенный на правую сторону. В этот раз к следам двух женщин добавились детские, и это казалось забавным.

Он не собирался их искать. За последние два дня следы их машин попадались ему несколько раз, но только потому, что они двигались в том же направлении, что и он, видимо, сделав порядочную петлю там, где он проехал напрямик и успел вернуться.

Он подпрыгнул, подтянулся и легко взобрался по щиту на второй уровень башни, где удобно устроился между гофрированными трубами и кожухом электрического насоса. По его броне снова прошла волна, делая его частью ржавого металла вокруг.

...Ждал около часа. Ожидание было привычным – он мог провести так многие часы, не делая ни одного лишнего движения, не шевелясь и даже почти не дыша. Солнце, стоящее в зените, не доставляло ему ровно никаких неудобств.

Две машины с открытыми двигателями появились не оттуда, откуда он их ждал, а со стороны Хокса, из-за холмов. Они ехали осторожно, соблюдая радиомолчание, оставляя легкое пыльное облако, почти сразу же оседающее на дорогу.

Один кар остановился в отдалении, другой развернулся прямо под башней, и рейдер, сидящий сверху на броне, спрыгнул. Колпак кабины откинулся, но водитель остался сидеть, прижимая к уху громоздкую гарнитуру передатчика, соединенную с приборной панелью длинным черным проводом. Рейдер, спрыгнувший с кара, медленно пошел к башне – молодой, с лицом, иссеченным шрамами, он слегка прихрамывал. Повинуясь его жесту, колпак второй машины тоже распахнулся, и пара рейдеров укрылась за ней, держа башню под прицелом игольников.

Рейдер со шрамами подошел к башне и посмотрел вверх, встретившись глазами с невидимкой, затем отвернулся, прислонился к ржавой опоре и принялся сворачивать самокрутку. В наступившей тишине шелест бумаги показался невидимке невыносимо громким.

– Кода замолчал, – негромко сказал водитель кара, слушавший радио.

– Чего? – хрипло спросил рейдер, стоящий под башней.

– Успел закинуть, что они ночью сделали крюк по бетонке в сторону Хокса и сцепились с кем-то...

– Я им сказал на бетон только глянуть, – рейдер лизнул самокрутку, и повернул, осматривая. – Вызывай еще.

– Вызываю, молчит. Совсем молчит, хотя радио работает, треск слышно.

– Еще одни, – древняя электрическая зажигалка в руках рейдера сухо щелкнула. – Вторая восьмерка за сутки.

– Думаешь?

– А что не ясно? – хриплый голос остался тихим, несмотря на явно звучавшую в нем ярость. – На бетоне военный кордон или джет баронский – хотя нет, джет мы бы услышали, а тут... восьмерку Спайка видел? У них по дырке точно между глаз было, на всех восемь дырок.

– Наемники?

– Нет, они так стрелять не умеют, – рейдер со шрамами выпустил струйку дыма вверх. – Да и никто почти не умеет. Сейчас ящерицу дождемся, и пойдем, сами глянем.

– Сами? Так ведь уже две восьмерки...

– А ты думал, Самрил своих парней гнить бросит? Мы тихо, одним глазком глянем, – рейдер повернулся к машине, и невидимка, уцепившись за выступы на опоре башни, тихо спустился ему за спину.

– Так и без глаза останешься, – сказал механический голос, и рейдер отскочил к кару, вскидывая игольник. – И не кричите громко, в Хоксе слышно.

– И правда ящерица, – сказал рейдер, назвавшийся Самрилом, рассматривая расплывчатый ржавый силуэт через прицел игольника.

– Ты старший? – спросил его невидимка, и на размытом пятне его лица внезапно проступили черные оптические линзы, несимметричные и ничем не напоминающие человеческие глаза.

– Я.

– Держи. Отдашь в руки Ихану. Никому больше, – прозрачная рука протянула рейдеру черную металлическую капсулу размером с большой палец. Рейдер опустил игольник и осторожно взял ее.

– Ихану. Понял?

– Понял, не тупой, – огрызнулся рейдер, пряча капсулу в карман на широком кожаном поясе. – На хайвей завернем сначала, а потом и назад рванем.

– Не завернете.

– Что?

– Ты не понял? – прозрачный силуэт внезапно почернел, обнажая фактуру брони, состоящую из множества маленьких чешуек. – Они мертвы, все до одного.

– А тебе откуда знать? – Самрил оскалился, отчего его изуродованное лицо приобрело еще более жуткий вид. – Сам видел, может?

– Я много чего видел. Тебе ехать пора, и побыстрее.

– А ты мне не советуй, ящер. Сам решу. Кто моих пацанов положил?

Тот, кого называли ящерицей, слегка наклонил голову в сторону, рассматривая рейдера как нечто любопытное.

– Считаю, тебе повезло, – ответил он медленно, – и мне повезло. Наткнулся бы ты на него – пришлось бы мне кого другого сюда вызывать.

– Ты не мудри, – грубо ответил рейдер. – Говори: кто, сколько их, где найти, и я им еще до заката глаза повырежу, не будь я Самрил из Тигров.

– Я сказал: поедешь к Ихану, и прямо сейчас, – механический голос ронял слова с долгими паузами. – Или я сам вас тут перестреляю и подожду замену.

– Чего? – Самрил шагнул вперед, выплюнув самокрутку, и дуло игольника уперлось в одну из асимметричных линз на черной маске. Невидимка слегка отстранился и посмотрел на второго рейдера, все еще сидящего в машине.

– Это ты водитель, да?

Тот, помедлив, кивнул. Следующего движения невидимки никто не увидел – Самрил охнул, кисть его правой руки оказалась вывернутой и прижатой к груди, а в горло ему уткнулось дуло его собственного игольника, зафиксированного локтем в черной броне. Водитель схватился за оружие, и от второй машины донесся крик – но главарь рейдеров и невидимка стояли слишком близко, словно обнимаясь, и стрелять никто не решился.

– Ты поедешь к Ихану, – медленно сказала черная маска, почти прижавшись к лицу Самрила, – или я сам тебя найду, и одними глазами не отделаешься. Ты понял?

– Понял. Только я тебе это не забуду, ящер, – после непродолжительного молчания прохрипел Самрил.

– Хорошо. А это чтобы точно запомнил, – невидимка коротко ударил локтем по вывернутой кисти, и Самрил закричал. Игольник с погнутым стволом упал в песок.

– Езжайте, – сказал невидимка, снова превращаясь в размытое пятно. Рейдер смотрел на него с ненавистью, придерживая сломанную руку.

– Жди в гости, тварь.

– Буду ждать. И друзей с собой побольше захвати, – невидимка отступил к башне и просто исчез, слившись с одной из опор. Самрил некоторое время смотрел ему вслед, потом сплюнул на песок и побрел к своему кару.

Невидимка, присевший у опоры, смотрел, как они уезжают. Его собственный кар, маленький и похожий на плоский черный камень, подъехал к башне несколько минут спустя, послушный его команде. Он забрался в кабину и некоторое время сидел, глядя на башню и водосток.

Его одолевало непреодолимое желание снять перчатки и вымыть руки.

I

Мелкие камни барабанили по днищу грузовика. Звук был привычным, но сейчас он почему-то раздражал, мешая сосредоточиться на дороге. Руки на штурвале казались чужими, Мириам приходилось прилагать усилия, чтобы машина шла ровно, точно посередине хайвея прямо за каром Би. В зеркале заднего вида, у самого горизонта, пылили несколько тяжелых грузовиков – фермеры, тоже едущие в Хокс, предпочитали держать дистанцию.

Игольник лежал рядом, на пассажирском сиденье, индикатор на рукояти показывал двадцать шесть зарядов. На два меньше, чем час назад.

Все это не было сном.

В памяти всплывали испуганные лица фермеров, бегущих к своим машинам, Чак, падающий на тело своего сына с плечом, разорванным иглами, грохот и удар пули в дверь грузовика Мириам, хлопок игольника, зажатого в обеих руках. Человек на мушке... кажется, он целится в Би, и иглы из пистолета Мириам бьют его в бедро, опрокидывая навзничь. Би, присевшая возле своего кара, стреляющая поверх голов, и лицо прячущейся в доме Клер чуть выше прицельной рамки...

«Я бы и в нее выстрелила? – пульсировало в голове, заглушая все звуки. – Если бы она подняла ружье – выстрелила бы?»

Мысль была отвратительной. Мириам тряхнула головой, стараясь отогнать ее, – и поняла, что к стуку камней о днище прибавилось еще что-то.

Кто-то стучал в стенку трейлера, не слишком сильно, но ритмично, так что слышно было даже сквозь стенку кабины.

Дети!

Мириам затормозила, не предупреждая Би. Уже открывая дверь трейлера, она увидела, что та тоже остановилась. Молча. За последние полчаса они не обменялись ни словом, переговорник был отключен.

– Что случилось? – Таня буквально выпала из трейлера. – Мы так испугались, думали, что задохнемся. И к тому же стреляли...

Мириам кивнула, и помогла Тони спрыгнуть вниз.

– Что-то плохое случилось?

– Да. Садитесь в кабину.

– В вас стреляли? – это спросил уже Рок.

– Садитесь!

Мириам взобралась на водительское место, и Таня протянула ей игольник.

– Спрячь под сиденье, – сказала Мириам, – Не хочу его трогать...

Облачка пыли в зеркале стали заметно меньше – фермеры тоже остановились и ждали, не осмеливаясь приближаться.

– Что такое? – спросила Таня.

– Ничего, – ответила Мириам, – Мы же такие страшные, правда?

Дальше они ехали в тишине. Даже Рок, пытавшийся расспрашивать о том, кто в кого стрелял, замолчал, когда Таня несколько раз громко шикнула на него. Тони меланхолично грыз тот же самый предмет, что и раньше, при ближайшем рассмотрении оказавшийся деревянными бусами – по крайней мере, так показалось Мириам, бросившей на него косой взгляд.

– Это четки, – пояснила Таня. – Я уже два раза меняла нитку...

– А без них он плачет, – добавил Рок, – и не спит. У Тони их несколько раз забирали, но потом пришлось отдать. А еще у него зуб выпал...

Его прервал щелчок в переговорнике.

– Впереди кто-то есть, – сказала Би, и Мириам поняла: ей не хватало этого голоса, само присутствие Би успокаивало, несмотря ни на что.

– Хорошо, я приторможу...

– Не надо, просто остановись поодаль, хорошо?

– Да.

Они поехали медленнее. В этом месте хайвей проходил между невысокими скалами, вдоль обочины росли низкие кривые деревья, и Мириам не сразу обратила внимание на что-то, лежащее среди них, прямо на обочине. Кар Би притормозил, но не остановился.

– Едем дальше.

– Что там?

– Не важно...

Но Мириам уже и сама поняла, что... Чуть дальше лежало еще одно тело, словно куча тряпья. Деревья там были сломаны, и среди сухих стволов торчали обгоревшие обломки кара.

– Кто это?

– Рейдеры. Дальний разъезд, молчал до последнего момента. Остановись здесь.

Скрытая скалой и поворотом дороги, наполовину перегородив хайвей, возвышалась груда обломков. Би стояла перед ними, рассматривая.

– Сидите в машине, – сказала Мириам и вылезла из кабины, захватив на всякий случай игольник. Ее беспокоило то, что она никак не могла понять, что же это, собственно, за куча, – детали не складывались в единое целое.

– Не подходи ближе, – сказала Би.

Но предупреждение запоздало. Картина сложилась, и Мириам замутило.

– Что тут случилось?

– Вот это байк. Как я понимаю, в разезде было восемь человек. Кто-то на байке догнал последнюю машину и расстрелял... ее мы видели. Эта – вторая – остановилась, и вот... эти вышли, чтобы его встретить. Он не затормозил, даже развернулся, чтобы влететь в борт по всей длине. Разменял байк на три жизни. Он сумасшедший.

В голосе Би Мириам почудилось восхищение.

– А где он?

– Ушел, видимо. Он спрыгнул, прежде чем бросить в них байк. Видишь, одного из рейдеров добила выстрелом в голову.

– Это тот, который...

– Да, мы его уже видели. Теперь он пешком.

Мириам молча кивнула. Би рассматривала обломки еще некоторое время, постукивая пальцами по рукояти игольника на бедре. Потом резко обернулась к Мириам:

– Слушай, что там случилось?

– Там – это где?

– В том дворе, откуда мы уехали час назад.

– Ты застрелила Джека, подстрелила Чака, а я... я ранила одного из их рабочих.

– Застрелила...

– Да, – Мириам подошла ближе. – Наверное, не нужно было так...

– Я больше никого не убила?

– Нет, а ты разве ты...

– Я не помню, – Би в упор посмотрела на Мириам, в ее глазах была злость. – Я ни черта не помню с того момента, как ты запихнула детей в трейлер!

– Но ты была вполне...

– Вполне что?!

– Нормальной...

– Нормальной?! – Би пнула лежащее под ногами колесо так, что оно перелетело через разбитый кар. – Я?!!

Она вдруг внезапно оказалась совсем рядом с Мириам, и та съежилась в ожидании удара, но Би просто наклонилась к ней.

– Какая же я нормальная? – почти прошептала она. – Разве нормальные люди такими бывают? И такое делают?

– А кто тогда нормальный? – тоже очень тихо спросила Мириам. – Может, такие и умерли все давно. Все эти миллионы, в войну... а остались только мы.

– Мы?

– Ну да. Ты, я, дети... разве мы ненормальные? Разве мы чего-то неправильного хотим? Чего-то плохого?

– Если бы я знала! – Би отвернулась. – Если бы я знала, чего мне теперь хотеть.

– А раньше знала?

– Раньше? – она произнесла это слово с трудом, словно оно внушало ей отвращение. – Нет. Не хочу помнить никакого «раньше». Ненавижу...

Мириам осторожно дотронулась до ее плеча, но Би, казалось, этого не заметила.

– Неважно, – наконец сказала она, – Нам нужно ехать.

– А этот... который их убил?

– Да здесь он. За двести метров дальше по дороге, за скалой, точнее, у скалы. Я вижу тепло его тела, да он и не прячется.

– А что он там делает?

– Просто сидит. Видимо, ждет, пока его подберут.

– И мы его возьмем?

– Не знаю. Решай сама...

– Я?

– У меня еще один человек не поместится. Мы не знаем, кто он, но думаю, он нам не враг. Езжай потихоньку вперед, а я спихну все это уродство с дороги.

– Хорошо.

Мириам пошла к грузовику. Прежде чем сесть в кабину, оглянулась – Би по своему обыкновению обыскивала трупы. Мириам вспомнила, какой она увидела ее в первый раз, ее железные пальцы и механический голос. Она так и не поняла, когда это произошло, но та Би, которую она знала сейчас, больше не казалась чудовищем... У разбитой машины, окруженной разорванными останками рейдеров, возилась хрупкая девушка в странной броне.

Девушка, которой ночью тоже снились страшные сны.

– Что там? – спросила Таня, когда Мириам залезла в кабину и завела машину.

– Плохие люди. Мертвые.

– Да?

– Возьми Рока, прижми к себе и закрой ему глаза. И не смотри в окно, а то плохо будет.

– Не надо! – возразил было Рок, но Таня выполнила приказ Мириам очень быстро и даже слишком буквально, зажав его голову под мышкой.

– Поехали, – сказала Мириам. – Мы, видимо, подберем еще одного пассажира...

– Кого? – спросила Таня, стараясь смотреть в водительское окно и дыша в ухо Мириам.

– Сейчас увидим.

II

Если бы не указания Би, Мириам ни за что не заметила бы человека, сидящего под скалой, – его плащ песочного цвета не выделялся между деревьями, а большая конусообразная шляпа была усажена веточками сухого винограда и выглядела издалека как обычный серый камень.

– Что бы ни случилось, сидите в кабине, – сказала она детям и взяла игольник. Подумала и положила его обратно под сиденье: здесь он был бесполезен. Незнакомец никак не прореагировал на остановившуюся в двадцати шагах машину. Поля шляпы были опущены, и Мириам не видела его лица.

– А что может случиться? – спросила Таня, тоже с любопытством рассматривая незнакомца.

– Все нормально, – невпопад ответила Мириам, спрыгивая на землю.

Неизвестный сидел, скрестив ноги, прислонившись спиной к большому камню, а на коленях у него лежала длинная винтовка, обернутая в серые тряпки. Лица все еще видно не было – казалось, он смотрит куда-то на дорогу, в сторону Хокса.

– Привет, – сказала Мириам, когда до него оставалось не более десяти шагов. Незнакомец никак не прореагировал, и она подошла поближе.

– Привет! – повторила она.

Шляпа наклонилась в ответ.

– Ты что, спишь?

– Да, – последовал лаконичный ответ, – но все еще надеюсь проснуться.

Незнакомец расстегнул ремешок шляпы и снял ее – его голова оказалась бритой.

– Меня зовут Кейн.

У него были очень добрые глаза, по крайней мере, так показалось Мириам. Он был молод, чуть старше Би, наверное. Ни бороды, ни усов у него не оказалось, но по левой щеке от шеи и до виска бежала сложная татуировка – что-то вроде ветви дерева со множеством мелких цветов.

– А я – Мириам.

– Я знаю, – он снова улыбнулся и встал, немного неловко, опираясь на винтовку.

– Откуда?

– Вы очень громко говорите со своей подружкой.

– В смысле – по радио?

– Да.

– А почему ты тут... спал?

– Я смотрел на облака, – он вытянул руку с винтовкой, указывая вдоль хайвея. – Вон там, видишь, над Хоксом?

– Да, вижу. А что с ними не так?

– Нет, что ты, с ними все так... Посмотри, какие они красивые.

Мириам изо всех сил вглядывалась в облака, но ничего необычного в них не заметила, и пожала плечами.

– Они обыкновенные...

– Но они никогда не повторяются, – он надел шляпу. – На них можно посмотреть только один раз, и все... Как же они могут быть обыкновенными?

Мириам снова пожала плечами.

– А почему ты хромаешь?

– Он упал с байка, – возле ее машины стояла Би и рассматривала незнакомца. Тот снова снял шляпу и наклонил бритую голову.

– Привет. Верно, я ушиб ногу, когда мне пришлось разбить байк, – он снова улыбнулся широкой и искренней улыбкой, словно они говорили о погоде где-нибудь на ферме. Мириам никак не могла понять, что общего может быть у этого человека с тем, что она видела на хайвее десять минут назад.

– Ты кто? – довольно грубо спросила Би.

– Я? Странствующий монах.

– Кто-кто? – удивилась Мириам.

– Только этого нам не хватает, – задумчиво сказала Би. – Монах...

– На байке и с игольником?

– Я не смог украсть кар, – спокойно сказал Кейн. – Но мне попался отличный байк. Мне нужно было проехать через пустыню, и глупо было бы идти пешком.

– А почему ты не поехал с нами сразу? Ты же был рядом!

– Я ехал быстрее, Мириам. В мои планы не входило так задерживаться, и если бы не эта досадная ситуация, я был бы уже далеко.

– Ты едешь в Хокс? – снова вмешалась Би.

– Да.

– Ты монах-воин?

– Да. Это же очевидно.

– Зачем ты убивал рейдеров?

– Это тоже очевидно. Чтобы они умерли.

Монах смотрел на Би без тени улыбки. Она кивнула.

– Да, мне говорили, что вы ненормальные и что вас очень трудно понять.

– Лучше быть безумным, чем дураком, верно?

– Наверняка. Ты не против ехать в трейлере?

- Вовсе нет.
- Би кивнула и пошла к своей машине.
- Где твои вещи? – спросила Мириам у монаха, снова надевающего свою странную шляпу.
- На мне.
- А больше у тебя ничего не было?
- У меня и сейчас ничего нет.
- А еда, лекарства... Что у тебя вообще с ногой?
- Ушиб. Я посплю, и он пройдет к вечеру. А еды мне не нужно больше, чем я смогу съесть. Так что я не ношу ее с собой.
- А если ее не будет?
- Тогда я буду ее искать, – он снова широко улыбнулся, окончательно поставив Мириам в тупик.
- А что у тебя на щеке нарисовано?
- Ветка яблони, – он открыл дверцу трейлера так, будто всю жизнь ездил в таком.
- Да? А что это означает?
- Ветку яблони, – монах залез в трейлер, с некоторым трудом втянув наверх ногу, и тут же улегся на тюке с вещами. Мириам снова пожала плечами и захлопнула дверцу... Би была совершенно права, говорить с этим человеком оказалось очень сложно.
- Кто это? – спросила Таня, когда Мириам вернулась в кабину.
- Монах. Да только странный какой-то...
- А монахи разве не живут далеко от людей, в таких местах...
- В монастырях?
- Да.
- Этот сказал, что странствует.
- Это буддийский монах, – вмешалась в разговор Би, – у них нет монастырей, и они путешествуют, не заходя в города. Я про них слышала, их очень мало, и такого редко можно встретить.
- А почему он с ружьем?
- У него спроси, он нас слушает, – кар Би сорвался с места, и Мириам завела машину. – У него военный передатчик. Интересно, откуда?
- Украл, – раздался в переговорнике голос Кейна, – Не было смысла оставлять его рейдерам, а мне он пригодился.
- Украл? – удивилась Таня. – Но если ты монах...
- Думаешь, лучше было бы солгать, что мне его подарили? – Из переговорника донесся глухой удар, когда машина подпрыгнула на очередном ухабе. – Какие тут твердые стены...
- Железные, – сказала Мириам, копируя тон монаха. Тот добродушно рассмеялся.
- Ничего, когда я засну, мне и железо покажется мягкой периной.

III

Дорога шла между скал еще долго. Казалось, весь здешний хайвей состоял из мелких камней, каждый из которых норовил ударить в дно грузовика посильнее. Из переговорника раздавалось похрапывание – видимо, монах действительно заснул. После каждого прыжка на ухабе сопение становилось только громче. Би молчала, а сцепка трейлера издавала тонкий жалобный скрип. Дети дремали, у Мириам, так ничего и не евшей с самого утра, урчало в животе.

Наконец, после очередного высокого прыжка на ухабе, случилось неизбежное – визг сцепки прервался скрежетом, грузовик подбросило и перевернуло. Мириам едва успела

нажать на тормоз. В зеркале заднего вида отразился стремительно удаляющийся назад трейлер.

Сопение в переговорнике даже не сбилось.

– Что там? – спросила Би.

– Я потеряла трейлер.

Кар Би сдал назад. Рок проснулся и, сонно моргая, смотрел на Мириам... Она аккуратно уложила спящую Таню на свое сиденье и выскользнула из кабины.

– Сидеть здесь, – сказала она шепотом.

– Вот так всегда, – пробурчал Рок.

Лишенный трейлера грузовик казался голым, крюк сцепки был вырван и лежал на дороге. Мириам дотронулась до платформы грузовика – он стоял как-то странно, накренившись на один бок. Она обошла его кругом.

Кар Би остановился рядом.

– Колесо? – спросила она.

– Диск и само колесо... даже шину разорвало.

– Я могу взять вас на буксир.

– Нет, не нужно, у меня есть запасное. И крюк... петля цела, а там просто вырвало пару болтов. У меня есть инструменты, это займет минут двадцать.

– Ты уверена?

– Да.

Гель из шины разливался по камням как черная смола, мгновенно застывая на воздухе. Мириам пошла к трейлеру.

– Можно выйти? – крикнул ей вслед Рок. – Мне в туалет нужно!

– Давай, – сказала Би, – здесь уже безопасно.

Далеко позади на дороге пылили грузовики беженцев... На этот раз, видимо, они решили не останавливаться.

В трейлере было душно. Монах спал, обернув голову одеялом, и как он при этом дышал, для Мириам осталось загадкой. Он не проснулся, даже когда она с грохотом вытаскивала из груды вещей домкрат, коробку с инструментами и запасное колесо.

– Тебе помочь? – спросила Би, глядя, как она тащит все это к грузовику.

– Можно. Если ты слегка приподнимешь грузовик...

– Давай.

– Да я шучу, – Мириам забросила домкрат под заднюю ось грузовика, проверила батарею и включила. – Я умею ремонтировать машины с детства. То есть двигатель разобрать, конечно, не смогу. Но, по-моему, этого почти никто не может. А так, по мелочи...

– Я так и поняла.

Когда платформа грузовика, наконец, поднялась на нужную высоту, а Мириам, сидящая на ней, прикрутила крюк сцепки двумя болтами из четырех, мимо них с жестяным грохотом проехала колонна фермеров. Би следила за ними, облокотившись о крыло своей машины. Всего в колонне был пять машин – все, кого они видели во дворе Чака.

– Я немного проедусь, – сказала Би, когда они скрылись за скалами. – Не могу сидеть на месте, посмотрю, что впереди.

– С тобой все нормально?

– Да, насколько это вообще возможно. Просто мне нужно подумать.

– А кто это еще там едет?

– Беженцы, – Би запрыгнула в кабину. – Их еще много в эту сторону едет, за нами идут целые караваны. На всякий случай держи игольник под рукой, а я буду недалеко.

– О'кей.

Кар Би сорвался с места. Рок, остановившийся возле грузовика, проводил его взглядом.

– Что смотришь? – спросила его Мириам. – Помогай!

– А что нужно делать?

– Для начала достань мне разводной ключ поменьше вон из той коробки...

Она устанавливала новое колесо, когда мимо проехали еще три грузовика, один сразу с двумя прицепами. Закрутить последнюю гайку она доверила Року – тот долго пытался, но справился. Крюк тоже держался... По крайней мере, должен был продержаться до Хокса. Солнце жгло всюду, и среди скал время от времени вспыхивали яркие точки, словно разбросанные между камнями осколки зеркал.

– Вот и все, – сказала Мириам. – Теперь ждем Би, она поможет нам подцепить трейлер. Хочешь пить?

– Да, – Рок провел ладошкой по мокрому лбу, оставив черный масляный след.

– Эй, тебе нужно вымыть руки... Да и мне тоже, – Мириам осмотрела свои ладони. – Я же вся в грязи. Давай сначала отнесем инструменты.

По дороге приближались еще несколько грузовиков, она бегло глянула в их сторону, когда втаскивала инструменты в трейлер. Уже не боясь потревожить монаха, она задвинула коробку поглубже и взяла канистру с водой.

– Сейчас помоем руки...

Проезжающая мимо пара грузовиков притормозила, из кабины второго высунулась голова мужчины в мягкой светлой шляпе.

– Эй, девочка, батарея лишняя есть?

– На своих езжу, – резко ответила Мириам.

Грузовики остановились. Дверь хлопнула, и человек в шляпе спрыгнул на землю. В руках у него была старая двустволка.

– Тогда давай свои!

– Под трейлер! – шепнула Мириам Року, тот упал на колени и мгновенно ввинтился под днище.

– Куда... – заикнулся было мужик, потом поднял ружье, целясь Мириам в грудь. – Давай батареи, говорю, и че пожрать, если есть!

– Ты разве не беженец? – спросила Мириам, отступая на шаг к трейлеру. В грузовиках она видела лица – несколько женщин смотрели оттуда, прильнув к окошкам в стенках.

– А тебе что? – огрызнулся человек, его лицо под козырьком шляпы блестело от пота. Хлопнула дверь второго грузовика, и на дорогу спрыгнул еще один мужчина, с длиннотвольным игольником. Мириам лихорадочно обдумывала ситуацию... Ее собственный пистолет, как и переговорник, остались в машине, Би была неизвестно где, а она сама понятия не имела, что делать в подобных ситуациях.

– Хорошо, – сказала она, поднимая руки и показывая ему ладони в черном масле. – Ты только ружье опусти, у меня же оружия нет.

– А ты мне не указывай! – сказал фермер, сделав к ней еще один шаг. Снова отступив, Мириам уперлась спиной в теплую стенку трейлера.

– Эй, Эйм, а тут еще дети! – крикнул второй мужчина, видимо, заглянувший в кабину грузовика.

– И у меня дети! – огрызнулся Эйм. – И жрать хотят, между прочим...

В наступившей тишине только Мириам расслышала, как щелкнула задвижка на двери трейлера, очень тихо, словно кто-то придержал ее.

– Последний раз повторяю...

– А не пугал бы ты ее, добрый человек.

Кейн говорил тихо и ласково, словно с ребенком. Чуть повернув голову, Мириам увидела, что он стоит рядом с трейлером, а его страшной винтовки нигде не видно.

– Я же вижу, тебе в людей раньше стрелять не приходилось. И жена твоя, и дети смотрят... Что они о тебе подумают?

– Ты кто вообще? – теперь уже Эйм отступил, не зная, в кого целиться.

– Я монах, – Кейн сделал шаг вперед, потом еще один, показывая пустые руки. – А ты кто?

Он снова шагнул, на этот раз закрыв собой Мириам. Товарищ Эйма приблизился к нему, и теперь они оба целились в монаха.

– Ты нам зубы не заговаривай...

– Так я по-человечески с тобой говорю. Тебя же Эймос зовут, да? Сам посуди, Эймос: оно тебе нужно – тяжесть такую на душу брать? – Монах сделал еще один шаг, снова заставив Эйма отступить, ружье практически уперлось ему в лоб. – Сам подумай, правильно это – у одних детей отбирать, чтобы другим отдать?

– Может, и неправильно, – второй человек подошел ближе, держа Кейна на мушке, – только вот так случилось. Ты бы не рассуждал, ружья-то у нас...

Монах шагнул в сторону, еще ближе, так что стволы ружья и игольника почти скрестились.

– Ружья? – переспросил он, – Да разве они за вас решают?

Он нырнул под стволы, хватаясь за цевье ружья, и коротко ударил Эйма в лицо прикладом его собственного оружия. Второй фермер попытался было отойти, но Кейн использовал захваченное ружье как длинную дубину, ударив по игольнику снизу вверх, а затем ткнув его хозяина прикладом в лоб. Игольник упал прямо перед Мириам, и она наступила на него ногой, как на ядовитую змею.

– А теперь что? – спросил монах, держа ружье за ствол перед собой. – Ножи достанете? Или ты, Эйм, за топором сходишь?

– Может, и схожу, – ответил Эйм, сглатывая кровь. – У меня восемь душ в машинах, что им, с голоду помереть? И движок к ночи сдохнет, и сидеть нам на хайвее, пока бандиты не подспеют...

– Да ну его, Эйм, – сказал второй фермер, потирая лоб с красной отметиной от приклада. – Поедем отсюда, перебежмся как-нибудь...

– Еще кого найдете, да? – ружье в руках Кейна перевернулось будто само собой, теперь его пальцы лежали на курке. – Только подходить близко не будете, а сразу застрелите? Кого, интересно мне? Тут пара семей недавно проезжала, может, их догоните, а?

Фермеры молча переглянулись, потом Эйм тихо спросил:

– А что делать-то, монах?

Мириам только сейчас заметила, что Рок наполовину высунулся из своего укрытия и с интересом наблюдает за происходящим. Кейн хотел что-то сказать, но она его опередила.

– Что делать... Да просто взять и попросить батарею, кретины!

Она наклонилась и вытащила Рока за шкурку из-под машины.

– А ну живо в кабину, и не высовывайся!

Рок припустил к грузовику, а монах широко улыбнулся.

– Вы поняли?

Наступившая тишина была прервана нарастающим ревом – из-за скал вылетел кар Би, завертелся, толкнул ближайший грузовик и остановился, накрыв всех облаком мелких камней. Кабина была уже открыта, Би приземлилась между машинами еще раньше, чем остановился кар, и ее наваха хищно щелкнула, раскрываясь.

– Что здесь происходит? – спросил механический голос.

– Да вот, – сказала Мириам, успевшая присесть и закрыть голову руками, – покушать у нас попросили. Дадим им мешок гречки, у нас же еще есть...

– Тебе лучше знать.

- И еще...
- Что?
- У нас же есть еще батареи?

Глава VIII

Интермедия VIII

Пустыня расползалась, подобно лоскутному одеялу.

С высоты она напоминала серый плащ, долго послуживший и много раз чиненный, покрытый заплатами и складками, с полосками шнуровок на рукавах и вкраплениями черной кожи. С очень большой высоты все детали уже сливались, и внизу простиралось пятнистое и бугристое нечто, похожее на плохо выделанную бычью кожу.

Корпус джета вздрогнул, когда его скорость вдвое превзошла скорость звука, и водородный двигатель сменил режим. Высокочастотная вибрация проникала в кабину, и это было единственным, что позволяло почувствовать движение на такой высоте.

Пустыня никогда не была пустой.

Вокруг пятнистого и сверкающего металлом Хокса, расположившегося на двух холмах, широким овалом лежала долина, ее склоны пестрели неаккуратными лоскутами – фермы, сады, загоны для скота и пастбища с желтой от летнего зноя травой. Коробочки фермерских домиков и амбаров лепились друг к другу в беспорядке, над ними поднимались тени ветряных насосов – тонкие, не толще швейной иглы.

Долина выступала центром яркого пятна – лоскуты полей расходились от нее во все стороны, подчеркивая иллюзию одеяла желтыми пятнами выгонов и серыми кусками вспаханной земли. Белые ленты дорог резали поля на части, широкие полосы трех основных хайвеев начинались чуть дальше, за долиной, и убегали в стороны, упираясь в горизонт.

Один указывал на Атланту – остров правильной формы, белые стены и тонкие стеклянные шпили, рвущиеся в небо... Другой, украшенный кружевом кудрявых пыльных завитков, – на скальные россыпи Эрга, глубокой пустыни.

Джет качнул крыльями и развернулся над ниточкой хайвея, беря курс на Эрг. Проплывающая под ним дорога наполнилась беженцами – маленькие и большие караваны, точки, ползущие по белой линии, способные увидеть только след от джета – светлую полосу в безоблачном небе.

Дальше пустыня становилась каменистой, изменяя цвет на серо-черный. Хайвей терял пыльный блеск, и постепенно растворялся среди серых скал, каменных насыпей, и очертаний фундаментов старых городов – с высоты они были отлично видны, как геометрические рисунки в виде квадратов и прямоугольников, понемногу утрачивающие свои очертания и смысл.

За неполных пятнадцать минут джет преодолел более семи сотен километров, ища внизу знакомые следы. Беженцы давно остались позади, но пустыня то и дело снова расцветала миниатюрными пыльными завитками... Их становилось все больше. Джет сбросил скорость и немного снизился, чтобы не упустить зрелище.

По пустыне двигалась Рука. Грандиозная волна машин шла клином по оси хайвея, захватывая местность вокруг него подобно воде, обходя препятствия, растекаясь ручейками и реками по окружающей местности. Прикрытые боевыми карами, в тылу поднимали пыль грузовики – тяжелые тягачи и небольшие бронированные пехотные транспортники. Волна катилась по пустыне, накрывая огромную площадь, а за ней на горизонте поднимались жирные столбы дыма.

Джет сделал круг. Стрелять по нему не пытались – высота все еще оставалась слишком большой. словно гигантское животное, не замечающее комариного писка, Рука игнорировала джет, машины катились дальше – безостановочно, как лава, как блестящие насекомые, лихорадочно ищущие пищу.

До Хокса им оставалось идти не более шести дней.

Джет развернулся, снова описывая круг и набирая высоту. Можно было возвращаться – большего сверху все равно было не рассмотреть.

Красный Ястреб заканчивал облет своих владений.

I

Дальше ехали медленнее. Мириам опасалась за сцепку, к тому же теперь за ними, словно хвост, тянулись два грузовика – Эймоса и его друга Бена. Грузовик Мириам при всем желании не смог бы от них оторваться, а Би не обращала на них внимания, думая о чем-то своем. Рок пытался было рассказать Тане, что он видел, сидя под грузовиком, но Мириам его одернула, и теперь он молча дулся, по своему обыкновению высунувшись в окно.

Таня, как выяснилось, видела не меньше его – когда Мириам, наконец, смыла с рук масло и вернулась в кабину, та со слезами бросилась ей на шею. В потоке слов, обрушившемся на нее, Мириам разобрала только что-то об испуге и пистолете, спрятанном под сиденьем.

– Я очень испугалась, – выдавила из себя Таня, когда грузовик наконец завелся, – Твой пистолет был тут, рядом, я знаю, где он лежит. А они стояли ко мне спиной, и я могла...

– Успокойся, – Мириам погладила ее по голове. – Все хорошо закончилось.

– Да, но могло ведь... у них же были ружья. Я так испугалась, и не смогла...

– Все хорошо.

Переговорник щелкнул.

– Кто тебе угрожал? Тот, с разбитой мордой? – спросила Би.

– Да все нормально... Кейн с ними поговорил.

– Да, по их лицам заметно... В следующий раз я тоже с ними поговорю.

– Не нужно, честно, они просто совсем отчаялись.

– И что? Что это за фермеры, у которых нечего есть?

– Обычные фермеры, – отозвался Кейн. – Тут, на дороге, полно таких. Неожиданно снялись с места, старый урожай убран и продан, все запасы не увезти, машин почти нет, батареи на нуле.

– А ты откуда знаешь?

– Да вот... говорю с людьми иногда.

Кейн замолчал. Хайвей поворачивал между скал еще несколько раз, по сторонам мелькали путевые столбы с металлическими щитами, указывающими на Хокс. Потом вдоль дороги опять потянулись возделанные поля, кое-где над фермами даже поднимался дымок – их обитатели, видимо, решили не уходить до самого последнего момента.

– Долина Хокса совсем рядом, – заговорила наконец Би. – Я поймала их переговоры, дорожный пост всего в паре километров.

– И о чем они говорят?

– О погоде, о женщинах...

– О каких женщинах?

– О... доступных, – Би не стала продолжать, тем более, что впереди на холме действительно показалась вышка. Орудий на ней видно не было – просто обычная металлическая коробка на трех столбах, в которой сидел часовой. Еще несколько человек с оружием стояли под ней, возле низкого металлического строения.

– Едем медленнее, они, скорее всего, попросят остановиться.

– Зачем?

– Они рейдеров ищут. Шпионов. Хотя толку от таких поисков...

Вблизи пост выглядел еще более неряшливым, чем издали, – металл вышки местами проржавел, сторожка перекосилась, а стилизованные изображения красной птицы, кое-где сделанные на металле, давно истерлись. Впрочем, оружие и снаряжение гвардейцев было новым – по крайней мере, так показалось Мириам. Кар Би остановился у поста первым, и к нему подошел необъятной ширины человек в черном бронежилете с красным наплечником.

– В город? – спросил он весело, его круглое лицо под черным шлемом лоснилось от пота.

– А куда же? – Би подняла колпак и смотрела на него снизу вверх.

– Наниматься?

– Если возьмут.

Мириам не поняла, о чем они говорят, голоса в переговорнике звучали слегка приглушенно, но спокойно. Она остановила свой грузовик сразу за каром Би.

– А эти?

– Со мной.

– Досмотреть придется...

– Смотри, – Би вылезла из кабины и махнула Мириам рукой. – Выходите, разомнитесь, пусть гвардия смотрит...

Кары Эймоса и Бена остановились поодаль, из них тоже высыпали люди. Мириам сняла Тони с подножки, и они все вместе пошли к Би, которая стояла, опираясь на крыло своей машины, и разговаривала с толстым гвардейцем.

– Этот боевых каров никогда не видел? – Би кивнула на одного из гвардейцев, мнувшегося рядом. – Он что, движок мне досмотреть хочет?

– Он бы тебе всю ходовую досмотрел... – ответил толстяк, остальные зашлись в дружном хохоте.

– Смотрелка отвалится, – звонко сказала Мириам, и хохот стал еще громче, засмеялись даже дети.

– А сама не отвалится, так я помогу, – тихо, без тени улыбки сказала Би, и смех как-то сразу затих.

– Да ладно тебе, – все еще улыбаясь, сказал толстяк. – Мы ж с тобой ссориться не хотим, так, шутим просто.

– Так и я... шучу. Что слышно?

– В смысле? – толстяк кивнул головой, и трое его помощников пошли к грузовикам, то и дело оглядываясь, в основном на Мириам. – Ну вот... рейдеры, значит, барон сказал беженцев принимать всех, кого сможем. Ну, а сам он в разъездах постоянных, но, говорят, наемников по такому времени принимает, они сюда целыми бандами приходят.

– А рейдеры что?

– А ничего... Мы пока ни одного не видели, но говорят, что в округе уже шалют повсюду. Хотя честно тебе скажу, кто его разберет – рейдеры это или просто бандиты какие, или те же наемники, – он почему-то подмигнул Би. Та кивнула.

– И правда, разницы почти нет.

– Вот-вот. Нет, ну по тебе-то сразу видно – при оружии, при броне да при машине... Рейдеры про такие и не слышали, а иначе мы б тут уже не сидели. А вот другие наемники, что приходят, так просто банды оборванцев какие-то... Будь моя воля, так я и не пускал бы их, а то кто его знает, может, они нам самим после первого выстрела глотки резать начнут?

– Тоже верно... Только ведь барон приказал?

– Точно. Приказал всех пускать, кроме разве что откровенно бандитов...

– Эй, а это что? – раздался крик одного из гвардейцев от грузовика Мириам. – Кто это тут лежит?

– Это монах, – сказала Мириам. – Спит он.

– Монах спит? – переспросил толстяк. – Занятно... Ты путешествуешь с девчонкой, значит, с детишками, да еще и с монахом? А эти, что за вами, тоже с тобой?

– Пристали по дороге.

– Зарабатываешь помаленьку?

– Как могу.

– Оно и понятно.

Кейн вылез из грузовика, и по обыкновению широко улыбаясь, говорил что-то обнаружившему его гвардейцу. Тот только ошарашенно кивал головой. Мириам отпустила руку Тани и присела на теплую броню, поближе к Би.

– Да, и правда монах, морда разрисована. Видели мы уже таких. Прогонять не велели, так что пусть дальше спит. Тебя как звать?

– Би.

– Пчелка что ли? Не очень ты на пчелку похожа.

– Нет, не пчела. Просто Би.

– Что это за имя такое?

– Какое есть.

– Ладно, не хочешь говорить – и не надо. Мы тут одно время пытались всех приезжих записывать, но как счет на тысячи пошел... – он махнул рукой. – Меня Клайв зовут. Сержант Клайв Торренс.

Он подмигнул Року, в упор рассматривающему игольник, лежащий на его необъятном животе.

– Очень приятно.

– Правда? Да ладно, шучу опять. Меня в городе и так хорошо знают, и не всем приятно, знаешь ли. Я тебя предупредить должен, чтобы неприятностей в городе не учиняла... Только вот не уверен, что это к месту.

– Неприятностей?

– Ну там драки не устраивала, таверны не громила и не бузила всячески, – сержант опять рассмеялся. – Говорю же, не очень это к месту.

– Приезжие громят?

– Всякое бывает, народу в городе раз в десять больше обычного, шерифа на всех не хватает. Барону так вообще под горячую руку лучше не попадаться – сами увидите, у ворот с десятка виселиц стоит. Висят, значит.

– За что?

– Да в основном за грабеж и убийства, сейчас с этим просто все.

– Я учту.

– Вот-вот. А то народу разного понаехало, осторожнее надо быть, особенно если вещей много, да детишки на горбу. Но у вас, как я гляну, ничего с собой особо и нет. Ты главное, как приедешь, сразу к барону явись – если повезет, он тебе с ходу наплечник выдаст, с ним тебя ни одна тварь не тронет.

– Спасибо за совет, – Би кивнула на грузовики. – Мы можем ехать?

– Езжайте, да только ведь в город вам сейчас не попасть.

– Как это?

– После семи ворота на вход закрывают, в связи с особым положением. Вы пока машины поставите да до ворот доберетесь – точно не пустят. А ночью здесь всякое может случиться, особенно если ночевать негде, крысятник там страшный. Так что вам бы до утра переждать где-нибудь, а там уже и ехать.

– Переждать?

– Да тут по долине и на холмах полно стоянок. Многие заняты, но много мест посвободнее. Народ, конечно, там тоже всякий встречается, так что по сторонам смотрите.

– Так и сделаем. Мириам, поехали...

– Вы только это... парням моим не говорите, где остановитесь. А то пойдут ночью в гости проситься, да и пострадают.

– И сами виноваты будут...

– Оно ясно, но... везет тебе, вот что я скажу. Такую девушку оторвать! Любому мужику завидно...

Мириам прыснула, а Би молча покачала головой.

– Мириам, идите в машину.

Гвардейцы возвращались от грузовиков, переговариваясь между собой, и от их взглядов по телу Мириам бежали мурашки. Стараясь не встречаться с ними глазами, она подтолкнула Таню в спину и пошла к своей машине, окруженная детьми. Би смотрела ей вслед, держа руку на игольнике.

– Да что ты в самом деле? – спросил сержант. – Не съедят же они ее, честное слово. Шутят просто...

– Я шуток не понимаю.

– Эй, тунейдцы, а ну по своим постам! Проверка закончена! – сержант выпрямился, поправляя ремень игольника. – Слышали, что я сказал, бегом!

Гвардейцы подчинились приказу мгновенно – видимо, кое-какая выучка у них все же была. Сержант обернулся к Би.

– Ты это... не нужно так. У нас не пустыня тут, и не все сплошь убийцы и насильники. Не нужно за глупости в людей стрелять.

– А разве я стреляю?

– Ты бы свои глаза видела бешеные. Ее б сейчас по заднице хлопнули, и ты б шмальнула, да? А потом что? Весь пост покрошила?

– За руками следить надо, – медленно сказала Би.

– Кто спорит. Только не так ведь, мы же не дикие.

– Ты всем приезжим лекции читаешь, сержант?

– Да нет, только девицам посимпатичнее, – Клив рассмеялся. – Ладно, езжай, а то правда меня пристрелишь, а потом жалеть будешь.

– Не пристрелю. Спасибо за новости, – Би запрыгнула в кабину. – Берегите себя, рейдеры рядом.

– Да уж бережем – дальше некуда. Скоро совсем все за стены спрячемся и выплядывать не будем.

– А все поместятся?

– Так в том-то и вопрос...

Их прервал грохот – над дорогой на небольшой высоте в сторону Хокса пронесся стреловидный силуэт. Звуковой удар был таким сильным, что железо сторожки еще некоторое время гудело ему в ответ.

– А вот и барон, – сказал сержант, – с облета вернулся. Сейчас опять кого повесят.

– У барона джет? – спросила Би.

– А ты не знала? Это ж Красный Ястреб, его так и прозвали, барона нашего. И есть отчего его бояться, я тебе скажу.

– Верю, – сказала Би. – Теперь верю.

II

Хокс не изменился.

Мириам запомнила его почти таким же – блеск металла, белые росчерки улиц, двух- и даже трехэтажные дома, теснящиеся на верхушках двух холмов, тонкие шпили ветряных вышек, увенчанные яркими красными пропеллерами, нагромождение разбегающихся вокруг светлых пятен площадей коробок и коробочек, которые даже невозможно сосчитать... Они смотрели на Хокс издалека, от самого въезда в долину, и видели только часть его, окруженную серыми бетонными стенами и аккуратными стоянками множества каров. Снаружи, за стенами города, дома стояли реже, а по долине расползались оросительные каналы и квадраты возделанных полей. Люди на улицах казались разноцветными точками, а на самом высоком шпиле – тонкой ажурной башне, возвышавшейся на правом холме, – билось красное знамя Хокса.

– Ух ты! – выдохнул Рок.

– Какой маленький, – неожиданно сказала Би, удивив Мириам, которой Хокс казался огромным, даже несмотря на воспоминания о покинутом древнем городе.

– Да, если только сравнивать с крепостями, – отозвался Кейн. – Но для самостоятельного города он довольно велик.

– Наверное. Тебе разве можно заходить в города, монах?

– Да, конечно, кто мог мне запретить? Добрый стражник, которого ты так напугала, сказал об этом прямо.

– Я его не пугала.

– А как по мне, он, хотя и старался скрыть это, испугался. Да так, что даже забыл нас ограбить.

– ?!!

– Привилегией постов, окружающих горы, являются поборы, которыми они обкладывают приезжих. Ты не знала?

– Нет.

– И он ни словом не упомянул о въездной пошлине?

– Нет.

Кейн рассмеялся.

– Путешествие в тени прайма имеет свои преимущества. Но советовал бы тебе задуматься – почему он так тебя боится? Ведь в пустыне о сущности праймов узнают немногие – и большинство из них просто не успевают никому об этом рассказать. А наш добрый стражник знал, кто ты и что ты можешь, очень хорошо знал.

– Ты тоже знаешь, и что из того?

– Я только скромный странствующий монах.

– Ага. Ты используешь стрим-ган третьего поколения с восемнадцатикратной электронной оптикой и голыми руками избиваешь двух мужчин с ружьями.

– Они всего лишь фермеры...

– Ты такой же обычный монах, как я – весенняя бабочка.

– Какая красивая аналогия. Но я монах, и, следовательно, ты – бабочка.

– С тобой невозможно разговаривать. Мириам!

– Что?

– Ты нас слушаешь?

– Да, хотя и не очень понимаю.

– Где здесь можно остановиться на ночь?

Мириам взглядела в стоянки под стенами города.

– Обычно машины оставляют за стенами, но если внутрь нас все равно не пустят, то этого, наверное, не нужно делать.

– Да, нам посоветовали остановиться в долине.

– Вон справа на холмах пустые выгоны. Мы можем остановиться там, если никто не будет против.

– А кто может быть против?

– Так ведь рядом ферма.

– Тогда мы расположимся подальше от нее, на песке.

– Да, там все равно не растет трава.

Они свернули с основной дороги и двинулись вдоль ирригационного канала – одного из многих, разрезавших окрестные холмы тонкими блестящими полосами. В канале стояла мутная зеленоватая вода, и в окна проникал ее запах – незнакомый Мириам, сырой и неприятный.

Грузовики Эймоса и Бена увязались за ними. Их присутствие раздражало Мириам, но что с этим делать, она не знала.

– Может, избавиться от них? – Би словно подслушала ее мысли.

– Как?

– Прогнать.

– Я не знаю, они, по-моему, просто боятся. Если их прогнать...

– Не нужно, – сказал Кейн. – Это обычные люди, они будут вести себя тихо, и ничем нам не помешают.

– Думаешь?

– Я это гарантирую.

Вдоль канала тянулись яблоневые сады. Сухие ветви нависали над дорогой, задевая кабину, их ровные ряды уходили вверх и вниз по склонам холмов, прочерченные узкими дорожками и тропинками. Мириам знала, что с приходом осени все изменится – яблони снова зазеленеют и зацветут, и к зиме здесь опять будет пахнуть яблоками, а не стоялой водой. Рок высунулся в окно почти по пояс, и Таня ухватила его за куртку, чтобы не выпал.

Они миновали несколько ферм. На небольших выгонах, покрытых желтой травой, паслись коровы, собаки лаем провожали кавалькаду грузовиков. Над трубами домиков из серого кирпича поднимался дым, а хозяева, работавшие в поле, рассматривали незваных гостей.

– Эти никуда не ушли, – сказала Би.

– И не уйдут, – ответила Мириам. – Это их дом. Посмотри, как тут хорошо.

– Им его не защитить.

– Они все равно останутся.

Би не ответила. Они миновали фермы и приблизились к участку, который заметили издали. Он представлял собой длинный песчаный язык, треугольник пустыни, вторгающийся на холм, аккуратно засаженный яблонями. К нему вела узкая объездная дорога, ведущая через металлический мостик, переброшенный над каналом. Кар Би проехал по нему первым, мостик заскрипел, но выдержал. Мириам заехала на него осторожно, но ее грузовик, даже вместе с трейлером, был легче, и прошел без проблем.

Они остановились у трех невысоких черных скал, торчащих, как зубы великана, в сторону Хокса. Би, как обычно, вылезла первой и огляделась.

– Тут чисто, – она проследила взглядом за грузовиками Эймоса и Бена, которые не решились подъехать к ним близко и остановились поодаль, за скалами. – Разве что вот они...

– Я не боюсь их, – сказала Мириам, закрепила переговорник на шлейке майки и выпрыгнула из кабины. – Кейн прав: они просто бедные фермеры.

Би оглянулась.

– Как знаете, мне они не нравятся.

– Мне тоже, – Кейн выбрался из трейлера одновременно с Мириам и теперь потягивался, разминая затекшие плечи. – Они несчастные, глупые, неспособные себя защитить... Как они вообще могут нравиться?

Би выключила переговорник и отвернулась. Мириам помогла Тони спрыгнуть с подножки и толкнула дверь машины. С другой стороны кабины хлопнула дверцей Таня.

– Красиво, правда? – спросил Кейн и уселся возле трейлера прямо на песок. Мириам молча кивнула.

Песчаный склон, на котором они остановились, растекался среди черных яблонь, убегающих вниз по холму ровными рядами. Здания из красного и желтого кирпича тут и там поднимались между деревьев, увенчанные вращающимися лопастями ветряных генераторов. Среди садов кое-где просвечивала зеленая вода, каналы разбегались по холмам во всех направлениях, деля долину перед ними на неровные прямоугольники. Хокс, над которым застыло послеполуденное солнце, лежал на холмах озером жидкого серебра, искрясь и сверкая металлом крыш и ветряных генераторов. Тонкие струйки дыма поднимались над ним, чтобы мгновенно растаять в волнах летнего жара и стать частью серебристой облачной шапки, висящей над центром долины.

Ближайшая ферма располагалась метрах в трехстах ниже по склону, и Мириам могла рассмотреть фигурки людей, стоящих на плоской крыше.

– Они на нас смотрят?

– Да, – подтвердила Би. – Может, они хозяева этого места?

– Нужно с ними поздороваться, – предложил Кейн.

– Если они не против.

– Я схожу, – Кейн поднялся, отряхивая песок. – У меня получается ладить с людьми.

– А мы пока разведем костер, – кивнула Мириам. – Сегодня Танина очередь готовить ужин.

– Правда?

– Ну да, в прошлый раз готовила я.

Огонь развели под самой большой из трех скал. Солнце медленно опускалось слева от Хокса, то и дело скрываясь за облаками. В качестве дров использовали ветки старой сухой яблони, которую молча притащила Би откуда-то с самого края песчаного языка. Мириам оставалось только надеяться, что та не вырвала ее с корнем, дерево было сухим и таким толстым, что его не смогли бы поднять, наверное, и четверо мужчин. Обрубив ветви, Би оставила ствол рядом с костром, чем тут же воспользовался Рок, принявшийся бегать по нему и прыгать в песок.

Тане, как выяснилось, почти не требовались инструкции Мириам – варить кашу она умела сама. Они вместе порезали сухое мясо на металлической пластине и стали ждать, когда костер немного прогорит и можно будет повесить котелок. Би сидела неподалеку, на крыле своей машины, глядя в долину.

Кейн вернулся, когда каша уже вовсю бурлила, и поставил на древесный ствол маленькую плетенку с яблоками. Пахло от них так, что рот Мириам непроизвольно наполнился слюной – в последний раз она слышала этот запах больше года назад.

– Это подарок, – Кейн протянул яблоко Мириам, та сжала его в ладонях и передала Тане. – Хозяева не против, что мы постоим на бесплодной земле.

Он бросил яблоко Року, тот поймал его и жадно вцепился зубами. Мириам взяла еще одно яблоко, и тоже отдала Тане.

– Разрежь его, иначе Тони будет трудно его разгрызть.

– А она ест яблоки? – Кейн кивнул в сторону Би, все так же сидящей на машине.

– Наверное, там же витамины. Давай я отнесу ей парочку.

Монах пошел за ней следом.

– Будешь яблоко? – спросила Мириам у Би, усаживаясь рядом с ней на машину.

– Да, – Би обернулась к монаху. – Откуда это?

– Подарок.

– И чем мы его заслужили?

– Здешние фермеры – очень добрые люди. Я рассказал им историю о том, как две храбрые женщины спасли детей от бандитов, а потом спросил разрешения остаться тут на ночь.

– Ты красиво говоришь, да?

– Если это необходимо.

– Ты спасал их точно так же, как и мы. Ты даже приехал раньше.

– Нет, я... – монах шагнул вперед, глядя на Хокс, оказавшись к ним спиной. – Я никого не спас. Я только убивал. Моя вина в том, что рейдеры расстреляли этих людей – я начал первым, и они просто не поняли...

– Что?

– Они выстроили их у машин. Я начал стрелять первым, а они решили, что это кто-то из миссии.

– А у тебя был выбор?

– Нет. Угол и дистанция были оптимальными, и ветер... я мог бы дожидаться тебя, но не знал точно, кто ты, и что сможешь сделать. И не знал, сколько у меня времени.

– Тогда ты не виноват, – Би склонила голову, – Сделал, что мог.

– Я знаю. Но тем не менее чувствую вину. Это как если бы я был путником, случайно стронувшим с места камень в горах... Камень, ставший причиной лавины. Виновен ли я в том, что лавина уничтожила город? Я знаю, что нет, но чувствую, что да.

– Впервые за все время я поняла тебя, монах, – сказала Би, и откусила кусок яблока. Только тогда Мириам поняла, что свое она до сих пор держит в руках.

– Это потому, – ответил Кейн, – что мы, видимо, наступаем на одни и те же камни.

Этот вечер был странным, не похожим на вечера в пустыне. Ветер из долины нес запахи человеческого жилья и дыма, коровьего навоза и мяса, поджариваемого на углях. Солнце наполовину спряталось за облачную шапку над Хоксом, и она сияла, как длинная огненная полоса, превращая стекла и гребни крыш под ней в кучу блесков.

Еще до того как сварилась каша, Кейн взял корзинку с оставшимися яблоками и отнес фермерам, остановившимся за скалами. Вернувшись, он молча уселся спиной к стволу яблони, разложил на плаще перед собой свою винтовку и принялся ее разбирать. Тони неожиданно уселся с ним рядом, и стал сосредоточенно наблюдать за его движениями.

– А тебе можно есть мясо? – спросила Таня у Кейна, помешивая кашу длинной ложкой.

– Да, – ответил тот, не поднимая головы.

– А почему?

– Потому что никто не смог мне запретить.

– Но ты же монах?

– Я монах, который ест мясо.

– И ходит с ружьем?

– Да, с ружьем и в шляпе.

Таня засмеялась.

– Я думала, монахи серьезные.

– Грустно быть серьезным.

– А во что ты веришь?

Кейн с сухим щелчком отсоединил прицел от винтовки.

– Ни во что.

– Как это? – удивилась Таня. – Разве монах не должен быть верующим?

– Монах – это человек, который отказался от обычной человеческой жизни ради своей цели. Вера тут ни при чем.

– Так в Бога ты не веришь?

– Нет, не верю.

Таня замолчала, помешивая кашу. Кейн отсоединил ствольную коробку и протирал ее промасленной тряпкой.

– Мне всегда говорили, что вера необходима, – не выдержала наконец Таня, – что без нее людям трудно найти дорогу, и понять, что правильно, а что нет.

– Костер может согреть тебя ночью, но что толку жечь его на жаре? – Кейн отодвинул ствол и изучающее смотрел на него. – Я уже нашел свою дорогу, и мне не нужно снова ее искать.

– И что это за дорога?

– Это дорога яблони, сгорающей на костре, – Кейн дотронулся пальцем до татуировки на щеке. – Дорога ветвей, листьев и цветов...

– Дорога дерева? – резко спросила Би, подходя. – Ты уверен, что это не слишком сложно для ребенка?

– Дерево – это лишь символ, – мягко ответил Кейн. – и если она спрашивает – значит, ей это важно.

– Видимо, вы родственные души. Дай мне твой прицел.

– Зачем?

– Посмотреть на Хокс.

– Его нужно рекалибровать. Держи, – Кейн передал Би коробку прицела. В ее руках тот тихо зажужжал, окуляры раздвинулись, и Би, присев на ствол яблони, направила его в долину. Мириам под села к ней поближе.

– Что там видно?

– Город, стену, – Би медленно двигала прицел, – людей, много людей. Виселицу.

– Я тоже хочу! – закричал Рок, подбежав.

– Не нужно, – сказала Би, прицел в ее руках шарил по долине. – Это любопытно...

– Что? – спросила Мириам, которой тоже отчаянно хотелось посмотреть.

– Укрепления. В долине не так много башен. После того как мы проехали этот смехотворный пост, мне стало интересно: как они вообще собираются отражать набег?

– На долину редко нападают, – Кейн отложил ствол винтовки и занялся спусковым механизмом. – Это просто глупо. У барона джет, от него не убежать и не скрыться. А при большом набеге...

– Долину просто оставят, – закончила за него Би. – Я вижу всего четыре или пять укрепленных точек – видимо, это базы патрулей – и больше ничего. Холмы толком не охраняются, сюда может заехать кто угодно.

– Может, но город им так просто не взять.

– Да, – прицел снова зажужжал. – Бетонная стена, метров десять, и башни, одна, две... шесть штук.

– И огневые точки на башнях в пределах города, – сказал Кейн и осторожно отобрал у Тони винтовочный картридж, который тот пытался грызть. – Это достаточно серьезно, учитывая, что нормальных подходов к городу нет, местность пересеченная, и на каре, даже боевом, тут особо не разгонишься...

– Да, – сказала Би. – Я знала, что монахи разбираются в военном деле, но не думала, что так хорошо...

– Спасибо.

Би резко встала, протянула прицел Мириам и искоса взглянула на скалу, нависающую над их лагерем.

– Не за что. Интересно, где тебя этому учили?

– Далеко отсюда.

– Собери винтовку.

– Я еще не закончил.

– Просто собери.

Кейн пожал плечами и улыбнулся. Ствольная коробка в его руках повернулась, казалось, сама собой. Мириам не успела проследить за его плавными уверенными движениями: одна деталь легла на другую, еще одна – и Кейн положил винтовку перед собой.

– Прицел тоже?

– Нет, – Би подняла руки, потягиваясь. – Там у вас, где бы это ни было, преподавали рукопашный бой?

– Да, – Кейн улыбнулся еще шире, – и холодное оружие.

– Покажи.

– Хочешь, чтобы я с тобой боролся?

– Да.

– Это глупо. Ты в экзоскелете – с тем же успехом ты можешь просто задавить меня каром.

– Я его отключу.

– Интересно, – Кейн встал, отряхнул песок, распустил завязки плаща и аккуратно положил его на ствол дерева, оставшись в серых брюках военного покроя и тонком черном бронежилете. – Я слышал, постоянные пользователи экзо теряют в скорости и выносливости?

– Правда, если этого не компенсировать специальными тренировками.

– И к тому же он весит не меньше семи килограммов...

– Это усиленная модель, девять с половиной, – Би снова потянулась. Кейн расстегнул пряжки на плечах и снял бронежилет, под которым обнаружилась черная безрукавка. Вместе с бронежилетом на дерево лег толстый вороненый стержень около метра длиной, похожий на винтовочный ствол.

– Дубинка? – спросила Би.

– Нет, флейта.

– На магнитах?

– Да, – Кейн обошел дерево и встал перед Би. Мириам смотрела на них, широко открыв глаза, не зная, что и думать.

– Вы что, собираетесь драться?

– Нет, просто размяться перед ужином, – ответила Би.

– Ух ты! – Рок вскочил на дерево рядом с Мириам.

– Правила? – спросил Кейн.

– Вполсилы. Скоро ужин, нужно до него дожить.

– Ограничения?

– Никаких, – Би слегка присела и пригнулась, Кейн отступил на шаг и поднял руки перед собой. – Начали!

Мгновение они стояли неподвижно. Би присела еще ниже, ее руки тоже поднялись, как если бы она держала перед собой что-то большое, Кейн отреагировал на ее движение, отставив правую ногу чуть дальше назад.

Би прыгнула.

Кейн встретил ее ударом по рукам, мелькнувшим на уровне его глаз, извернулся и ушел в сторону, упав на колено. Би скользнула по песку и опять замерла, пригнувшись. Кейн следил за ней, все так же стоя на колене.

Би медленно пошла вокруг него. Он повернулся и встал – и она снова прыгнула, как только его колено оторвалось от земли. Песок взлетел фонтаном, когда она ударила его по ногам в падении, но Кейн отскочил и пнул ее по бедру, сверху вниз. Она откатилась, сделав кувырок назад, и ее догнал второй удар ногой, пришедшийся в плечо. Движения Кейна были быстрыми и четкими – она отскочила назад, и третий удар, прямой, попал ей в живот.

Мириам непроизвольно вскрикнула.

Би согнулась, захватив ударившую ее ногу, и кувыркнулась в сторону, падая в песок вместе с Кейном. Они сцепились. Кейн подтянул ноги к себе, группируясь, Би развернулась, пытаясь подмять его под себя, но он оттолкнул ее, ударив в бедро.

На несколько мгновений они замерли, присев друг напротив друга. Би выбросила руку в голову монаху, но тот качнулся в сторону, ударил ее ногой под колено, заставив сесть еще ниже, и нырнул под следующий удар. Его плечо врезалось Би в живот, она упала назад, обхватив его голову и левую руку, не давая подняться.

Мириам показалось, что она что-то шепчет монаху, очень быстро.

Они покатались, разбрасывая песок, волной упали черные волосы – Би вывернулась из-под Кейна и ударила его по лицу. Он прикрыл голову плечом, оттолкнулся от земли руками и вскочил, встретив локтем удар ее ноги.

Они закружились по неглубокой яме, в которую уже превратилось место их поединка. Растрепавшиеся волосы наполовину закрыли лицо Би.

Она снова кинулась на монаха, на этот раз ударив в голову, но Кейн пригнулся, захватил ворот ее костюма, и упал назад, бросая ее через себя.

Би пролетела несколько метров к краю скалы и ушла в кувырок, а монах вскочил и кинулся обратно к дереву.

Дальнейшее заняло не более двух секунд – Би развернулась на месте, словно обхватывая нечто невидимое, и тяжело швыряя его в сторону костра, а монах схватил винтовку и одним прыжком перемахнул обратно через древесный ствол.

Мириам уронила прицел.

Невидимое нечто, брошенное Би, вспахало песок и остановилось неподалеку, мерцая, как горизонт пустыни в полдень. Кейн встал рядом, целясь в него. Нечто шевельнулось, и по нему словно прокатилась волна, делая его непроницаемо черным.

Из мерцания проступила фигура человека, сидящего на корточках, – в доспехах, похожих на доспехи Би, но покрытых множеством маленьких чешуек. Несимметричные линзы на маске налились темнотой, в них отразился огонь заката.

– А вы забавные, – сказал незнакомец низким механическим голосом, – разыграли целый спектакль.

– Кто ты такой? – спросила Би.

– Я никто, – ответил неизвестный, – и меня нет здесь.

– Это тоже звучит забавно.

– Согласен, – он повернулся, глядя на Би, – но у вас и без меня достаточно врагов, даже тех, о которых вы еще не знаете...

– Ты говоришь загадками...

– Не я здесь самая большая загадка, – он наклонил голову. – Меня же просто нет... прощайте.

Би прыгнула к нему с расстояния не менее пяти метров – и исчезла в белом пламени. Вспышка была невыносимо яркой, Мириам никогда в жизни не приходилось видеть что-либо подобное – будто маленькое бесшумное солнце мгновенно взошло там, где стоял неизвестный.

И сразу стало темно.

– Дьявол, – выкрикнула Би, – Кейн, стреляй!

- Зачем? – спокойно спросил Кейн. Где-то в темноте заплакал Тони.
- Мириам! – Голос Тани сорвался. – Мириам!
- Всем стоять на месте, это сейчас пройдет, – сказала Би. – Это временная слепота. Мириам присела на дерево, лежащее за ней, и протянула руку назад, к Тане.
- Я здесь, иди сюда, только осторожно.
- Световая граната? – спокойный голос Кейна раздавался совсем рядом.
- Нет, флеш-модуль. Чертов инфильтратор!
- Мириам поймала запястье Тани и потянула ее к себе.
- Садись... ой, что это?
- Котелок. Я боялась, что каша сгорит.
- Поставь его на песок, ничего с ним не случится. Тони, не плачь, иди к нам!
- Я нашел его, – сказал Рок откуда-то слева.
- Хорошо, – в темноте перед глазами Мириамплыли цветные пятна, в которых уже можно было различить окружающий мир. Слепота проходила.
- Инфиль? Знакомый тип? – спросил Кейн.
- Нет, – помедлив, ответила Би, – я такого еще не видела. А ты? В Детройте таких нет? Кейн рассмеялся.
- Ты догадалась. Рукопашный бой?
- Да. Китайское уни-кэмпо преподают только в спецкорпусах Детройта и Чикаго. В Атлантае и Далласе дают АРБ, он другой.
- Но ты не из Детройта, и твое уни отличается от моего. И Корпус-прайм в Чикаго использует усиленные экзо...
- Почему ты не выстрелил?
- Потому что его уже не было рядом. Он очень быстрый, этот тип. Как ты вообще его заметила?
- Случайно. Увидела игру света над песком.
- Твое уни оставляет желать лучшего...
- Я прайм, а не пехотинец, – темнота почти совсем рассеялась, и стало видно, что Би сидит на пес, напротив Кейна. – Ты был прав, мне проще переехать тебя каром.
- Кейн улыбнулся, поднял прицел своей винтовки, оброненный Мириам, и стряхнул с него песок.
- Он совсем убежал? – спросила Мириам. – Может, мы поужинаем?

III

- А кто был этот человек в черном? – спросила Таня, съев несколько ложек. Все остальные ели не отрываясь, особенно Мириам, у которой ни крошки во рту не было с самого утра. Кейн некоторое время смотрел, как она дует на кашу и выскребает миску, а потом отдал ей свою порцию мяса. Би, присевшая на ствол яблони, ела медленно и аккуратно. Она и ответила на вопрос Тани:
- Это был шпион.
- Он был похож на тебя. Это шпион Короля?
- Возможно, он из крепости.
- Из какой?
- Я не знаю, я таких не встречала раньше.
- А он шпионил за нами?
- Нет, не думаю, что мы ему интересны.
- Но он сам сказал!

– Не думаю, что стоит ему верить, – Би отбросила волосы с лица и снова принялась за еду.

– Твоя заколка, – сказала Мириам.

– Что?

– Она выпала, когда вы дрались?

Би поставила миску с кашей рядом с собой и провела рукой по волосам. Потом оглянулась.

– Видимо, да, – она перепрыгнула древесный ствол и пошла к тому месту, где они боролись с Кейном. Песок там был перепахан, образовалась неглубокая яма. Мириам поставила пустую миску на землю.

– Я тебе помогу.

Би присела, растерянно глядя на песок, и Мириам показалось, что она сейчас расплачется.

– Главное не затоптать ее еще глубже, – Мириам присела рядом с ней, – нужно перебирать песок, начиная с этого места и по кругу. Я тоже часто теряла мелкие вещи... Она же очень дорога для тебя, да?

Би кивнула.

– Я тоже вам помогу! – крикнула Таня.

– И я! – крикнул Рок вслед за ней.

Они копались в песке минут десять, Рок пыхтел от усердия, а Таня пересыпала песок молча. Мириам краем глаза следила за Би – та медленно водила руками по песку, видимо, не надеясь ничего найти, а потом и вовсе села неподвижно, обхватив руками колени, и сидела так, пока Таня не вскрикнула.

– Какая красивая, – сказала Таня, стряхивая с заколки песчинки. – Тебе ее подарили?

– Да, – ответила Би, ее голос дрогнул.

– Я бы тоже хотела, чтобы мне подарили такую.

– Когда-нибудь подарят.

– Нет, – Таня вздохнула и встала. – Я не Меч Короля, и мне такую не подарят. Никогда.

Она протянула заколку Би, все еще сидящей на песке. Та взяла ее как-то растерянно, словно не зная, что ответить.

– Это неправда, – сказала она тихо, уже в спину Тане, и та обернулась, – для этого не нужно быть Мечом...

– Теперь умыться и спать, – скомандовала Мириам, – и повытряхивайте песок из одежды, а то заснуть не сможете.

Она подошла к Би.

– Давай я помогу тебе с волосами?

– Не нужно, я могу поспать и так, – Би поднялась, и отбросила волосы за спину. – Нужно отдыхать, день был тяжелым. Спасибо за заколку.

– Ты опять будешь спать в машине?

– Да.

– В городе, наверное, будет где остановиться... там будут кровати.

– Завтра и увидим.

– Ты никогда не была в Хоксе?

– Нет. Я не была в таких маленьких городах.

– Разве он маленький?

– Не важно, – Би пошла к машине, потом обернулась – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Мириам наклонила канистру, и тонкая струйка теплой воды упала в песок.

– Быстрее, – сказала она, – воды много, но не нужно ее терять.

Дети умывались быстро, видимо, привыкнув экономить воду. Таня умыла Тони, который снес эту процедуру со стоическим спокойствием, а Рок подставил под канистру голову, намочил волосы и обрызгал всех окружающих.

Спать они легли, как обычно, у костра, только Таня сразу перебралась на одеяло Мириам. Было еще светло, невидимое солнце, садящееся за холмами слева, окрашивало алым облака над долиной. Кейн расстелил одеяло отдельно от всех, под скалой, и теперь сидел там, скрестив ноги и положив винтовку на колени.

Убедившись, что дети легли, Мириам подошла к нему.

– Ты снова спишь сидя? – спросила она.

– Нет, – ответил монах, повернув голову, – это называется созерцанием.

– Созерцанием?

– Ну да. Я смотрю на облака.

– Зачем?

– Чтобы смотреть на них, зачем же еще?

Мириам пожала плечами.

– Ты нарочно отвечаешь так, что больше ни о чем спрашивать не хочется?

– Нет. Ответ зависит от вопроса.

– Я неправильно спрашиваю?

– Да.

Мириам присела с ним рядом.

– Тогда что такое созерцание?

Кейн улыбнулся.

– Очень просто. Я – дезертир и убийца. Но когда я смотрю на эти облака, на этот город – есть только они. Нет дезертира и убийцы Кейна. А они – такие красивые...

Некоторое время Мириам тоже смотрела на облака.

– Кажется, я поняла. Сегодня столько всего случилось, даже не верится, что прошел всего один день. Если я представлю себе все, что произошло, моя голова просто взорвется. Наверное, хорошо уметь просто смотреть на облака, как ты.

– Ты поняла.

– Можно твой прицел?

– Опять?

– Я тогда не успела посмотреть. Пожалуйста!

– Возьми, – Кейн отсоединил прицел и протянул ей. – Он включается здесь, а вот этот шарик – увеличивает.

– Спасибо, – Мириам подняла прицел к глазам и тот зажужжал, раздвигаясь по ширине ее глаз.

Сначала она не поняла, что видит – в зеленоватой прицельной сетке двигалось нечто серое, большое. Потом проступили детали, шершавая поверхность бетона и металлические перекрытия башен. Она смотрела на стену Хокса так, будто до нее было не более двадцати шагов. На башне стоял стражник в черном, с алым наплечником, а рядом с ним на треноге возвышалось многоствольное оружие, направленное вниз, на дорогу к воротам.

У ворот толпились люди. Казалось, до них можно дотронуться рукой, в прицельной сетке мелькали цифры, которых Мириам не понимала, и зеленые рамки выделяли силуэты некоторых. Ворота закрылись только наполовину, и в проходе стояли гвардейцы – их черные бронежилеты ярко выделялись на фоне серой, желтоватой и коричневой одежды всех остальных. Мириам дотронулась пальцем до шарика на правой грани прицела, и сцена вне-

запно прыгнула вперед, так что стали видны даже капельки пота на лицах стражников. Люди, стоящие перед ними, в чем-то их убеждали, но, видимо, безрезультатно.

Мириам повела прицелом вдоль стены, что-то закрыло обзор, раскачиваясь, и она снова навела фокус, на этот раз отдаляясь. Мертвый человек в обрывках лохмотьев висел на металлической виселице, и по его синему затылку ползали огромные мухи. Рядом вдоль стены стояли еще виселицы, одна за другой... Мириам не стала их считать, а просто зажмурилась и перевела прицел дальше наугад.

Теперь она смотрела прямо в центр Хокса, на вершину правого холма. Площадь освещалась ярким светом, льющим из окон и дверей выходящих на нее зданий, двух- и трех-этажных. Светились даже вывески, под которыми на выступающих каменных верандах за столиками сидели люди. Посреди площади возвышалась освещенная металлическая сцена, круглая и пустая. Мириам даже прочитала одну из вывесок, она была смешной и бессмысленной – «Сладкая Белка». Люди ходили по площади, останавливались, на верандах танцевали ярко одетые женщины, и, видимо, играла музыка.

Мириам опустила прицел, потом протянула его Кейну.

– Не похоже, что они боятся, – сказала она.

– Да, – ответил монах, – но они еще испугаются.

– Ты не слишком сильно ударил Би?

– Когда? А-а, нет, я думаю, нет.

– Ты будешь спать прямо здесь?

– Да.

– Тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Би села в машине неподвижно, с закрытыми глазами, и Мириам не стала ее беспокоить. Дети, уставшие за день, тоже никак не отреагировали на ее возвращение – только Таня молча подвинулась к краю одеяла, освобождая ей место. Было тепло, и укрываться не хотелось, поэтому Мириам свернула одеяло валиком в ногах и легла рядом с Таней, глядя в небо. Сон не шел, перед глазами мелькали картины Хокса – того, каким он был сейчас, и того, каким он запомнился ей в прошлом – веселого, яркого, полного жизни и красок. Тогда виселиц у ворот не было, и люди могли входить и выходить из города когда угодно.

Мириам вздохнула. Все происходило так быстро... Сегодня она опять стреляла в человека, ее чуть не застрелили саму, а потом чуть не ограбили. То, что случилось вечером, вообще, похоже, ей почудилось – этот полупрозрачный воин, который ослепил всех и сбежал, но прежде очень вежливо попрощался.

За мыслью о воине последовала мысль об Атланте. Она стала представлять себе ее улицы, но почему-то вместо них всплывали совсем другие картины, воспоминания о пришедшемся ей древнем городе, огромном и совершенно пустом. По нему ходили люди в яркой одежде, и играла музыка, и среди этих людей была Би – не в черном экзоскелете, а в ярком платье и с высокой прической. Мириам подошла к ней, но та смотрела сквозь нее и не узнавала – в отличие от всех окружающих ее людей, она не смеялась и даже не улыбалась, а просто смотрела, и лицо ее, чистое, без ссадин от воздушных трубок, было молодым и очень печальным.

Сон упал на Мириам, смешивая людей и краски, и потом была темнота.

Ей снилось, что она летит над долиной. Летит не как птица, а гораздо быстрее, так что ветер свистит в ушах, и маленькие домики на холмах мгновенно оказываются близко, а потом снова отдаляются. Под ней пронеслись яблони и каналы, она сделала несколько кругов над Хоксом, а потом взмыла вверх, к солнцу – чтобы увидеть, как из пустыни, издалека, идет к долине нечто огромное, черное – живая башня, сотканная из дымных столбов.

IV

Мириам закашлялась и проснулась. Светало, холодный ветерок забирался под одеяло и покусывал пальцы ног, а спина Тани, лежащей рядом, наоборот, казалась горячей. Кто-то укрыл их обоих, пока они спали.

Долина перед ними медленно выступала из темноты. Солнце, встающее справа, из-за скал, окрашивало верхушки серых облаков, и на дальней стороне долины, на полях и в садах, блестела роса. Миллионы розовых огоньков загорались на склонах – узкой полосой, которая медленно и почти незаметно глазу расширялась и ползла вниз в то время, как вершины холмов уже прекращали сверкать.

Мириам приподнялась, укрыла Таню лучше и встала.

Ниже по склону, у камней, освещенных нежными утренними лучами, размахивал дубинкой монах. Возможно, танцевал – прыгал, приседал, поворачивался, а металлическая дубинка, которую он назвал флейтой, иногда свистела. Мириам подошла ближе и некоторое время просто смотрела – на него и на просыпающуюся долину.

– Третий комплекс, уни-кэмпо, – хрипло сказала незаметно подошедшая Би, и закашлялась. Монах остановился.

– Да, – сказал он, его дыхание даже не сбилось. – Интересно, что ты его узнала...

– ...ведь ты делаешь его задом наперед, – закончила за него Би.

– Это помогает лучше понять движения.

– Я знаю. Давай еще раз, только сначала, – она выбросила в сторону руку с навахой, и та раскрылась со щелчком.

– Давай.

Би подошла к монаху, и встала в десяти шагах от него. Несколько секунд они стояли, опустив оружие и глядя на долину.

– Начали, – сказала Би.

Дубинка и наваха взлетели одновременно, и Мириам улыбнулась. Би и монах танцевали, будто два зеркала, повторяя друг друга, их ноги ступали в такт, их оружие двигалось в одном ритме. Движения Би были немного неуверенными, словно она еще не до конца проснулась, а монах двигался небрежно, как человек, идущий по привычной дороге.

Холмы в дальней части долины горели красным, и вместе с ними пламенел алый флаг на самой высокой башне Хокса. Случайный проблеск в стороне привлек взгляд Мириам – на въезде в долину, где стояла пропустившая их застава. Она прищурилась, пытаясь разглядеть источник света, но расстояние было слишком большим. Она видела только дорогу, выбегающую из-за холмов, и маленькую точку – идущего по ней человека.

Мириам несколько раз моргнула – и вдруг увидела его лицо, как если бы он стоял в двадцати шагах... странное, частично скрытое металлическими пластинками, как чешуей. Он тоже смотрел на нее, его длинные белые волосы слегка шевелились на ветру...

Видение пропало мгновенно, и Мириам встряхнула головой. Дальняя дорога оставалась пустой, монах и Би все еще танцевали свой танец.

«Я еще сплю, – сказала себе Мириам. – Нужно умыться, а то и не такое покажется».

Она повернулась и пошла будить детей... Начиналось их первое утро в Хоксе.

Интермедия VIV.

Земля висела перед ним словно чаша, наполненная облаками.

Она не помещалась в границы экрана, и осколки ее многократно повторялись на других экранах, разбросанных по окружающей его сфере. Увеличенные и уменьшенные, они все показывали одно и то же лицо – лицо планеты, видимое с геостационарной орбиты. Ночь,

день, и снова ночь. Огни,двигающиеся по пустыне, и яркие пятна немногочисленных крепостей. Источники теплового излучения и радиостанции, сверкающие в молчании, окутавшем планету. Термоядерные реакторы, горящие алыми огнями на фоне красных радиоактивных штормов. Белые линии джетов, серые линии каров. Пастельные точки людей. И цифры, бесконечные колонки и ряды цифр, возникающие и исчезающие, вездесущие... Пиктограммы вычислителя и ряды функций – стройные, прозрачные.

Безошибочные.

Десятки тонких металлических щупалец, выходящих из его спины, пришли в движение, перемещая его в невесомости. Сфера обернулась вокруг него, и в поле зрения всплыл экран, в котором уже третью минуту мелькал алый сигнал вызова с высшим приоритетом.

Подобное средство связи было анахронизмом для человека, ежесекундно пропускающего терабайты информации через свою нервную систему – но тот, чье лицо через мгновение должно было появиться на экране, такими способностями никогда не обладал. Прежде чем информационный щуп активировал экран, в бездонной электронной памяти всплыл массив информации, айсберг из цифр и фактов, выброшенный случайной мыслью. Безупречный послужной список, военные операции на орбите, десанты, назначения, звания, награды, фотографии в тяжелой керамической броне...

Глава Военно-Космических Сил Атланты-А генерал Паоло Чикони смотрел с экрана, и глаза его слезились.

– Что ты себе позволяешь?! – голос генерала оставался громким, несмотря на недавнюю восстановительную операцию после перенесенного рака горла. – Третий красный маркер за неделю! И куча мусора вместо оснований! Зачем, повторяю, зачем мы взяли тебя заниматься этой работой?! Чтобы ты зря тратил мое время, выискивая несуществующие угрозы? Чтобы ты анализировал побасенки и сказки? Нет, мы привлекли тебя в качестве стратегического аналитика, а не, мать твою, гребаного предсказателя хрени!

– Пабло, – тихо произнес человек, висящий в центре сферы, и генерал, ненавидевший, когда его так называли, поперхнулся. – Спасибо, что напомнили мне, кто я.

– Ты завтра же отправишься обратно! – выдохнул генерал.

– Поверьте, я буду просто счастлив, вернувшись к звездам. Вы не представляете, как сложно мне было перейти от астрофизики к социологии. Но вы сказали, что это важно, и я поверил.

– Ты...

– Вы сказали, что именно здесь передний край обороны. Красная черта, за которой может закончиться человечество. Я поверил. И знаете... вы были правы.

Щупальца оттолкнулись от стен и предсказатель переместился ближе к экрану. Генерал молчал, свирепо глядя на него.

– Моя работа включает две основные методики. Первая – это сбор и анализ фактов. Вторая – это предсказание возможного будущего с использованием тех же самых фактов. Они дополняют друг друга.

– Не трать мое время, я отлично знаю, кто ты!

– Хорошо, генерал. Напомню, что вы еще ни разу не привлекали предсказателей для анализа ситуации, сложившейся внизу. Вы работали с обитателями пустынь, кормили конфетами и грозили оружием – но ни разу не попытались понять, что же там происходит. А я попытался, и пришел к определенным выводам.

– Быстрее.

– Вы привлекли меня для осуществления тактической поддержки евгенической программы. Предоставили доступ ко всем базам данных, включая базу генного банка «Эври дики». Вы дали мне возможность смотреть вниз – смотреть так, как никогда до этого не удавалось ни одному предсказателю. Вы верите в чудеса, генерал?

– Нет.

– И я нет. Но я верю в факты, а они не сходятся.

– Я уже читал эту заушную чушь в твоих отчетах...

– И я повторю еще раз – они противоречат логике. То, что мы видим на поверхности, не может происходить. Эволюционные мутации не вызываются радиацией, генерал. Люди не могут жить при таком радиационном фоне, даже деградировав до уровня животных. А как вам радиационный загар, изменение пигментации кожи под воздействием излучения? Это же чушь, этого не может быть – но они живут и здравствуют, и не только люди: домашние животные, собаки, кошки, крысы, наконец... Все они не имеют права на жизнь, если вы не верите в чудеса.

– Мне нет дела до крыс, Предсказатель.

– Но таковы факты. И мои выводы логичны – если это не может произойти само, то является результатом чьей-то деятельности. Мы имеем дело с направленными эволюционными мутациями на поверхности, генерал, но мы не знаем, кто или что их направляет. И что хуже всего, мы даже не хотим этого знать.

– Я уже говорил, что твои домыслы меня не интересуют! Ты присылаешь красные маркеры по каждому поводу, и причины не имеют никакого отношения к реальности. Люди мутировали от радиации, крысы тоже, и все, что волнует меня, – это наполнение генных банков, а не твой бред!

– Я вижу, моя аргументация не имеет успеха. Хорошо. Мой последний маркер напрямую связан с работой комплекса «Эвридика».

– Он красный! Красный, черт тебя подери!

– Да, это прямая угроза программе. Я напому вам, почему меня называют Предсказателем. В случае если фактов для анализа недостаточно, мы используем другие методы. Интуицию. Общее видение картины может и не складываться, но детали... они видны достаточно четко.

– Не испытывай мое терпение!

– Я видел падение «Эвридики», генерал. Я вижу факторы, маркеры, перемещающиеся по поверхности планеты, которые к этому приведут. Не знаю, почему, но вижу это снова и снова в будущем. Это красный маркер, и я рекомендую...

– Что за чушь!

– Я рекомендую провести каутеризацию объектов два и семьдесят один в ареале Атланта.

– Термоядерный удар по Хоксу?! – генерал захлебнулся яростью. – Из-за твоих галлюцинаций?

– Это предсказание, генерал. В ближайшее время в этом регионе произойдет еще несколько событий, характера которых я пока понять не могу. Если они действительно произойдут, угроза программе возрастет неизмеримо.

– Хватит, я слышал достаточно. Ты предлагаешь сжечь сорок тысяч человек и один город, чтобы оградить «Эвридику» от твоего бреда?!

– От вероятного будущего, генерал.

– В вероятном будущем – отстранение тебя от работы над этим проектом и сужение твоих полномочий. Я больше не желаю получать от тебя ничего, кроме аналитики и разверток наших разведанных. Это понятно?

– Да, генерал.

– Вопрос закрыт.

Экран погас неожиданно, став серым пятном посреди мозаики из фрагментов земной поверхности. Предсказатель отвернулся.

Он знал, к чему приведет этот разговор: его не услышат, по крайней мере – в этот раз. Внизу под его ногами, но в тысячах километров, плыла «Эвридика» – сказочно красивый комплекс, напоминающий снежинку из тонкого керамического кружева.

И он действительно видел, как эта снежинка падает. Во сне. Много раз. В этих сновидениях, повторяющихся в последнее время с завидным постоянством, было нечто пугающее. Слишком четкие для обычных снов и наполненные каким-то личным и совершенно немотивированным чувством страха, они выматывали его, заставляя сомневаться в собственных расчетах. В них было что-то чужое, неправильное, как и в рисунках маркеров на поверхности Земли – синие смерти рейдерских разъездов, зеленые точки беженцев, красные точки гвардии. Невозможная картинка, в которой случайности вели себя так, как если бы подчинялись какому-то плану.

– Кто ты? – спросил Предсказатель у диска планеты, висящей у него над головой. – Чего ты от нас хочешь?

Конец первой части

Часть вторая

ЛИЦА

Глава I

Интермедия I

Вероника проснулась.

Вокруг двигалось множество людей, вызывая в памяти картины, виденные давным-давно – но тогда, в прошлом, они кричали и бежали куда-то среди пламени, и падающих камней, а сейчас просто суетились без видимой и понятной цели. Впереди в толпе, теснящейся между палатками торговцев и машинами, мелькали завязанные в высокий хвостик черные волосы загорелой девушки, смутно знакомой по предыдущим пробуждениям. Она вела за руки двоих детей – мальчика и девочку, и еще один ребенок, совсем маленький, цеплялся за пояс ее джинсов, смешно семеня следом.

Это выглядело очень трогательно. Глядя, как она пробивает себе путь через толпу, Вероника чувствовала все усиливающееся желание защитить девушку и этих детей, взять их за руки и повести вперед.

Она знала, что через несколько минут на нее нахлынут воспоминания – чужие, приносящие только боль... Но пока в ней царила кристальная ясность, а чувства оставались необычайно яркими, захватывающими до глубины души. Она шла вслед за девушкой, наслаждаясь всеми ощущениями – теплом солнечного света, прикосновениями чужой одежды, запахами, витающими в воздухе.

Жизнь кипела вокруг. Поток людей стремился к высокой бетонной стене и расплескивался перед ней, растекаясь между торговыми трейлерами, сборными прилавками из тонкого металла, тентами и палатками, разбросанными вокруг насколько хватало глаз. Смуглая девушка обернулась, но Вероника этого не увидела – она рассматривала лотки, вдоль которых они шли. Старые вещи, несущие на себе следы прошлой жизни, зачаровывали ее.

Она смотрела на инструменты, исцарапанные лопаты и сбитые кирки с грубо вырезанными древками, ножи, сточенные в полоску и отполированные частыми прикосновениями, старое оружие, стреляющее пороховыми патронами, блестящее вороненой сталью стволов и кое-где сохранившимся лаком на прикладах. Она смотрела на одежду – бесформенные

поношенные вещи и новые, видимо, сохранявшиеся для праздников и выставленные теперь на продажу... Платья – белые, синие, зеленые, словно яблоня весной; туфли с металлическими пряжками и пластиковыми каблуками, блестящие кожей, которые невозможно носить в пустыне; брюки и пиджаки, пахнущие столетней пылью и ненужные теперь никому.

Дальше шли лотки с украшениями, пластиковыми и деревянными бусами, россыпями яркого стекла, изящными поделками, сплетенными из медной и стальной проволоки, гребнями, кольцами и браслетами, украшенными цветными камешками, серьгами, серебристыми и матовыми, и тяжелыми подвесками, сверкающими на солнце.

У следующего лотка она остановилась, будто наткнувшись на стену, и ее горло неизвестно отчего свел спазм. Здесь продавались игрушки – самодельные кары из дерева, матерчатые и деревянные куклы, пластиковые кубики с нанесенными на них буквами, человечки из проволоки и погремушки из пластиковых бутылок. Несущие на себе следы пальцев и зубов, потертые, разорванные, сломанные и аккуратно починенные – Вероника смотрела на воспоминания, которых у нее не было, воплощенные в вещах, и ее собственная память холодной волной поднималась внутри нее, разворачиваясь где-то внизу живота, словно приступ тошноты, и проталкиваясь морозными кольцами дальше, вдоль позвоночника, к сердцу, к горлу, словно пытаясь выдавить застрявший в нем крик...

Вероника сжала зубы, и неожиданно почувствовала прикосновение – один из детей, шедших впереди со смуглой девушкой, самый маленький мальчик – стоял перед ней, глядя на нее снизу вверх.

Их глаза встретились, и память накрыла ее с головой, как тяжелая волна.

И Вероники не стало.

I

– Би? – Мириам оглянулась во второй раз, и ее опять толкнули. Она отпихнула человека плечом, выслушала сдавленное ругательство в ответ и потянула Таню к себе, подальше от грубияна.

– Би! – восклицание утонуло в гомоне базара. Кто-то кричал впереди, расхваливая горячие корн-доги, люди торговались, ругались и скандалили у прилавков. Мириам развернулась, прижимая к себе Рока, и начала проталкиваться обратно. Би стояла у прилавка со старым барахлом, держа за руку Тони. Возле них было посвободнее, можно было отпустить Танину ладошку и перевести дыхание.

– Я думала, ты потерялась.

– Нет, у меня просто немного закружилась голова, – Би опустила глаза, и указала на прилавок. – Похоже, ему что-то нравится, можно будет сюда вернуться.

– Да, только потом, – выдохнула Мириам, – а то можно тут до бесконечности бродить. Я никогда не думала, что будет такой большой базар... Больше, чем ежегодная ярмарка. Только он какой-то...

– ...грустный, – Би дотронулась до тряпичной куклы, лежащей на лотке. Стоящая за ним торговка, худощавая женщина со спутанными светлыми волосами, потянулась было, чтобы отбросить ее руку, и замерла, разглядывая армированную металлом перчатку. Би не обратила на ее движение ни малейшего внимания.

– Мы еще вернемся, – сказала она женщине, – ты же никуда не уйдешь?

– Да куда мне идти? – спросила та, часто моргая голубыми, словно выгоревшими на солнце, глазами. Мириам был знаком этот взгляд – взгляд беженца, оставшегося с кучей ненужных вещей посреди пустыни и не знающего, хватит ли воды на следующий день.

Би запахнула серый плащ, выданный ей Мириам, чтобы не привлекать лишнего внимания в толпе.

– Теперь я пойду вперед, – она слегка подтолкнула Тони к Року, – а вы держитесь прямо за мной. Покажи еще раз, куда нам нужно?

– Вон там, – Мириам указала на верхушку металлического столба с красным флажком, слабо шевелящимся на ветру у самой стены, – скупщик где-то под ним.

– Будьте рядом, – и Би двинулась через толпу.

– Держитесь, – сказала Мириам.

Больше ее не толкали. Би уверенно шла вперед, положив руку на рукоять игольника на бедре, и буквально раздвигала людей в стороны. В какофонии голосов стало еще больше ругани, на Би оглядывались и кричали что-то ей вслед, несколько раз она отталкивала кого-то в сторону, но большинство встречающих фермеров и беженцев просто расступались, давая ей дорогу.

Они прошли через еще два ряда со старыми вещами, пересекли мясной ряд, уходящий прямо от стены до кольцевого канала, окружающего Хокс, и места вокруг стало ощутимо больше. Столб с флажком возвышался посреди небольшой площади, окруженной кольцом зевак, но давки, как на базаре, не было.

Возле столба дрались в пыли двое мужчин, босых и окровавленных, одетых в изорванные джинсы. К правой руке каждого крепился тонкий металлический трос, другим концом привязанный к столбу. Зазывала на другой стороне площади приглашал делать ставки на бойцов и самим принять участие в состязании.

– Идиоты, – громко и отчетливо сказала Би, так что ближайшие зеваки обернулись, и двинулась в обход площади. Палатки, окружавшие ее, сильно отличались от тех, которые стояли на базаре – большинство из них было полностью закрытыми, или же имело только по одному узкому входу. Небольшие деревянные таблички над входами сообщали, что именно находится внутри. Би не задерживалась возле них, а Мириам приходилось слегка замедлять шаг, чтобы успеть прочитать.

Они прошли мимо «Скота Бьюелла», «Каров Эмси и Смита», «Деталей Харви», и еще пяти или шести вывесок, которые она просто не прочитала, когда Би наконец остановилась перед нужным входом.

«Кредиты» – табличка была короткой и лаконичной, но почти ничего не сообщала Мириам. Би, похоже, тоже оказалась в некотором затруднении.

– Скорее всего, это здесь, – сказала она наконец.

– Нам подождать? – спросила Мириам.

– Нет, зайдем вместе, мне будет спокойнее.

Вход оказался длинным брезентовым коридором, освещенным узкими лучами света, пробивающимися через отверстия в потолке. Коридор заканчивался в широком и высоком шатре, где в полумраке было расставлено множество шкафов, шкафчиков и сундуков, занимающих все пространство вокруг. В самом его центре стоял поддерживающий купол металлический опорный столб, возле него – стол и несколько стульев.

Люди, вставшие со стульев при приближении Би, показались Мириам самыми обычными бандитами. Небритые, в тяжелых кожаных безрукавках, они были вооружены – один копьем, а другой – старым игольником со следами починки. Несколько секунд они молча рассматривали вошедших, потом в глубине шатра что-то звякнуло, и еще один человек вышел из-за шкафов.

– Добрый день, – сказал он. У него был хриплый, но приятный голос, на узком чисто выбритом лице поблескивали очки. – Я могу вам помочь?

– Видимо, да, – сказала Би.

– Хорошо, подходите сюда, – человек жестом приказал охранникам отойти, и они отступили назад, продолжая следить за Би, – Я Джеффри Квин, можно просто Джефф.

Би кивнула и села за стол. Джеффри отбросил со лба светлые волосы и выждал несколько секунд, но Би, похоже, не собиралась представляться. Мириам молча подошла и встала за ее спиной, Таня хотела по своему обыкновению что-то спросить, и Мириам пришлось на нее шикнуть.

– Мы обмениваем кредиты, а также предоставляем под залог... – начал было Джеффри, но Би тут же его прервала:

– Какие кредиты?

– Э-э...

– Производство?

– Атланта, разумеется...

– Можно взглянуть?

– На что?

– На кредит.

Джеффри часто заморгал, потом полез в карман своей тонкой полотняной куртки и извлек маленькую металлическую пластинку. Ее вид был хорошо знаком Мириам, но Би взяла ее в руки и с интересом рассматривала.

– Их делают в Атланте?

– Да, это нержавеющая сталь, и печать на ней практически невозможно подделать.

– Интересно. И что можно за такую купить?

Один из охранников рассмеялся.

– Ну, это монета в один кредит, есть еще в половину, и в четверть, и в одну десятую.

– И?

– За полкредита можно неплохо пообедать. Или купить десять литров воды. За кредит можно купить одежду этим детям... и даже вам.

– Понятно.

– Сейчас многие предпочитают покупать кредиты, и они несколько падают, но...

– Я понимаю. Они будут падать и дальше, но цена на самые дорогие и нужные для жизни вещи будет расти и расти, компенсируя их падение.

– В общем, да, – Джеффри отодвинул стул и сел за стол напротив нее. – Вы что-то продаете?

– Да.

– Что?

– Топливные элементы, – Би положила на стол батарею. – Цена на них будет расти, не так ли?

Купец осмотрел индикаторы батареи, потом достал из ящика стола небольшое устройство и провел им по ее поверхности.

– Настоящая, – сказал он, – с половинным зарядом.

– Сколько?

– Пятьдесят кредитов.

– На ней можно проехать две тысячи километров, – сказала Би, – или приготовить триста обедов. Это не пятьдесят кредитов.

– Семьдесят?

– У вас в городе полтора десятка ветряных генераторов. Чтобы зарядить такую батарею, сколько генератору нужно работать? Пять дней? Десять?

– Девяносто?

– Мне пришлось убить четверых, чтобы ее получить.

–?!!

– Четырех рейдеров. Она из кара. Это наверняка должно влиять на цену.

– Я так не могу, – Джеффри снова отбросил волосы со лба, – не я определяю цены, я всего лишь представитель...

– Кого?

– Иосифа Картеля, главы купеческого совета...

– Интересно. И все места обмена кредитов принадлежат ему?

– Да, и я...

– Но ведь вам выгодно получить сразу много батарей? – неожиданно спросила Мириам. – Если мы согласимся продать их только вам и никому больше, вы же что-то с этого получите?

– Я... – Джеффри поднял на нее глаза, – возможно... Но цена не может быть слишком большой.

– Сто кредитов, – сказала Би, – и десять батарей.

– Десять?

– Да, заряженные наполовину и больше. А еще оружие и патроны к нему, много.

– Патроны? И у вас это все с собой?

– Четыре батареи я могу отдать сейчас, а остальные – завтра.

– Четыреста кредитов – это очень много. – Джеффри снял очки и принялся их протирать. – Обычно мы не выдаем такие большие суммы наличными.

Рок, внимательно слушавший все это, вздохнул и сел прямо на пол у ног Тани.

– А как выдаете?

– Я могу выписать кредитный лист, его примет любой купец здесь, и даже в Атланте...

– Выдайте сто кредитов сразу, а остальное запишите на лист, – сказала Мириам, – И разбейте двадцать кредитов мелкими, нам же нужно будет что-нибудь покупать.

Би кивнула и встала.

– Да, так и сделайте.

Джеффри тоже вскочил было, но сразу сел и достал из верхнего ящика стола тонкий металлический лист размером с ладонь.

– Я выпишу лист на три сотни кредитов, – следом за листом из ящика появилось тонкое стальное стило и стеклянная баночка с прозрачной жидкостью. – Я... мы давно не выдавали такие большие суммы.

– Никто ничего не продает?

– Нет, скорее... мы же не занимаемся мелкими сделками. Земля, иногда кары, оружие, дорогие предметы. Вы разве не знали?

– Я уже поняла.

Мириам шагнула в сторону, и поймала Тони, который целеустремленно пошел куда-то в глубину шатра. Один из охранников снова хихикнул. Джеффри водил стилем по стальной пластине, и от нее поднимался дым – жидкость в склянке оказалась кислотой.

– Этот лист вообще самый большой за последнее время. Сделки заморожены, дела идут плохо, – Джеффри подул на получившуюся надпись, и принялся за следующую строку. – Вы уверены, что вам безопасно носить ее с собой?

– Я разберусь, – сказала Би.

– Разберетесь?

Вместо ответа Би положила руку на металлический столб – опору шатра, возвышавшуюся прямо за спиной Джеффри. Раздался металлический скрип, а затем тихая ругань охранника – на столбе остались глубокие вмятины от ее пальцев. Джеффри задумчиво посмотрел на эту отметину, потом на Би.

– Простите, я не сразу понял. Мы ожидали вас несколько раньше, и я никак не мог подумать, что вы придете сюда. Простите.

– Ожидали меня?

– Ну, кого-нибудь из вас...

Би присела рядом с ним, быстро и хищно, заставив дернуться обоих охранников.

– Думаешь, вас спасут? – спросила она тихо.

– Я не думаю, – так же тихо ответил Джеффри.

– Но ты ждал?

– Давайте я закончу ваш лист.

– Все настолько плохо?

Джеффри мотнул головой в сторону, и Би встала. Кислота едва слышно шипела, растекаясь по металлу; в солнечных лучах, падающих через отверстие в куполе шатра, играли пылинки.

– Вы ждете помощи, – сказала Би, – но ведь никто не придет, так? Атланта вас бросила, просто не все еще об этом знают?

– Я не могу говорить об этом.

– Да, не можешь. Твои хозяева держат это в секрете, и ни на что уже не надеются. Но ты ждал.

Би обернулась, глядя на вход в шатер.

– И эти под стенами – они тоже все еще ждут, правда?

II

После полумрака купеческого шатра утреннее солнце казалось невыносимо ярким. На площади, под столбом, дралась уже другая пара – тучный мужчина против высокого и худого. Они вяло обменивались ударами и пинками, толпа разочарованно свистела.

Мириам крепче сжала ладонь Тани, и в который уже раз проверила, на месте ли тяжелый кожаный кошелек – один из двух, выданных им Джеффри. Второй висел на поясе у Би рядом с игольником, и за него она не очень опасалась.

– Нужно будет купить поесть, – сказала Мириам, когда они протолкались через толпу на край площади и вышли в относительно пустой ряд, заполненный лотками с инструментами и мелкими запчастями для каров, – а то с утра одни яблоки...

– Да... – задумчиво ответила Би. – Слушай, а это действительно так много денег?

– Очень, я никогда столько не видела. Тысяча кредитов – это почти небольшая ферма, мой двор стоил меньше. А мы договорились продать батарее за столько...

– Я ни черта не понимаю в фермах.

– Как? Ты же так уверенно с ним говорила?

– Мне раньше приходилось много общаться с купцами. Я знаю, что такое кредит, и сколько он может стоить, но я никогда ничего за них не покупала.

– Я тоже, – не выдержала Таня, – только иногда видела. А за них можно купить все что угодно? И почему ты сказала, что Атланта их бросила?

Би только вздохнула.

– Купить можно не все, – сказала Мириам, – А про Атланту не нужно спрашивать, ты же сама видела, этот человек не хотел о ней говорить.

– Но Би все равно спросила.

– Ей можно, – Мириам снова взяла ее за руку. – Рок, идем, нам еще нужно вернуться и заплатить за стоянку.

– Еще немножко! – отозвался тот от прилавка с ножами.

– Пошли немедленно. Таня, бери Тони.

– Конечно. А что мы купим?

К стоянке возвращались другим путем – не через центральные ряды базара, а в обход. За все более редкими прилавками, торгующими старыми и совершенно ненужными на вид вещами, начинались палатки беженцев, расставленные очень плотно и без малейшего порядка. Узкие проходы между ними путались и прерывались, из-под брезентовых и полотняных тентов поднимался дым, кое-где горели костры, у которых собирались обитатели палаток, чтобы приготовить свой нехитрый завтрак. Пахло человеческим потом и выгребной ямой. Би аккуратно обходила беженцев, сидящих прямо перед своими жилищами, несколько раз отстраняла людей, идущих навстречу, и пропускала вперед Мириам с детьми, чтобы снова обогнать ее через несколько шагов. Беженцы оборачивались ей вслед, некоторые вставали, провожая ее взглядами, но большинство предпочитало заниматься своими делами – есть, спать, разговаривать у костров или просто сидеть у своих палаток, глядя в пустоту.

Этот путь оказался длиннее, но легче – никто не мешал идти, и когда впереди за палатками мелькнули знакомые очертания каров, Мириам вздохнула свободнее.

Они прошли мимо ряда бетонных блоков, огораживающих большую стоянку, миновали тяжелые грузовики, видимо, принадлежащие городским купцам, и вышли к ряду трейлеров, в конце которого на каре Би сидел Кейн, по своему обыкновению положив винтовку на колени.

– Извини, что так долго, – сказала Мириам, – Но пока мы искали...

– Не страшно, – мягко сказал Кейн и прыгнул с кара. – Я столько всего отсюда увидел.

– Что увидел? – спросила Мириам. – Опять облака?

– Нет. На этот раз людей.

– Людей?

– Ну да. Палаточный городок, там кипит жизнь. Каждую секунду там что-то происходит, меняется чья-то жизнь, что-то теряется, и что-то изменяется. Это красивее облаков.

– Красивее?

– Познавательно, – сказала Би, и кивнула головой в сторону содержателя стоянки, спешащего к ним в сопровождении охранника. – Он не создавал проблем?

Содержатель подбежал к ним и замер, стараясь отдышаться. На его обширной лысине блестел пот, и Мириам отчаянно пыталась вспомнить, как его зовут... Он представился как Смит, но имени своего, кажется, так и не назвал.

– Вы принесли? – наконец выдохнул он.

– Да, – сказала Би, – за пять дней вперед, две машины, двадцать кредитов.

– Двадцать? Но у нас есть еще наценка для тяжелых машин.

– А вы сделайте скидку, за пять дней, – сказала Мириам, – Все равно дела идут плохо, ни у кого здесь нет таких денег... все, кто мог, уже уехали.

Би открыла кошель и принялась отсчитывать кредиты. Смит сглотнул, глядя на ее руки.

– Хорошо, я сделаю... скидку.

– И не трогайте кары. Не подходите ближе чем на два метра, – Би подняла стопку монет, сжав их двумя пальцами. – Того, кто подойдет ближе, поджарят, а потом приду я и спрошу с вас. Это понятно?

– Понятно, – Смит принял из рук охранника широкий планшет в кожаной обложке и чернильную ручку с тонким блестящим пером. – Как вас записать?

– Кар Би, грузовик Мириам.

– Би? – перо заметно дрожало. – А как это пишется?

– Уважаемый, давайте я, – сказал Кейн, мягко оттеснив охранника, и взялся за планшет. Смит кивнул, помедлив, и Кейн, забрав у него ручку, принялся что-то выводить.

– А где нам лучше остановиться в городе? – спросила Мириам. – Я помню, там раньше были хорошие гостиницы?

– В верхнем городе, – ответил Смит и вздохнул. – Может быть, там не все еще занято. Вас же не очень волнует цена, верно?

– Правильно, – сказала Би. – Ну что, записал?

– Да, – Кейн передал Смиту перо. – А теперь выдайте нам бирки на кары и мы вас покинем.

– Ты идешь с нами?

– Нет. – Кейн затянул пластиковый ремень на ложе винтовки и забросил ее за спину. – Мне еще нужно увидеть кое-кого. Но я найду вас позже.

– Как знаешь, – Би приняла из рук Смита металлические пластинки с номерами. – Возможно, мы задержимся на день или два.

– Кто знает, – Кейн снова повернулся к Смиту. – Уважаемый, вы не подскажете, где в этом городе самый большой бордель?

Мириам прыснула, и Таня посмотрела на нее с недоумением.

– А что такое бордель?

– Это такое место... – замялась Мириам.

– ...куда нельзя монахам, – закончила за нее Би.

– Но...

– Но нашему монаху, видимо, можно.

– Видимость, – улыбнулся в ответ Кейн, – это только маленькая частичка истины...

III

Они вышли к воротам, когда солнце было уже почти в зените. На этот раз их маленькая кавалькада двигалась медленнее, но гораздо увереннее, обходя большие скопления людей и забитые рыночные ряды. Мириам несла на плече большую сумку, в которую упаковала все самое ценное и необходимое, что нашла в трейлере. Еще одна сумка, поменьше, досталась Тане. Року поручили следить за Тони и не отпускать ни на секунду, и Мириам то и дело оглядывалась назад, чтобы проверить, не отстали ли они, не затерялись ли в толпе их маленькие фигурки в одинаковых полотняных куртках.

Би шла впереди, на плече —черный пластиковый рюкзак со множеством ремней и карманов. Би несла его так, будто он вообще ничего не весил, свернутый валиком плащ был прикручен к рюкзаку, и на нее оглядывались – теперь гораздо чаще. Мириам не знала, хорошо это или плохо, но практически все встречные смотрели на Би. Ей уступали дорогу, расходились, шептались за спиной – о чем, слышно не было, но по крайней мере Мириам с детьми больше никто не толкал.

Перед тем как пойти к воротам, они сделали только один небольшой крюк. Би, видимо, запомнившая дорогу с первого раза, свернула с полупустого ряда, по которому они двигались. Пройдя между карами, поставленными впритык, она свернула еще раз, обогнула ряд тентов – и их встретили знакомый шум и давка. Это был ряд ненужных вещей, по которому они уже проходили утром. Би шла целеустремленно, разыскивая единственный нужный ей лоток среди заваленных хламом прилавков.

Светловолосая торговка подняла на нее измученные глаза.

– Хотела спросить, – Би протянула руку, и снова дотронулась до одной из тряпичных кукол. – Откуда все эти вещи?

– Детские, ясное дело...

– Откуда?

– Коммуна у нас была, на восток от Далласа. Двадцать семей, считай, детишек много...

Женщина бесцельно передвинула маленький деревянный кар на лотке.

– Была?

– Да. Два кара осталось, две семьи. До последнего ждали, думали, может, заступится кто, крепость вроде как рядом. Дождались... – последнее слово она произнесла совсем тихо. – Мы уехать думали, но как дым увидели, вернулись. Вещи вот собрали, что не сгорело... а больше и спасать некого было.

– Некого?

– Да. Взрослых они... сразу... а детишек забрали...

Мириам, стоящая за спиной у Би, сглотнула.

– Как забрали?

– А мне откуда знать? Не было их там, – торговка вытерла слезы тыльной стороной ладони. – Ты купишь что или дальше пытаться будешь?

– Прости, – Би из поясного кармана достала и протянула женщине маленький столбик кредитов. – Бери так, нам тут ничего не нужно.

– Так?

– Бери, – Би вложила кредиты в узкую мокрую ладонь. Протиснувшийся к лотку Рок дотронулся до стоящей там пирамиды из цветных кубиков и отдернул руку.

– Ну вы хоть что-то возьмите, – торговка рассматривала монеты, как будто никогда их раньше не видела. – Ну хоть вот это...

– Не нужно...

– Подожди, – сказала Мириам, взяв Рока за плечо. – А это у вас краски?

Торговка обернулась на раскладку за ее спиной.

– Это планшетка... и мелки.

– Цветные?

– Да. Они, может, не все здесь. – Женщина протянула Мириам пластиковый планшет с торчащими из него листами бумаги и полупустым отделением для мелков – Берите.

Мириам вопросительно посмотрела на Би.

– Бери, – ответила та и поправила рюкзак на плече. – Думаешь, дети будут рисовать?

– Я... это не... – Мириам прижала планшет к груди. – Спасибо!

– За что? Пойдем, а то тут народу многовато. – Би кивнула торговке, и двинулась через толпу. Мириам догнала ее через несколько шагов и пошла рядом, все еще прижимая к себе планшет.

– Слушай, а зачем ты ее расспрашивала про игрушки?

– Не знаю, – ответила Би, – что-то нашло.

– Как это нашло?

– Это когда ты делаешь что-то до того, как успеваешь подумать. Не знаю, почему, но это важно для меня – эти игрушки... Нет, видимо, не сами игрушки, – Би посмотрела перед собой с таким выражением, что несколько мужчин, идущих навстречу, поспешно остановились и уступили ей дорогу, – а то, что она сказала...

– ...про коммуны?

– Я не знаю. Мне нужно подумать, – Би пошла еще быстрее, Таня догнала ее с другой стороны. Мириам привычно оглянулась на Рока, ведущего за руку Тони и смеющегося чему-то во все горло.

Городские ворота они миновали без проблем. Как оказалось, вход в крепость был платным – по полкредита с человека. Гвардейцы у ворот оглядывали входящих, некоторых обыскивали, но к Би даже не подошли – только рассматривали ее во все глаза, пока Мириам выбирала полкредитки из своего кошелька с мелочью. На Мириам обратили куда меньше внимания, чем на въезде в долину – наверное потому, рассудила она, что теперь на ней были не шорты и коротенькая маечка, а рабочие джинсы и полотняная фермерская куртка.

Из сторожки, лепившейся к городской стене сразу за воротами, тоже вышло человек пять гвардейцев. Они ничего не делали, не говорили между собой, просто молча смотрели... Би прошла мимо, даже не повернув голову в их сторону.

Нижний город, знакомый Мириам, начинался прямо от стен. Металлические фермы, поддерживающие ближайшие дома, выступали прямо из них и упирались в землю между бетонными и кирпичными основаниями домов. От ферм отходили металлические каркасы и подвесные мостики, соединявшие верхние этажи и плоские крыши. На мостиках, как и на улицах, было полно людей... Мириам знала, что на плоских крышах многих домов располагаются магазины или харчевни.

Еще выше, над крышами, поднимались решетчатые башни с пушками и яркими красными вентиляторами ветряных генераторов. Вращались они медленно, лениво – с утра ветра почти не было и город пах раскаленной пылью и потом множества людей.

Би шла прямо по центру улицы, уверенно ступая по земляной мостовой, утрамбованной до плотности бетона. В этом районе нижнего города располагались недорогие магазины – по крайней мере, так помнила Мириам. Здесь жили не слишком состоятельные люди, в основном купцы и ремесленники, у которых было недостаточно средств на покупку дома ближе к вершинам холмов – в Верхнем Хоксе. Туда должны были пропускать через еще одни ворота, и, сейчас это наверняка стоило еще дороже.

Таня, идущая рядом с Би, без усталости вертела головой по сторонам. Ее интересовало все – разноцветные вывески над входами в лавки, люди, обедающие под навесами в узких, как колодцы, переулках, женщины в коротких ярких платьях и прозрачных шалях, стоящие на металлических балконах высоко над мостовой, цветные плакаты в окнах, призывающие покупать фрукты, хлеб и мясо... В какой-то момент Би просто взяла ее за руку и дернула к себе, чтобы она не столкнулась с идущей навстречу девушкой. Та рассмеялась высоким, визгливым смехом.

– Что, девчонки, первый раз в городе? – ее загорелое лицо украшали многочисленные кольца, вдетые в крылья носа, губы и уши, а красное платье горело на солнце. – Смотрите не потеряйтесь, а то съедят прямо с косточками...

– Подскажешь, где гостиница? – спросила Би, рассматривая ее с брезгливым любопытством. Девушка окинула Би столь же откровенно изучающим взглядом.

– Тебе почище или повеселее?

– Почистице.

– Да, сразу видно, веселиться ты не любишь. Выше по улице есть две, но там все занято. Поближе к Верхнему городу есть «Котелок», но там наемники стоят, девочкам там оставаться не стоит. В «Индюке» драки второй день, туда и наемники не суются, на том холме есть опять же парочка, как там – не скажу, не знаю, но вы загляните... Или сразу идите в Верхний, если сможете, конечно... – она снова рассмеялась. – Сестрички при стволах, может, и при деньгах?

– А где лучше пообедать? – встряла Мириам. Девушка подмигнула ей.

– Только с фермы, сестричка? Может проводить вас, а то и правда потеряетесь?

– Просто покажи, куда идти, – Би протянула ей два пальца с зажатой между ними монетой, и девушка ухватила ее за руку быстрым вкрадчивым жестом.

– Ого! Кредитка! За столько я обычно другое показываю, – кредит мгновенно исчез за широким цветным поясом. – Значит так: если просто покушать хотите, то тут в двух кварталах есть «У Дика». Там вкусно и недорого, девчонки там часто бывают. Только по переулкам выше не ходите – нехорошо там. И в «Змейку», что рядом, не суйтесь – туда что-то тоже нехорошие ребята повадились...

– Спасибо. Пошли.

– Вы, если что, приходите, меня обычно в «Ястребе» найти можно. Что-то узнать, или время провести, или кредиты лишние есть... Меня Пионой зовут. Пионку спросите, ладно, сестрички?

– Спросим. Мириам!

– Да, идем, – Мириам кивнула девушке, и та снова ей подмигнула. Они шли дальше по улице, и Пиона все еще смотрела им вслед, а когда Мириам обернулась – еще и помахала рукой.

– Красивое у нее платье, правда? – сказала Таня.

– Глупое у нее платье, – сказала Мириам, – совсем глупое...

Они легко нашли харчевню, о которой говорила Пиона, – яркая вывеска «У Дика» занимала изрядный кусок стены, выходящей на улицу, и под ней исходил прохладой темный вход в подвал. Людей там действительно оказалось немного – серьезные мужчины, видимо, купцы, занятые своими разговорами, и несколько девиц в яркой одежде, похожих на Пиону. Прислуживал в харчевне сам хозяин – крупный, неразговорчивый, быстро выяснивший у Мириам, что они хотят съесть, и исчезнувший на кухне.

Обед ей понравился – куриный бульон был горячим и наваристым, а жареная картошка с омлетом приготовлены, как дома, и даже заправлены салом. Еду запивали слабым пивом, слишком горьким для Мириам, не привыкшей к подобного рода напиткам. Детям пить его она запретила, но они и без этого были увлечены обедом – как заявила Таня, самым вкусным в их жизни.

Би съела только бульон и почти сразу встала, доставая монеты из кошелька, – пора было идти. Мириам, чувствуя странную легкость в голове и тяжесть в животе, двинулась за ней с некоторым трудом.

Они вышли на жару, и снова вдохнули запах пыли и раскаленной жести. Улицы Хокса, расходящиеся в стороны, внезапно показались Мириам очередным сном. Она двигалась как в тумане, ступая за Би, и казалось, что она вот-вот проснется – голая, в своей кровати с шершавой, мокрой от пота простыней и твердой пружинной сеткой... Проснется и пойдет к колодцу, чтобы облиться холодной водой.

Мириам представляла прикосновение этой воды, представляла, как она подходит к колонке, нажимает на рычаг, звенит колокольчик, и вот уже вода скользит по ее лицу и телу – холодная-холодная...

Они бродили по городу долго. Солнце неторопливо двигалось в небе, по улицам медленно ползли прохожие. Би шла от гостиницы к гостинице, говорила с хозяевами, и они двигались дальше.

Они прошли через весь Нижний город, с одного холма на другой, по извилистым улочкам и мостикам, переброшенным с крыши на крышу и цепляющимся за стены. Дети с трудом плелись следом – жара, тяжелая в машине, была просто невыносима в городе, между кирпичных стен и металлических столбов. Би, шагающая впереди словно робот, лишенный слабостей, то и дело оглядывалась на Мириам и детей – те все чаще останавливались, чтобы передохнуть или хлебнуть глоток теплой воды из фляги. Несколько раз улицы выводили их к воротам Верхнего города, охраняемым изнывающими от жары стражниками, но Би избегала их, и снова шла вниз, в глубину переулков.

Большинство постоянных дворов было занято, в некоторых оставались одно или два места, но этот вариант совсем не нравился Би. В основном постояльцами оказывались не беженцы, а мрачные неразговорчивые мужчины, наемники, как поняла Мириам, снимающие целые этажи. О том, чтобы оставаться с ними под одной крышей, не могло быть и речи.

Наконец, Би остановилась для отдыха на маленькой площади, под навесом, скрывающим вход в магазин или мастерскую. На площадь выходило еще два переулка, и на узких фасадах окружающих домов висело две вывески – «Индюк» и «Жареный Кабанчик».

Едва зайдя в тень, Рок уселся прямо на землю, и Таня недолго думая последовала его примеру. Мириам прижалась лбом к металлическому столбу в основании навеса, но металл оказался теплым, и облегчения это не принесло.

– «Индюк», – прочла Би. – Это же тоже гостиница? Что там эта девчонка говорила?

– Не помню, – измученным голосом ответила Мириам. – Ничего не помню.

– Нужно попытаться. Иначе еще полдня придется блуждать по Верхнему городу, – и Би решительно направилась через площадь. Мириам хотелось еще постоять, обнимая столб, но перспектива долгих хождений была страшной, и она заставила себя выпрямиться.

– Пошли, – почти нормальным голосом сказала она. – Нас ждет холодная вода, прохладный душ!

В «Индюке» царил полумрак.

Мириам сделала несколько шагов вслепую и ухватила за плечо Би, которая тоже остановилась у входа. Гостиница встретила их прохладой, запахами мокрого дерева, яблочного сока и спирта. Первый этаж ее представлял собой большой обеденный зал, практически не освещенный, если не считать узких мигающих лучей солнечного света, пробивающихся через большой вентилятор в дальней стене.

Поначалу зал показался Мириам совершенно пустым, она сощурилась, пытаясь понять, где же могут быть хозяева. Слева от входа начиналась длинная стойка бара, за которой громоздились шкафы с бутылками и посудой, справа в беспорядке стояло с десятков грубых деревянных столов и скамей. Часть из них выглядели как рухлядь, два стола с обломанными ножками были прислонены к стене, рядом лежали стулья. Вернее, то, что от них осталось, – набор деревяшек, годных теперь разве что на дрова.

– А где... – вопрос застрял в горле Мириам. В конце зала, в тени, лицом ко входу сидел человек. В нем было нечто странное – Мириам не сразу поняла, что, и сделала еще один шаг вперед, стараясь его рассмотреть.

Человек был очень большим. Казалось, стол, за которым он сидит, слишком мал для него, так что его покрытые шрамами предплечья едва помещаются на столешнице. Огромные кисти рук с поблескивающими металлом костяшками пальцев обхватывали бутылку из белого стекла, выглядящую миниатюрной в этих пальцах.

Человек смотрел на них без всякого выражения, точнее, в тени трудно было вообще разглядеть его лицо. Мириам видела только бритую, покрытую шрамами макушку его головы, находящуюся на уровне ее лица.

– Что вам? – раздался тихий голос от барной стойки, и Мириам обернулась. За стойкой стояла немолодая полная женщина с мягким усталым лицом.

– У вас есть свободные места? – спросила Би.

– Есть, – так же устало сказала женщина, – Только на них всех тут один постоялец.

– То есть?

– Вам лучше другую гостиницу поискать. Тут что ни день – то драка.

– У вас проблемы?

– Да вы не подумайте, он за все платит. Но только вот вчера наемники хотели заселиться, двенадцать человек, так он сказал, что они ему мешают. Всю мебель переломали.

– Двенадцать человек? – Би оглянулась в зал. – Но у вас же есть места?

– Да вы еще и с детишками, – женщина ласково улыбнулась Року, который забрался на высокий стул рядом со стойкой, и теперь раскачивался на нем. – Есть места, но с такими соседями... мало ли...

– Мы с ним поговорим.

– Давай я, – сказала Мириам, бросившая украдкой взгляды на большого человека.

– Ты?

– Да, – Мириам забросила рюкзак на стойку и решительно пошла в глубину зала.

Вблизи гигант выглядел еще страшнее, чем издалека. Его лицо бугрилось шрамами, как и руки, на лбу выступала металлическая заплата, металл поблескивал на шее и на ребрах, просвечивая через распахнутую безрукавку. Нос был сломан, тяжелая челюсть выдавалась вперед, а глаза утопали в глубоких глазных впадинах.

И в этих глазах было то, что Мириам заметила еще у стойки, в свете, упавшем на секунду из-под лопасти вентилятора.

В них была грусть, а еще, судя по запаху яблочного спирта, гигант был пьян.

– Привет, – сказала она. – Меня зовут Мириам.

Огромный человек смотрел на нее все с тем же выражением, и, похоже, не собирался отвечать.

– Это Би, и с нами еще трое детей. Ты не против, если мы тут поживем?

Последовала долгая пауза, гигант опустил глаза, рассматривая свои руки.

– Живите, – у него оказался низкий, глубокий голос, – только не шумите, хорошо?

– Хорошо... разве что дети, совсем немного.

– Дети... это ничего. Я просто хочу тут отдохнуть.

Мириам кивнула, но гигант больше ничего не сказал – просто сидел, все так же глядя на свои руки. Подождав несколько секунд и поняв, что больше ничего от него не услышит, она пошла обратно к стойке.

– И что он? – спросила Би.

– Просто попросил нас не шуметь. Я думаю, мы можем тут остановиться.

– Попросил не шуметь?

– Сказал, что хочет отдохнуть.

– Мне он тоже это сказал вначале, – хозяйка «Индюка» вздохнула. – Он целыми днями пьет и иногда приглашает непотребных девиц. И денег у него много, за все платит. Говорит, что ему нравится, как я готовлю.

– Интересно, – сказала Би.

– Что ж тут интересного? Сходите в «Барона», может, там еще места остались.

– Незачем. Мы остановимся здесь.

– Вы...

– Все нормально, мы разберемся. Лучше такой сосед, чем банда наемников.

– Оно, конечно, так, но...

– Какие комнаты у вас свободны?

– Да все, можно сказать. Я вам могу на втором этаже дать, он на первом живет, тут, за залом сразу.

– А ванны у вас есть? – спросила Мириам.

– На втором этаже две и внизу одна. Если хотите, можете и воды нагреть, только дорого это...

– Неважно, – сказала Би, – мы поселяемся все, на пару дней, а сейчас нам нужна ванна и немного позже – ужин.

– Вот и он... – несколько озадаченно сказала хозяйка, – сразу, как поселялся, про ванну спросил...

Глава II

Интермедия II

Есть было больно. Сухой хлеб царапал горло, и его твердые куски, словно камни, проваливались по пищеводу, оставляя хорошо ощутимый привкус крови во рту. Эта боль была знакома и обыкновенна, как восход солнца, к ней можно было привыкнуть и не обращать внимания.

Хуже была боль, приходившая иногда ночью, лишая сна. Вместе с ней приходило и тошнота – с алой, неправдоподобно алой рвотой, она оставляла после себя слабость и нежелание жить.

Впрочем, жить оставалось недолго.

Он не тешил себя надеждами и не питал никаких иллюзий – теперь ему оставалась только боль. Она распоряжалась днями и ночами, была его генералом, путеводной звездой. Она показывала ему, сколько еще предстоит сделать и что можно успеть за это время.

По всему выходило, что совсем немного.

Электронный планшет, замотанный в тряпки и спрятанный на его животе, слабо пискнул, напоминая о необходимости провести полдневную запись. Этот писк повторялся уже в третий раз, полдень давно миновал, но нужно было раздобыть немного хлеба и поесть хотя бы один раз в день, иначе сил не останется совсем.

Он глубже забился в щель под стеной, в тень, стараясь вжаться в землю. Здесь было прохладно, и гвардейцы, без жалости выбрасывающие бездомных и оборванцев из Верхнего города, уже который раз проходили мимо его убежища, не замечая его.

Он достал планшет, осторожно положил грязные пальцы на блестящий выступ сенсорного входа, и на маленьком экране засветилась последняя глава его записей.

«По всей видимости, это уже третий вид рака...» – буквы падали одна за другой, соединяясь в страшные слова, но это почему-то успокаивало, приносило определенность, пусть даже означавшую только агонию и смерть. – «...Цирроз печени, рак горла, рак кожи. Как жаль, что я не врач. Единственное, что я понимаю: мой случай – классический пример тяжелого радиоактивного поражения. Все симптомы, все формы. Я буду записывать до последнего момента, но даже не знаю, сколько точно времени у меня осталось. Внутреннее кровоизлияние – наверняка это очень плохо...»

Он прервался, чтобы откусить от ломтя хлеба, плоского и серого, как кусок шерстяного одеяла. Из-за этого куска ему пришлось подраться с двумя другими бездомными, за палатками хлебопеков, и к его синякам прибавилось еще несколько.

«...Но вернемся к моим наблюдениям за обычаями Хокса. Как я уже отмечал, ношение украшений является неотъемлемой частью культуры местных жителей. Каждое украшение обладает определенным символизмом и призвано демонстрировать статус своего владельца. Так, незамужние девушки обычно носят всего одну серьгу или кольцо в левом крыле носа. Выходя замуж, они получают право носить две серьги в ушах, и, как правило, ограничиваются этим. Разведенные женщины и вдовы не носят подобных украшений вообще, это считается зазорным. И наконец, продажные женщины всех мастей, которых в Хоксе просто необычайное количество, носят по три или четыре украшения подобного типа, как бы показывая, что не принадлежат к уважаемым сословиям. У некоторых особей этой профессии количество различных колец и серег граничит с абсурдом, они продевают их не только в нос и уши, но и в губы, брови, соски и другие места, говорить о которых в приличном обществе не принято. При этом мужские украшения подобного типа крайне скупы, и ограничиваются в основном кольцами на пальцах, что как правило обозначает очень богатых людей, не работающих руками...»

Он закашлялся и сплюнул кровь. Небольшой отряд гвардейцев снова прошел мимо его убежища, но никто из них даже не посмотрел в сторону его укрытия. До заката солнца оставалось больше шести часов, и это оставляло надежду остаться в стенах города на ночь–

забраться в какой-нибудь теплый подвал или тайком пройти в зал одной из таверн. Он проследил взглядом за гвардейцами и снова дотронулся до планшета – нужно было записать еще очень много.

«...Что же касается брачных обычаев местного населения, то они, несмотря на кажущуюся беспорядочность, подчинены относительно жестким правилам...»

I

Би пошла принимать ванну первой.

На этом настояла Мириам, обнаружившая, что ванн на самом деле две – по одной в каждом конце коридора. В общей сложности на этаже размещалось с десяток номеров, их двери были выкрашены в теплый зеленый цвет. Би с Мириам достался пятый номер. Детей решили поселить напротив, в шестом, подальше от лестницы и большого человека, снимающего комнату внизу.

Обе ванны, снабженные электрическими нагревателями, оказались металлическими – именно такими, как запомнила Мириам. Би отнеслась к этому факту очень спокойно и ушла мыться, захватив с собой твердое мыло, полотенце и игольник. Мириам оставалось только надеяться, что по крайней мере купаться она будет без своего костюма.

Сама она решила сначала помыть детей. Двоих, поскольку, по ее мнению, Таня вполне могла справиться с этим сама.

Рок попытался было протестовать, но Мириам быстро объяснила ему, что тот, кто не вымоется, останется без ужина, и быстро раздев его и Тони, загнала их в ванну. Нагреватель включился не сразу, полившаяся из шланга вода была лишь слегка теплой. Велев Року не визжать, как девчонка, Мириам повернула регулятор температуры на середину и выдала детям кусок мыла. Дальнейшее напомнило ей сцену купания лошадей возле водной башни, виденную как-то давным-давно в Олайхоме – брызги, крики, и очень много веселья.

Выключив наконец воду и приказав Року растереться полотняным полотенцем и вытереть Тони, Мириам обнаружила, что сама она промокла до нитки – сухой осталась лишь куртка, которую она предусмотрительно сняла. Шлепая мокрыми ногами по полу, все трое вернулись в комнату, где своей очереди ожидала Таня – с полотенцем и сменной одеждой. Мириам отдала ей гребешок, остаток мыла, и проводив ее ванную, показала, как включить обогреватель. Она не помнила точно, сколько должна стоять горячая вода, но предположила, что Би это не очень взволнует.

Оказавшись снова в коридоре, в мокрых джинсах и майке, она некоторое время прислушивалась к тому, что происходит в гостинице. Было совсем тихо, только где-то далеко на улице слышались голоса и играла музыка. Переодеваться, чтобы потом сразу же пойти купаться, показалось ей лишним всякого смысла, и поэтому, сходя в свою комнату за полотенцем и гребешком, она направилась ко второй ванной, которую заняла Би.

Уже приблизившись к двери и взявшись за ручку, она вспомнила про игольник и постучала.

– Это я, Мириам, – сказала она.

– Входи, – раздался голос после долгой паузы.

Би лежала в блестящей стальной ванне, от которой поднимался пар, ее рука, очень белая на фоне металла, касалась досок пола и лежащего там игольника. Костюм, раскрытый и вывернутый, как раковина, каким-то совершенно непонятным образом сидел на скамье у входа, словно пародия на человека.

– Что-то случилось? – спросила Би.

– Нет, просто я промокла, а ванна занята. Можно я сразу за тобой помоюсь?

– Да, конечно, – с некоторым удивлением ответила Би.

Мириам повесила полотенце на крючок, с удовольствием стянула мокрую майку и принялась расстегивать джинсы.

– Что ты делаешь? – с еще большим удивлением спросила Би.

– У меня все мокрое, а тут тепло, – Мириам выжала джинсы прямо на пол и повесила их рядом с полотенцем. Воздух был полон пара, свет, пробивающийся сквозь маленькое мутное окошко у самого потолка, резал его клубы на части.

Мириам подняла гребешок с пола и подошла к ванне. Би лежала в воде, погрузившись по самый подбородок, и ее белая кожа просвечивала сквозь зеленоватую воду.

Мириам присела рядом и принялась расчесывать волосы. Пар оседал на кожу мелкими каплями. Би лежала неподвижно, закрыв глаза.

– Хорошо, правда? – не выдержала наконец Мириам.

– Да, – ответила Би, не открывая глаз, – даже не верится.

– Я очень люблю горячую воду. Ты же раньше часто принимала такие ванны?

– Да.

– Родители тоже их любили, но на нагрев воды уходило столько электричества... Обычно воду грели просто в баке на крыше, от солнца, и она была теплой. Это тоже очень приятно, когда ты ночью возвращаешься домой, и вода еще теплая.

– Да.

– У тебя такая светлая кожа. Смотри, – Мириам подвинулась ближе, и протянула руку рядом с плечом Би, – насколько у меня темнее.

– Я мало бывала на солнце. Светлая кожа... считалось, что это красиво.

– Это действительно красиво, только тебе нужно загорать осторожнее, у тебя совсем покраснела шея.

– Дело не только в красоте, в крепостях это считается признаком высокого положения, – Би подняла руку, рассматривая ее в луче света, потом повернулась к Мириам, положив подбородок на локоть, – только какое это теперь имеет значение? Сейчас я бы хотела быть такой же загорелой, как ты.

– Зачем?

– Это... непохоже на меня. – Би повернулась и села в ванне – слишком резко, так что вода плеснула через край. – Я приму душ и хватит, я достаточно расслабилась.

– Не нужно, я совсем не хотела тебе мешать.

– Ты не помешала, я же не могу лежать тут вечно. Включи обогреватель, пожалуйста.

Мириам положила гребешок рядом с игольником и поднялась. Шланг, отходящий от обогревателя, был снабжен разбрызгивателем на конце – как самый настоящий душ, о котором Мириам как-то читала в книжке. Она щелкнула переключателем, поставив его на середину, сняла петлю шланга с разбрызгивателя и повернулась к Би.

Та встала в ванне – как-то неловко, отвернувшись к стене. Без комбинезона она казалась еще более стройной, но совсем не такой худой, как Мириам, – под блестящей белой кожей резко выделялись мышцы. Мириам протянула ей душ, и Би взяла его, прикрыв второй рукой маленькую грудь.

– Ты меня стесняешься? – спросила Мириам, отойдя к обогревателю и включая воду. – Сказала бы сразу... я выйду.

– Не нужно, – Би подняла душ над головой. – Я просто отвыкла...

Она повернулась. Только сейчас Мириам заметила следы костюма – узкие красные полосы вроде тех, оставленных трубками, они ярко выделялись на белой коже, пересекали мускулистые бедра, скользили по плечам, выступали на рельефных мышцах живота как рисунок, что-то вроде боевой раскраски, отличающей воина. Вода, струившаяся по ее телу, делала их еще более заметными.

– Что-то не так? – спросила Би, заметив ее взгляд.

- Ты вся полосатая.
Би оглядела себя.
– А, это нормально. Они пройдут через пару часов, если не надевать костюм.
– А ты не будешь его надевать?
– Немного позже. Не стоит выходить без него на улицу – тут опасно.
– Наверное. Извини, я просто тоже не привыкла, что меня стесняются. Обычно стесняются мужчин.
– Это... не то.
– Нет, я поняла. Помнишь, как гвардеец на том посту пошутил... ну, насчет тебя и меня? Что ты и я...
– Помню.
– Ну так ведь это же неправда. Нам же обоим нравятся мужчины? – Мириам присела возле ванны. Би, моющая голову, фыркнула в ответ что-то неразборчивое, и Мириам сочла это за утвердительный ответ.
– Значит, и стесняться не нужно... наверное. Я тебя, например, совсем не стесняюсь. О, твоя татуировка. Бабочка... Только ты не говорила, что она цветная. Я таких вообще не видела: крылья синие, а усики красные... И еще ты сказала, что она у тебя на бедре, а она у тебя на...
Би обернулась и взглянула вниз, на Мириам.
– А что я, по-твоему, должна была тебе сказать?

II

Они спускались в зал по лестнице с деревянными перилами, и Мириам чувствовала себя совершенно другим человеком. После горячей ванны кожа казалась тонкой и непривычно гладкой, будто отполированной, и очень чувствительной – настолько, что прикосновение одежды царапало ее, как терка. Она выжала волосы, но собирать их в хвост не стала, и они, все еще влажные, скользили по ее плечам и норовили упасть на лоб.

До этого она никогда не видела Би в обычной одежде. Джинсы Мириам были для нее слишком коротки, и она надела полотняные штаны, оказавшиеся среди вещей, и одну из маек, короткую, с узкими шлейкам, открывающую плечи с розовеющими на них следами от костюма. Картину дополняли черные волосы, достающие до лопаток, и очень густые. Влажные, они колыхались в такт ее шагам и блестели под солнечными лучами, падающими сквозь отверстие с вентилятором в дальней стене.

К их приходу в зале включили свет, и девушка (видимо, из числа прислуги) накрывала на столы. Большой человек уже ел – перед ним стояло несколько тарелок, в его огромной руке ложка казалась не крупнее зубочистки.

Дети, спустившиеся под предводительством Тани чуть раньше, сидели за столом, расположенным неподалеку от входа, и, кажется, молились – их руки были одинаково соединены перед грудью, а губы шевелились.

Би прошла вперед, к стойке, и Мириам задумалась, глядя на ее блестящие волосы и уверенные движения: а на кого она, собственно, похожа в этой одежде? Кроме куртки и брюк, все в ней было странным – слишком светлая кожа, слишком странной формы глаза, слишком прямая спина, и руки – маленькие и изнеженные, несмотря на твердые мышцы, играющие под кожей. Она никогда не сошла бы за фермершу, или за жену купца, или за любую другую женщину, которую можно было встретить в пустыне. Она слишком сильно отличалась внешне, и Мириам до сих пор было страшно себе представить, насколько же она может отличаться внутренне – от нее, Тани, прочих людей, которых она знала. Какого рода

мысли могли ее мучить? От чего она страдала, и чем можно было ей помочь – если бы она согласилась эту помощь принять?

– За три дня, – сказала Би, отсчитывая кредиты. – Потом скажете, сколько за ванну и еду.

– Заплатите, когда удобно будет, – сказала хозяйка, которую, как уже знала Мириам, звали Мартой. – Главное, чтобы вам у меня понравилось, а по оплате сойдемся.

– Наверняка. В последнее время мало посетителей?

– Мало – не то слово. Один.

– А работники?

– Двое у меня, еще охранник был, ну так он ушел недавно.

– Почему?

– Да вот не понравился он моему постояльцу, тот его и напугал.

– Хороший охранник.

– Да я не сильно переживаю, тут место спокойное, застава гвардии рядом, патрули ходят. Не страшно. Да и про посетителя моего все слышали, никто уже и не суется.

Мириам обернулась на гиганта, который наверняка слышал их разговор, но и ухом не вел продолжая есть размеренно и совершенно невозмутимо.

– Мы выйдем в город чуть позже, а детей оставим тут. Присмотрите?

– Присмотрю, отчего же нет. Девочка, как я погляжу, умненькая, да и набожная такая...

– Это да.

– А что на ужин? – спросила Мириам.

– Каша гречневая, бобы, котлеты, могу и яичницу зажарить, и стейк, если хотите.

– Хочу, это же все очень вкусно, правда?

– Да уж недовольных не видела.

– Тогда мы будем стейк и яичницу. Би, ты же будешь яичницу?

– Да, нам надо лучше есть, пока можно. Кто знает, что будет завтра...

– Это вы правильно говорите, – сказала Марта, – Да и стряпня у меня такая, что пожалеете, если не попробуете.

II.

Би снова надела плащ поверх костюма. Мириам было страшно даже подумать, каково это ходить в плаще в такую жару, но, видимо, костюм действительно позволял не обращать на это внимания.

Таню оставили за старшую, с указанием при малейших признаках опасности подняться на второй этаж и закрыться в комнате. Впрочем, Марта уверила, что в этом необходимости не будет.

Когда они уходили, большой человек уже закончил ужин, и перед ним опять стояла бутылка с яблочным виски. По словам Марты, иногда он выпивал до двух таких за день, и при этом еще и уходил куда-то ночью. Би, услышав об этом, только покачала головой. К их новому соседу она относилась на удивление спокойно, видимо, не считая его опасным, и Мириам склонялась к тому, чтобы доверять ей в этом.

Она все чаще ловила себя на том, что прислушивалась к окружающим звукам, словно все еще была в пустыне. Город звучал совершенно иначе, даже за стенами гостиницы чувствовалось постоянное движение – далекие крики, разговоры, стук капель в стоках, музыка, играющая вообще неизвестно где, высоко, над самой крышей... Каждый незнакомый звук заставлял ее вздрагивать и часто оглядываться, словно песчаную мышь, высунувшуюся из своей норки у дороги.

Они вышли в жару из приветливой тени «Индюка» – и Мириам поняла, что за то время, пока они отдыхали, город изменился. На смену знойной полуденной тишине пришло движение: на улицах снова появились жители, беженцы, торговцы – все те, кого дневная жара загнала было в их убежища. Даже на маленькой площади перед «Индюком» развернулась пара лотков, предлагающих сладости и острые наперченные колбаски, а окружающие улицы из пустынных стали неожиданно оживленными.

Большинство прохожих были беженцами – или, по крайней мере, так казалось Мириам, успевшей перевидать их во множестве. Их отличали загорелые лица, грубые руки и одежда, а также нечто общее во взгляде – неуверенность, каким-то образом уживающаяся с агрессивностью и готовностью бороться до конца. Встречаясь с ними глазами, Мириам не знала, что делать – улыбаться или держаться за кошелек, чтобы его не сорвали с пояса. В нем было совсем немного денег (большую часть Мириам оставила в отеле, в узле под кроватью), но и их было бы крайне неприятно потерять. Кредитный лист Би взяла с собой, и Мириам была согласна с ней в том, что карман на поясе экзоскелета – это самое надежное место.

Солнце зашло за крыши, и теперь площадь пересекали глубокие тени от мостиков между кровлями и вышек. Одна из узеньких улочек, поднимающихся к вершине холма, вывела их к площади побольше, в центре которой на круглом кирпичном возвышении выступал священник – худой и совсем молодой, в пыльной черной одежде и с большим металлическим крестом, свисающим с шеи. Вокруг него столпилось с пару десятков горожан, и Мириам тоже прислушалась, но речь проповедника показалась ей несвязной – он кричал что-то о суде, о мерзости, бродящей между людьми, о том, что нужно очиститься... Би, остановившаяся было, огляделась по сторонам и начала проталкиваться между слушавшими. Вблизи голос проповедника звучал еще громче, и как-то визгливо... Невольно Мириам вспомнила спокойную улыбку Кейна, его тихий голос. Священники, или монахи, явно были совершенно разными, хотя, по идее, должны были преследовать одинаковые цели. Из задумчивости ее вывело прикосновение Би: та кивнула головой в сторону улочки, уводящей с площади, и Мириам пошла следом за ней.

Они пробрались через толпу вокруг лотков, разбросанных по краю площади и торгующих в основном сладостями и украшениями, миновали пеструю стайку девиц в ярких платьях, окружающих угловой вход в заведение с игривой цветной вывеской «Горькая ягодка», и пошли по переулку, начинавшемуся под высокой решетчатой башней такой высоты, что Мириам пришлось запрокинуть голову, чтобы увидеть красную черточку флага на ее вершине.

Верхний город, куда они собирались пойти, оставался чуть в стороне, и Мириам хотела было спросить, куда они направляются, но Би неожиданно ускорила шаг. Улица, застроенная домами из красного кирпича, с узкими окнами, в этом месте сужалась так, что кар не прошел бы. Мириам перешла было на бег, чтобы догнать Би – и только тогда заметила впереди, в просвете, медленно идущих навстречу людей.

Би остановилась и наклонила голову к Мириам:

– Когда я скажу – падай.

Мириам кивнула, все еще не совсем понимая, затем оглянулась – и убедилась, что и сзади, со стороны площади, к ним не спеша приближаются трое мужчин. Слегка похожие друг на друга, в одинаковых кожаных безрукавках, они были вооружены – по крайней мере у двоих, подходящих спереди, она заметила игольники.

Би положила руку на кобуру, и высокий мужчина, остановившийся перед ней, ухмыльнулся.

– Не торопись. У нас три ствола, у тебя один, подумай.

– О чем?

– Ты денег себе заработала, а не поделилась. Нехорошо это.

Би мягко шагнула ему навстречу.

– Я вас не знаю, зачем мне с вами делиться?

– Ты лист отдай по-доброму, тогда и познакомимся, – второй мужчина поднял небольшой блестящий игольник, целясь ей в живот.

– А своих в этой кишке не подстрелишь? – спросила Би, и мужчины переглянулись.

Би отбросила полу плаща и пнула в пах того, кто заговорил первым, с такой силой, что его ноги оторвались от земли. Не дожидаясь команды, Мириам кинулась в сторону и вниз, под стену. От противоположной стены донесся глухой удар, когда Би швырнула на нее второго наемника. Хлопнул чужой игольник, но Би уже прыгнула – в сторону и вверх, сначала на стену, так что брызнули осколки кирпича, а потом, оттолкнувшись от нее, – на оставшихся наемников, сбив с ног сразу двоих. Третий повел игольником следом за ней, но Би снова подпрыгнула, развернулась в воздухе, как волчок, и ударила его коленом в голову.

Наемник завалился вперед, словно ему подрубили ноги, а Би приземлилась на ближайшего из его товарищей, пытающегося подняться, вбив его в землю. Последний из наемников, быстро вскочивший после падения и все еще опирающийся на руку, замер напротив нее, не решаясь двинуться, и Би тут же хлестнула его по лицу – коротким малозаметным движением, которое Мириам уже видела во время драки с Кейном. Несмотря на кажущуюся легкость, удар швырнул его на мостовую, Би оглянулась, оценивая ситуацию, и присела с ним рядом.

Поняв, что основная опасность миновала, Мириам встала, отряхнула джинсы и подошла к ним. В наступившей тишине были слышны только всхлипывания первого наемника, которого ударила Би, и далекие крики священника на площади.

– Кто рассказал про лист? – спросила Би у наемника, снова пытающегося подняться. Вопрос почему-то вызвал у него улыбку, обнажившую редкие зубы.

– Так весь город знает, – он попытался отодвинуться, но она последовала за ним, наступив ему на руку.

– От кого знает?

– Известно от кого... люди стоят, люди смотрят.

– От охраны? – она качнулась вперед, вдавливая его руку в сухую пыль.

– Да, да... от охраны!

– Так передай, что в следующий раз жалеть никого не стану. Перестреляю, и все. Ясно?

Наемник тупо уставился на нее, видимо, лихорадочно пытаясь придумать хоть какой-нибудь ответ, так что Мириам даже стало его жалко. Би качнула головой, выпрямилась и ударила его ногой в живот, заставив согнуться пополам.

– Вы главного своего в больницу доставьте побыстрее, – сказала она, – а то ведь и умереть может.

Наемник пробубльнул в ответ нечто нечленораздельное, Би пожала плечами и отвернулась.

– Пошли.

Они двинулись по улице, ведущей обратно к площади. Мириам несколько удивило, что Би не стала собирать игольники. Не доходя до самой площади, свернули в еще один узкий переулок, у вышки, ведущий к вершине холма, и там Би замедлила шаг.

– Что с тобой? – спросила Мириам, заметив, что та прижимает руку к животу.

– Стейк... – ответила Би. – Он был явно лишним.

– Тебе все еще нельзя есть?

– Можно, но мне не стоило так прыгать после ужина, – Би прислонилась к стене и несколько раз глубоко вздохнула. – Ничего, это сейчас пройдет.

– А эти наемники, они выслеживали нас?

– Да, от самой гостиницы. Я заметила одного, который шел за нами, у площади он встретил остальных.

– Но мы пошли в переулок...

– Я боялась, что они попытаются прямо на площади, и мне придется стрелять в толпе.

– Но ты не стреляла...

– Эти наемники – те же фермеры, только с оружием.

– Но их много в городе.

– Я знаю. Где твой игольник?

– Оставила под кроватью.

– Больше так не делай. Бери его с собой, всегда.

– Я думала, здесь не так, как в пустыне...

– Нет. Тут гораздо опаснее, – Би оттолкнулась от стены и выпрямилась. – Пойдем, посмотрим на Верхний город, а то уже скоро начнет темнеть.

В эти ворота их тоже пропустили без проблем – вход стоил целых два кредита, и, судя по отсутствию толпы на входе, не многие желали платить столько за привилегию прогуляться по улицам Верхнего Хокса. К тому же они на первый взгляд не слишком отличались от улиц Нижнего города – разве что камней под ногами попадалось поменьше, и кирпич, из которого были сложены дома, казался светлее.

Однако чем дальше они поднимались к вершине холма, тем более явными становились различия – черты Верхнего города проступали неторопливо, словно плиты хайвея, появляющиеся из-под песка под осенним ветром. Дома становились все выше и выше, и все чаще в их окнах блестели самые настоящие стекла, а на улицу вели не деревянные, а обшитые металлом двери. Над улицами больше не нависали мостики и галереи, плоские крыши сменялись покатыми, покрытыми стальными пластинами или красной глиняной черепицей, а вывески на стенах сплошь и рядом светились даже при свете дня, приглашая в хорошо освещенные и чистые заведения, прячущиеся под легкими навесами, увитыми виноградом.

И люди здесь навстречу попадались совсем другие – в основном горожане, которых Мириам безошибочно отличала по какой-то особой мягкости во взгляде, жителям пустыни совсем несвойственной, и еще по десяткам мелких деталей – сережкам в ушах женщин, чистым волосам и аккуратным прическам, кольцам на руках мужчин, отсутствию оружия, выставляемого напоказ.

И смотрели они все как-то иначе – без страха, скорее с любопытством, даже на Би, и Мириам заметила, что им вслед оглядываются – и мужчины, и женщины.

Недолго пропетляв по улицам и металлическим мостикам, они вышли на площадку, венчающую одну из башен Верхнего города, – над треугольной площадью с возвышающимся посередине красно-белым шатром, раскинувшим по сторонам десятков тонких металлических опор, словно гигантский зонтик. С площадки открывался великолепный вид на другой холм Хокса – еще один город, ползущий вверх по склонам и оцетинившийся башенками и острыми углами металлических крыш.

– Смотри, церковь, – сказала Би, и Мириам было подумала, что она говорит про шатер, но там не было ничего похожего на церковь, только столики, стулья, и круглая барная стойка в центре, окруженная людьми. Потом она проследила за взглядом Би.

Церковь возвышалась на холме напротив – острый металлический конус с кирпичным основанием, увенчанный крестом, похожий скорее на механизм, чем на здание. Мириам никогда раньше не видела подобных церквей и не помнила ее по своему прошлому посещению Хокса.

– Нужно будет зайти туда, – сказала Би, – спросить про миссию. Таня сказала, что их миссия ехала сюда.

– Ты хочешь... оставить их там?

Би оглянулась на Мириам.

– Это их дом, разве нет?

– Наверное...

– Думаешь, нам стоит продолжать таскать их с собой?

– Мне кажется... мне кажется, что рядом с тобой им безопаснее.

– Безопаснее, чем в миссии?

– Да, ты же сама видела, что с ней стало.

– Ладно. Мы спросим, и тогда посмотрим, что делать дальше.

– Хорошо, а что... дальше?

Би все так же смотрела на церковь, но Мириам показалось, что она озадачена.

– Я не знаю, стоит ли мне уезжать отсюда.

– На юг?

– Нам нужно... мне нужно подумать... и поговорить с бароном.

– С Ястребом?

– Да. Хочу задать ему пару вопросов, которые не дают мне покоя.

– Каких?

– Например... как он рассчитывает защитить всех этих людей?

Би кивнула на шатер, люди под которым явно не думали о приближающейся к городу опасности – несколько мужчин, видимо, уже слегка навеселе, пели какую-то песню под музыку, раздающуюся от барной стойки, а остальные просто сидели у столиков. Четверо или пятеро молодых людей в дальнем конце шатра даже танцевали какой-то несложный танец, встав в круг.

– Горожане не боятся, – сказала Би, словно прочитав мысли Мириам. – Я видела, как сюда бегут тысячи людей, я видела лицо врага. Атланта закрыла свои ворота, но эти... эти ничего не подозревают. Они верят в своего барона, и мне интересно, действительно ли он настолько достоин доверия?

– А если он... действительно такой?

– Тогда я помогу ему.

IV

Сумерки спустились на город незаметно – только что жаркое солнце еще просвечивало между домами, и отражалось в окнах, и вдруг его сменили фонари, светящиеся желтым и белым, и вывески на стенах заиграли всеми цветами радуги.

Возможно, Мириам просто не заметила, как быстро летит время, – с утра произошло столько всего, что наступление вечера стало для нее очередной неожиданностью, превращением города вокруг в нечто новое и незнакомое.

Навстречу сумеркам открывались окна, роняя на улицу полосы электрического света, зажигались таблички у входов в магазины, цепочки огней отмечали арки над улицами и поднимающиеся над городом башни, и даже ветряные генераторы мерцали редкими огоньками, сливающимися от движения в тонкие разноцветные полосы, танцующие по кругу высоко в воздухе.

Чем ближе к вершине вели их улицы Хокса, тем более знакомыми казались они Мириам. Круговорот прошлогодней ярмарки несколько раз занесла ее сюда, но так и не позволила взглянуть на город как следует... В памяти осталась только танцующая и веселящаяся толпа, но не окружающие ее дома, и когда самая широкая улица вывела их наконец на площадь с круглой сценой посередине, Мириам не смогла удержаться от радостного возгласа – это место трудно было не узнать. Совсем недавно Мириам смотрела сюда через прицел

винтовки Кейна, недоумевая, чем же занимаются все эти люди, а теперь они с Би шли по этой самой белой мостовой, утрамбованной до каменной твердости, среди других горожан.

Мириам обернулась, читая вывески на зданиях, выходящих на площадь, – в городе это уже входило у нее в привычку. Большинство названий, как обычно, показались ей глупыми и бессмысленными – кроме уже виденной раньше «Сладкой Белочки» на площади располагались «Белая Кошка», «Кудесница», «Танцующая ящерица» и «Гелиотроп» – непонятное название, которое она прочитала два раза подряд, и едва удержалась от того, чтобы спросить Би о его значении.

Би тоже осматривалась вокруг с любопытством, совсем не смущаясь ответными взглядами прохожих. Только сейчас Мириам заметила, что большинство людей на площади одето очень чисто и аккуратно, словно на праздник. Белые платья девушек, казалось, светились собственным светом, как и их многочисленные сережки, ожерелья и браслеты, а мужчины в основном носили черные брюки, светлые рубашки с блестящими пуговицами и пояса для оружия с металлическими пряжками. На верандах перед несколькими заведениями она заметила пятна яркого цвета – это были девицы в разноцветных платьях, вроде той, что утром показала им дорогу. Почти против воли Мириам опустила взгляд на свои пыльные джинсы и короткую белую майку под распахнутой серой курткой.

– Хочешь мороженого? – неожиданно спросила Би. Мириам удивленно на нее посмотрела – та не улыбалась, но казалось, что все окружающее ее забавляет.

– Мороженого? – переспросила Мириам, – Это такое... сладкое?

– Ты никогда его не пробовала?

– Нет, я только слышала. Оно, наверное, очень дорогое?

– Давай узнаем, – Би двинулась по площади уверенной походкой, хорошо знакомой Мириам по их утренним блужданиям и очень странно выглядящей на площади среди мирно гуляющих пар. Мириам заметила нескольких гвардейцев, наблюдающих за ними издали. Возможно, их было больше, но ей пришлось ускорить шаг, догоняя Би, и она потеряла их из виду.

– А куда мы идем?

– В «Гелиотроп». Это должен быть ресторан.

– А почему именно туда?

– Потому что все остальное – бордели.

Би почти взбежала по невысокой лесенке, ведущей на веранду перед «Гелиотропом». Идущей за ней Мириам показалось, что она нарочно остановилась у входа на несколько секунд, давая всем посетителям ресторана себя рассмотреть. Ее пыльный плащ и черная броня выглядели в этом месте еще более чужеродно, чем одежда Мириам, но это, похоже, забавляло ее. Оглядев веранду, она без тени сомнения направилась к пустому столику в дальнем углу, освещенному лишь небольшим желтым фонариком на стене. Несколько пар, танцующих под тихую музыку в самом центре веранды, поспешно расступились. Идущая следом за Би Мириам почувствовала укол зависти, рассматривая золотые браслеты, тонкие серьги и красиво уложенные волосы женщин. В ответных взглядах она прочла недоумение, смешанное с плохо скрываемым презрением, и это заставило ее еще больше ускорить шаг.

Би выдвинула стул, стоящий у стены, и сбросила плащ, Мириам последовала ее примеру, стянув куртку и положив на свободный стул.

– Мне пойти что-нибудь заказать?

– Нет, – Би немного отодвинула стол в сторону, и уселась так, чтобы видеть весь зал, – к нам подойдут.

– Правда? – Мириам села, чувствуя косые взгляды посетителей на своих обнаженных плечах и шее.

– Подождем.

Ждать пришлось недолго. Мириам, рассматривающая заведение, едва успела пересчитать цветные фонарики на обшитых деревом стенах веранды – их оказалось двенадцать, и цвета ни разу не повторялись, – как к их столику почти подбежал немолодой уже мужчина с серебристой сединой на висках, одетый, как и большинство присутствующих, в черное и белое. В руках у него была тоненькая черная дощечка со следами записей.

– Простите, – сказал он быстро, глядя куда-то в стену между Би и Мириам, – но этот столик...

– Вы не официант, – прервала его Би.

– Собственно, я не...

– Мы хотели мороженого и кофе.

– Но этот столик...

– Мы его займем. А какое мороженое у вас есть?

– Но вы...

– Мы сами решим вопрос насчет столика. Мириам, ты будешь кофе?

– Я не знаю.

– Тогда два кофе – один двойной, один с молоком. И что насчет мороженого?

– Есть ванильное, виноградное, клубничное и с яблоком, – человек с дощечкой видимо смирился с упрямством Би, – еще к нему есть джемы...

– Джема не нужно. Клубничное и ванильное для начала.

Человек черкнул несколько строчек на своей дощечке и отошел.

– А что такое «клубничное»? – спросила Мириам.

– Это... ты попробуешь. Это такая ягода, она, кажется, не растет нигде, кроме как в крепостях.

– Правда? Но это, наверное, ужасно дорого. И кофе... я только слышала о нем. Мы только иногда пили чай, по праздникам, а кофе... про него мне рассказывала мама, и все. Я даже не знаю, что с ним делать.

– Пить, – Би осматривала зал, ее пальцы рассеяно поглаживали рукоять игольника на бедре. – Интересно, чей столик мы заняли.

– Мы сели за чужой столик?

– Да, иначе к нам не подбежал бы хозяин заведения.

Мириам задумалась.

– Но это нормально, что хозяин выходит к гостям.

– Не везде, – Би кивнула на приближающуюся к их столику девушку с маленьким металлическим подносом, на котором дымились две небольших керамических чашечки и блестела пара стеклянных вазочек побольше с чем-то цветным. На веранде играла негромкая музыка, и Мириам показалось, что девушка двигается в ее ритме, словно танцуя между столиками.

– Это мороженое? – спросила Мириам, когда девушка, сноровисто расставив перед ними чашки и вазочки, удалилась такой же танцующей походкой.

– Да, – Би взяла чашку с кофе, и вдохнула запах. – Надо же, пахнет почти как настоящий.

– Оно холодное? – Мириам осторожно потрогала мороженое ложечкой.

– Так и должно быть.

Мороженое оказалось кисло-сладким, с незнакомым привкусом, заставившим Мириам, пробуя, одну за другой проглотить несколько ложек и обнаружить, что ее язык больше ничего не чувствует.

Она бросила быстрый взгляд на Би, пьющую кофе маленькими глоточками, и потянулась к своей чашке. Кофе оказался сладким и очень горячим. Мириам так и не поняла, есть

ли там молоко, но вкус был довольно приятным, и она принялась пить его, заедая мороженым и стараясь подражать аккуратным движениям Би.

Она не заметила момента, когда в зале вдруг установилась тишина... Стихли разговоры за соседними столиками и шум в зале, и даже танцующие замерли. Мириам подняла голову от вазочки с мороженым, чтобы увидеть, как Би все так же аккуратно кладет ложечку в чашку и опускает руку на пояс.

У входа на веранду стояли четверо мужчин, и самый старший из них – высокий, седой, с узким ястребиным лицом – смотрел, казалось, прямо на Мириам. От этого взгляда – тяжелого, оценивающего – по ее коже мгновенно побежали мурашки. Мужчина кивнул кому-то в глубине заведения и не спеша пошел к их столику. Остальные трое следовали за ним в некотором отдалении. У самого молодого, одетого в расшитый серебром длинный пиджак, Мириам заметила кобуру с длинноствольным пистолетом, двое других были вооружены игольниками.

Мужчина остановился рядом с их столиком. Теперь он смотрел на Би, которая пила кофе, все так же не снимая руку с кобуры.

– Разрешите? – спросил он тоном, в котором Мириам услышала скорее приказ, чем вопрос.

– Сочту за честь, – ответила Би так же резко и поставила чашку. Мужчина уселся на свободный стул, а трое других расположились за соседним столиком, у стены, обозревая весь зал. Музыка, стихшая было при их появлении, зазвучала снова. Мириам смотрела в лицо седого мужчины и видела, как двигаются уголки его губ под серебристыми усами, словно он сдерживает слова, готовые сорваться с языка.

– Хорошее у вас мороженое, – сказала Би, положив ложку рядом с опустевшей вазочкой. – Свежее молоко, наверное, дело в нем. Откуда вы завозите ваниль?

– Из Атланты, – ответил седой.

– И клубнику?

– Да, и кофе тоже.

– Ах, да, и кофе... он тоже неплох.

– Я Иосиф Картель, глава торгового совета.

– Да? Я польщена. И как ваши торговые дела?

– Вы не представитесь? – Картель наклонился вперед.

– Нет, – Би смотрела на него в упор, – вы и так знаете, кто я.

Молодой человек за соседним столиком привстал было, но Картель остановил его коротким небрежным жестом.

– Неразумно мне грубить.

– Вы деловой человек, Иосиф. Вам принадлежит половина этого города – торговые точки, рестораны, мастерские, наверное, даже бордели. Правильно?

– В общем верно.

– О том, кто я, вам уже донесли самое позднее сегодня утром. Стоит ли нам терять время на формальности?

Картель откинулся назад на стуле и жестом подозвал одного из телохранителей:

– Закажи ужин.

Затем повернулся к Би и неожиданно сказал:

– Ты... похожа на него,

Би отпустила кобуру. Теперь ее руки в перчатках лежали на столе, среди вазочек и чашек.

– На кого?

– На нашего блистательного барона. Вы так любите все упрощать... Праймы все такие?

– Возможно. Нас создают для того, чтобы решать проблемы самым простым образом.

– Иногда даже слишком простым... Би. Выпьешь с нами?

– Я не пью.

– А твоя подруга?

– И она не пьет.

– Тогда, возможно, она танцует? – он слегка наклонил голову. – Мой сын, Дэвид, хотел бы пригласить ее на танец. Правда, Дэвид?

– Да, отец, – молодой человек с револьвером на поясе встал, и, обойдя столик, поклонился Мириам.

– Отказываться невежливо, – тихо сказал Картель.

Мириам бросила взгляд на Би, и та едва заметно пожала плечами. Тогда она поднялась, и протянула руку Дэвиду.

Пока они шли к центру веранды, Мириам лихорадочно пыталась припомнить хоть что-нибудь о танцах. Все ее познания в этой области ограничивались посещением ярмарки год назад, но танцевать с мужчиной так, как танцевали окружавшие их пары, ей не приходилось никогда.

Выйдя на середину, в пятно яркого света, Дэвид обернулся и снова поклонился ей, улыбнувшись. Улыбка ей совсем не понравилась – она была саркастической и фальшивой, и не найдя ничего лучше, Мириам поклонилась в ответ и замерла, не зная, что делать дальше. Дэвид шагнул к ней и обнял за талию. Взглянув на танцующую рядом пару, Мириам подняла руки и положила их ему на плечи. Они двинулись вслед за музыкой, Мириам засеменила, пытаясь угнаться за его шагами, и тут же наступила ему на ногу. Дэвид тихонько выругался себе под нос и крепче сжал ее талию, отчего она наступила на его ногу снова и еще больше растерялась. Вокруг двигались другие пары, столики, фонари... В поле зрения вплыл их столик, Картель что-то говорил Би, а она слушала, и в ее глазах мерцали уже знакомые Мириам недобрые огоньки.

– Куда ты смотришь? – спросил Дэвид.

– Никуда, – ответила Мириам.

– А на меня смотреть неинтересно?

Они покружились в танце еще несколько раз, Мириам уже попадала в ритм его шагов, но вдруг почувствовала, что комната завертелась вокруг нее слишком быстро и огни расплывались. Она немного замедлила шаг, но Дэвид неверно истолковал это.

– Тебе совсем не нравится танцевать со мной? – в его голосе прозвучала насмешка.

– Я не умею танцевать, разве не видно?

– Видно за милую.

Мириам остановилась, но он продолжал обнимать ее.

– Пусти, – сказала она.

– Да ладно тебе, — он все так же саркастически улыбался. – Ну кто тебя еще танцевать научит? Твоя подруга, что ли? А правда, что она – наполовину машина? Или наполовину мужик?

– Пусти, – сказала Мириам уже громче, так что некоторые танцующие оглянулись.

– Да не трепыхайся ты, хорек, часто тебя обнимают, что ли...

Договорить он не успел – Мириам глубоко вдохнула, чуть качнулась назад и что было силы ударила его головой в челюсть. Удар пришелся на середину лба, из глаз мгновенно брызнули слезы. Дэвид, явно не ожидавший ничего подобного, покачнулся и чуть не упал; рука Мириам, сорвавшись с его плеча, скользнула вниз, неожиданно наткнувшись на болевую рукоять, инкрустированную деревом.

– Ты... – Дэвид ухватил ее за плечи, собираясь то ли оттолкнуть, то ли встряхнуть, и замер, глядя вниз.

– Прострелить тебе ногу? – спросила Мириам каким-то совершенно чужим голосом. – Или что-то другое?

– Это...

– Дэвид! – голос Картеля прозвучал в тишине, охватившей зал, словно гром. – Дэвид, иди сюда.

Дэвид замер, отпустив плечи Мириам, и она воспользовалась этим, чтобы отойти. Револьвер оттягивал руку знакомой тяжестью... Вся в слезах, Мириам направилась к своему столику.

– Я думаю, это недоразумение, – сказал Картель, когда Мириам тяжело уронила пистолет на стол и уселась на свое место, вытирая слезы. Дэвид подошел следом за ней и встал за спиной у отца. Разбитая нижняя губа придавала ему обиженный вид.

– Оно не повлияет на мое решение, будьте уверены, – холодно сказала Би и посмотрела на Мириам. – Это... недоразумение.

– Я все равно полагаю, что моему сыну стоит принести извинения.

– Не нужно, – сказала Мириам.

– Но...

– Пусть забирает свой пистолет, – сказала Би. – И в следующий раз держится за него, когда танцует.

Один из охранников у стены хмыкнул. Картель тоже улыбнулся – одними губами – и залпом опрокинул свою рюмку.

– Ему еще предстоит научиться обращаться с женщинами, – сказал он. – Удивительно, что маленькая леди вообще подняла эдакую пушку...

– У меня был такой, – сказала Мириам. Слезы уже высохли, и в ней медленно закипала злость на этих людей – разряженных, богатых, считающих себя гораздо выше всех остальных.

– Действительно? Это старинная модель, переделанная под...

– Я застрелила из него человека, – Мириам без спросу взяла вторую рюмку, стоящую на столе, и также залпом выпила. Там оказался виски, жар ударил в небо и растекся по пищеводе – в животе сразу потеплело, огни вокруг стали ярче, и пелена слез окончательно растворилась.

Картель удивленно поднял брови.

– Пусть приложит ложку к губе, – сказала ему Мириам, – или пусть мороженого съест. А то ее сейчас раздует раза в два.

– Он это переживет, он мужчина. Я говорил ему, что глупо носить эту игрушку на поясе... и недооценивать людей, – Картель поднял револьвер со стола. – Это хорошее старое оружие, отличный инструмент, но это не серьга и не кольцо на пальце. У каждого инструмента свое предназначение, и эта маленькая леди знает его лучше, чем ты, слышишь, Дэвид?

– Инструменты бывают разными, – заметила Би и продолжила, видимо, возвращаясь к прерванному разговору – Мы говорили о группе наемников, работающих на вас...

– Я заключил договоры с двумя группами, охраняющими бизнес по городу, – Картель положил револьвер обратно на стол.

– Черные безрукавки, черные нашивки с желтой буквой...

– Это не буква. Группировка Молоты, молот на нашивке. Как мальчишки, но с ними стоит считаться.

– И они охраняют ваш бизнес?

– Да, и хорошо это делают.

– Сегодня днем шестеро из них попытались нас ограбить.

– Они – вас?.. Вы обратились к шерифу?

– Нет, зачем? Если у вас в городе есть больница, он еще долго сможет найти их там.

– Это неприемлемо. Я разберусь и накажу виновных.

– С этим вы опоздали. Как я понимаю, барон в подобных случаях тоже не отличается мягкостью?

– Он иногда поступает слишком жестко, не принимая во внимание ситуацию. Барон – воин, а не деловой человек.

– Как и я, Иосиф.

– Оставайтесь ужинать. Нам найдется что обсудить. Хотя мы не очень хорошо начали, но это поправимо.

Би встала из-за стола.

– Мы поужинаем в отеле, у нас был очень трудный день. Спасибо, что составили компанию.

– Не забудь о моем предложении... Би.

– Не забуду, – Би развязала кошелек и высыпала на стол горстку кредитов. – Это за мороженое и кофе.

– Все за счет заведения.

– Я не люблю быть в долгу, – Би подала Мириам ее куртку, которую она оставила лежать на стуле. – Вы тоже, как я подозреваю?

– Верно. У нас все же есть нечто общее, не так ли?

Би запахнула плащ, и Мириам, уже привыкшая читать ее движения, не увидела в них ни малейшей расслабленности – Би была собрана и напряжена, словно перед боем.

– Да, есть... отношение к орудиям, – сказала она. – Прежде чем использовать инструмент, стоит убедиться, что он не поранит... владельца.

– Я знаю, что делаю, прайм, – Картель тоже встал. – Я давным-давно уже не мальчишка, который берет в руки пушку, чтобы похвалиться ее размером.

– Размер не важен... Нельзя сражаться тем, что не можешь удержать в руках.

V

За то время, которое они провели на веранде «Гелиотропа», сумерки успели плавно перетечь в ночь, но на площади темнота так и не наступила. Похолодало, Мириам запахнула куртку и по привычке посмотрела вверх, на звезды – но их не было. Небо словно светилось само, в низких облаках отражались желтые огни города, и даже за ними, в разрывах, темнота была какой-то ненастоящей, насыщенной электрическим светом. Ночь в Хоксе совсем не была похожа на ночь, по площади все еще ходили люди, там играла музыка, в заведениях кто-то пел, танцевали девушки... Город и не собирался засыпать. Мириам пошла следом за Би, для которой, казалось, все это было привычно. Они обогнули группу гвардейцев, окруживших пару богато одетых молодых людей, с такими же тяжелыми револьверами, как у Дэвида. Один из гвардейцев – видимо, старший, небольшого роста, с жестким грубым лицом – обернулся и кивнул им с Би, словно старым знакомым. Би кивнула в ответ, и тот вернулся к своим делам, втолковывая что-то юношам с оружием.

В несколько шагов Мириам догнала Би.

– А кто это был?

– Видимо, шериф. У него звезда на наплечнике.

– Шериф Хокса? А ты его знаешь?

– Нет. Но он про нас уже знает. Как и все в этом городе, похоже.

– Это... про тебя?

Би промолчала. Они шли по улице, и Мириам готова была поклясться, что с наступлением ночи прохожих здесь стало еще больше.

– А что тебе предложил этот Картель?

Би посмотрела на Мириам, почти бегущую рядом с ней, чтобы не отстать.

– У тебя шишка, и будет синяк. Если бьешь головой, то нужно бить вот этой частью лба, чуть выше, там кость толще, ее не разобьешь.

– Я знаю, меня этому учил отец... приемный. Он показывал, как нужно делать, если тебя хватают вот так, но у меня это не совсем получилось.

– Что тебе сделал этот Дэвид?

– Он вертел меня, как куклу. Назвал хорьком, – Мириам почувствовала, как на глаза снова наворачиваются слезы, – а потом он меня схватил...

– Дурак, – сказала Би, – богатый мальчишка. Ты серьезно собиралась его подстрелить?

– Это случайно вышло, но я... я не знаю.

– Стоило бы, но тогда у нас были бы серьезные проблемы в этом городе.

– Извини...

– Нет, ты все сделала правильно, просто если в следующий раз возьмешься за пистолет – будь готова стрелять.

– Я поняла.

– И не забывай никогда дома игольник, от него будет больше толку, чем от револьвера.

– Я не забуду, но я совсем не умею из него стрелять.

– Это поправимо, я тебя научу. Я видела гвардейское стрельбище недалеко отсюда, за деньги нас туда пустят.

– Правда научишь?

– Да.

– А... что он все-таки тебе предложил?

– Работать, – Би плотнее запахнула плащ, – на него.

– Кем?

– Его мечом. Его револьвером, его пугалом.

– И ты согласишься?

– Нет.

– Почему?

– У него трения с бароном, это видно, он собирает собственную гвардию из наемников, и к тому же ты разбила морду его сыну.

– А. сколько он тебе предложил?

– Какая разница, если я все равно не собираюсь соглашаться?

– Ну... интересно.

– Две тысячи кредитов сначала, и еще больше потом.

– Две тысячи...

– Это много? Я все еще не очень разобралась с их ценностью.

– Да, много. Это как... огромная ферма, с кучей работников, со стадом коров и целыми акрами яблоневых садов...

– Ты бы хотела такую?

– Что?

– Ты бы хотела такую ферму, со всеми этими коровами и яблонями?

– Я... я... – Мириам пыталась заглянуть в лицо Би, идущей рядом, но та шла слишком быстро, так то ей приходилось то и дело переходить на бег. – Если бы ты спросила год назад, то я бы точно этого хотела, а сейчас...

– Что?

– Сейчас я – как ты.

– То есть? – Би замедлила шаг, внимательно глядя на нее.

– Теперь у меня нет никого кроме тебя... ну и детей. И все. И я понимаю, что все может быть очень, очень плохо... и я просто не знаю, чего мне теперь хотеть.

Они вышли к маленькой площади, на которой находился «Индюк», когда темнота сгустилась еще больше. Нижний город не был так хорошо освещен, как Верхний, и без Би Мириам уже давно бы заблудилась в хитросплетениях его темных улиц, но Би, похоже, запоминала дорогу с первого раза и безошибочно выбирала направление среди совершенно одинаковых, по мнению Мириам, переулков. Здесь на улицах попадалось гораздо меньше народу – только иногда быстрым шагом проходили небольшие группы горожан и неторопливо шествовали гвардейские патрули. Би то и дело оглядывалась, но, похоже, никакой опасности не было – по крайней мере, такой, о которой она сказала бы Мириам.

Вход в «Индюка» оказался совершенно неузнаваем в темноте, как и площадь... Мириам даже растерялась было, когда увидела, что Би идет по каким-то ступенькам в подвал под одним из домов, и только потом рассмотрела знакомые очертания вывески над головой. Ни одно окно в гостинице не горело, что не было странным, учитывая отсутствие посетителей, но все же Мириам стало немного не по себе, когда они спустились вниз и Би толкнула такую знакомую дверь.

В зале горел свет, и Мириам не сразу поняла, почему Би остановилась, оглядывая зал. Большой человек сидел на своем месте, на его столе стояла бутылка виски, наверняка уже не первая, и несколько желтых лампочек над баром едва разгоняли темноту.

– Пахнет кровью, – сказала Би. – Что здесь случилось?

– Марта! – позвала Мириам, и тут до нее с некоторым опозданием дошли слова Би. Она оглянулась, но все вокруг было так же, как и до их ухода... почти так же. Мебель стояла немного иначе, и сломанных стульев в углу прибавилось. Би обернулась, провела рукой по дверному косяку, и Мириам с ужасом увидела на нем темное пятно, словно на него плеснули чем-то алым и вязким.

– Кровь?

– Да, – Би отбросила в сторону плащ и выхватила из кобуры игольник. – Что тут случилось?!

– Не кричи, – сказал большой человек.

Би пересекла зал быстрыми шагами, отшвырнув в сторону оказавшийся на пути стол. Гигант спокойно проследил за его полетом, а затем так же спокойно посмотрел в ствол игольника, направленного на него. Мириам снова показалось, что в его глазах нет ничего, кроме грусти – как в прозрачных зеленых озерах посреди страшных, изъеденных огнем скал его лица.

– Разбудишь Марту, – сказал он.

– Где дети? – спросила Би.

– Спят, наверное. Они наверху. Когда тут началось, девчонка их сразу наверх уволокла. Молодец, смысленая.

– Что началось?

– А то ты не знаешь? – гигант улыбнулся, блеснув металлическими зубами. – К вам гости приходили. Искали двух девиц, одну черненькую, вторую посветлее.

– Кто искал?

– Наемники... Молоты, человек десять, – гигант потряс стоящую на столе бутылку, но она была пуста. – Чем ты им так насолила, прайм? Яйца прищемила?

– Скорее отбила, – Би убрала игольник в кобуру. – Что было потом?

– Уходить они очень не хотели, вот что. Хозяйке грубили, про детей расспрашивали. Я им один раз спокойно сказал, чтобы шли, так они стволы достали.

– А кровь откуда? – Би пододвинула стул и уселась напротив гиганта, Мириам встала рядом.

– Да они собирались быстро, не все в двери попали. А стволы я за стойку покидал, может, Марте пригодятся. А на тебя они в городе вышли?

– Да.

– И сколько их было?

– Шестеро.

– Точно идиоты. Попали под прайма, как дерьмо под колесо, – металлические зубы снова блеснули, но глаза остались грустными. – Теперь не любят тебя Молоты, правильно, прайм?

– Правильно, Арго. И тебя они теперь не любят.

– Узнала, значит... Я это сразу понял, как только вы в двери зашли. Но ведь не сказала ничего...

– А что тут говорить?

– Вы знакомы? – спросила Мириам, тоже присаживаясь к столу.

– Нет, – сказала Би, – но я много раз его видела. Его вообще многие знают.

Гигант только покачал головой, снова встряхнул бутылку, встал и пошел за стойку – видимо, за следующей.

– Он гладиатор, – пояснила Би. – Непобедимый Титан Арго, один из самых известных.

– А гладиатор – это кто?

– Боец за деньги. В крепостях транслируют такие бои, и там его все знают. Правда?

– Верно, – Арго, вернувшийся к столу, взвесил в руке бутылку с виски, казавшуюся совсем миниатюрной по сравнению с его габаритами, осмотрел пробку, потом ухватил горлышко зубами и откусил. Мириам ахнула, а Арго, довольный произведенным эффектом, выплюнул стекло куда-то в сторону и наполнил свой стакан.

– Будете?

– Нет, – сказала Би.

– И зря. У Марты отличный перегонный аппарат, – Арго выпил свой стакан залпом, как рюмку, и со стуком поставил на стол. – Хочешь что-то спросить, прайм?

– Что ты делаешь здесь, Арго?

– Сама не видишь? Пью.

– Ты – один из самых известных бойцов Колоссеума. У тебя есть все – деньги, женщины, слава. Что ты забыл здесь, в этом маленьком городе посреди пустыни? – Би подалась вперед. – Такие, как ты, не могут просто уйти, не так ли?

– А такие, как ты? – Арго снова наполнил стакан. – У тебя в голове железо стоимостью в половину этого города... Ты могла уйти?

Би промолчала. Арго обхватил стакан огромными руками, но пить не стал.

– Ты права в одном – у меня много денег, а в этом городе полно шлюх, которых можно менять хоть по три раза в день, и Марта отлично готовит. И я пью, пытаюсь напиться, и хочу забыть... а это место ничем не хуже любого другого.

– Забыть?

– Нет, прайм, не нужно меня расспрашивать, иначе я захочу услышать твою историю, а она может быть куда хуже моей, так ведь?

– Да, – сказала Би и встала. – Мы пойдем наверх.

– Ладно. А я еще посижу, – Арго наклонил голову.

– Ты действительно дрался за деньги? – неожиданно для себя самой спросила Мириам.

– Да, – помедлив, ответил Арго.

– Разве это правильно? Я всегда думала, что мужчина должен драться, защищая свой дом, жену и детей...

– Мириам, пойдем, – сказала Би.

– Не знаю, – Арго наклонил голову еще ниже. – Я больше ничего не умею, девочка. Я даже напиться нормально не могу – адреналиновые усилители сжигают весь алкоголь. Умею только драться, и все.

– Меня зовут Мириам. Я хотела сказать тебе спасибо за то, что ты защитил детей, – Мириам встала. – Спокойной ночи... Я попрошу Марту завтра утром сварить суп, тогда голова с перепоя не так болеть будет.

Арго ничего не ответил. Би подобрала плащ, брошенный у входа, и они пошли наверх.

– А с кем он дрался? – тихо спросила Мириам, когда они поднимались по лестнице.

– С другими гладиаторами, – ответила Би. – Как правило, они сражаются не насмерть, древним оружием вроде мечей и топоров. А он – один из самых лучших, и я просто не понимаю, что он здесь делает.

– Ему очень плохо... мне так кажется.

– С ним лучше быть осторожнее. Давай посмотрим, как там дети.

Они поднялись наверх, в коридоре Би оглянулась.

– Шестой номер, правильно?

Коридор освещался только одной лампочкой, в самой середине, но Мириам и так помнила, где находится их дверь. Разглядев цифру «6» на двери, она нажала на ручку, но дверь не поддавалась.

– Они наверняка закрылись, – сказала Би, – постучи.

Мириам пришлось стучать минуты три, пока они не услышали легкий шорох с той стороны.

– Это я, Мириам, – сказала она в дверную щель. – Все нормально.

Дверь распахнулась. В проеме стояла заспанная Таня с игольником Мириам в опущенной руке.

– Извини, – сказала она и зевнула. – Мы заснули, пока вас ждали. Там такое случилось...

– Знаю, – прервала ее Мириам. – Ты все сделала правильно.

– Я взяла твой пистолет на тот случай, если бы они решили подняться наверх.

– Правильно. Рок и Тони спят?

– Давно, они же еще маленькие. А что вы видели в городе?

– Я завтра расскажу. Ложитесь спать, и не забудьте закрыть дверь.

– А можно, я лягу с вами?

Мириам оглянулась на Би, но та только пожала плечами.

– Ты уже взрослая – сказала Мириам. – Закрой дверь, а мы будем прямо напротив вас.

– Хорошо, – сказала Таня, зевая, и протянула ей пистолет.

– Закрывайтесь, и спокойной ночи. Чуть что – мы вас сразу услышим.

Мириам пропустила момент, когда Би сняла костюм. Она расчесывала волосы, стоя у окна, и обернулась на странный шипящий звук, чтобы увидеть, как экзоскелет оседает на кровать, словно усталый человек, а Би заворачивается в одеяло.

– Я иду в душ, – сказала Би.

– Хорошо, – ответила Мириам, – а я буду спать.

Би вышла. Мириам еще некоторое время расчесывала волосы, думая о том, что было бы здорово принять душ перед сном, и зря она не подумала об этом раньше... Но прожитый день наваливался на нее все более и более неподъемным грузом, смыкая веки, и она уже не очень хорошо помнила, как расстегивала джинсы и стягивала майку.

Кровать была на пружинах, одеяло – шершавым и теплым, а подушка – в меру мягкой, и Мириам почти сразу провалилась в сон, чтобы тут же вскочить, оттого что кто-то мягко прикоснулся к ее плечу.

– Извини, – сказала Таня, – совсем не могу заснуть. Можно я лягу тут?

Мириам молча подвинулась, освобождая место. Таня забралась к ней под одеяло и завертелась, устраиваясь удобнее.

– Ты спишь голой? А тебе не будет холодно?

– Нет, – ответила Мириам и обняла ее. Она была теплой, ее волосы пахли цветочным мылом... Мириам провалилась в этот запах, как в яму.

Она так и не поняла, что ей снилось, – сон прервался неожиданно, осталось только ощущение нереальности происходящего... Мириам оглядела комнату, освещенную узким лучом фонаря, падающим в окно. Би спала, лежа на спине и положив игольник на живот, рядом тихонько дышала Таня, и Мириам не сразу поняла, что ее разбудило.

Звук на улице повторился, точнее, даже не звук, а намек на него; она уловила какое-то движение... тени, мелькающие в свете фонаря. Осторожно сдвинув Таню в сторону, Мириам выскользнула из-под одеяла и подошла к окну, которое выходило на площадь перед «Индюком». Ей потребовалось несколько секунд, чтобы протереть глаза и понять, что она видит.

В тусклом электрическом свете в центре площади двигался Арго – огромный, обнаженный до пояса. Металл блестел на его черепе, руках и ребрах... Он нырял, вертелся, перекачивался, прыгал, словно сражаясь с невидимым противником, очень быстро, гораздо быстрее, чем можно было бы ожидать от человека его размеров. Мириам как замороженная наблюдала за тем, как он швыряет кого-то несуществующего, уворачивается от его ударов, подсекает, бьет ногами и головой... Внезапно он остановился и поднял голову, глядя точно в ее окно.

Мириам поспешно отступила в тень, не зная, можно ли увидеть ее снаружи. Гигант смотрел в ее сторону еще некоторое время, по бугристым мышцам стекал пот, блестя в свете фонаря, и Мириам, почти стряхнув сон, отчетливо видела его лицо.

Глаза Арго, стоящего ночью посреди маленькой площади в Хоксе, были полны тоски.

Глава III

Интермедия III

Веронике снился сон.

Она знала, что это сон, потому что здесь она была не собой, а кем-то другим. Чужие чувства и чужой голос... Она знала, что уже видела этот сон не раз, и он снова вернется через несколько ночей.

Пустыня неслась ей навстречу, видимая явно не человеческими глазами – слишком широкий обзор, слишком приглушенный солнечный свет, слишком много деталей, невидимых человеку. За нее смотрели приборы, мощный мотор равномерно гудел где-то позади, и ощущения машины сливались с ее собственными, дополняя друг друга.

Губы Вероники шевелились, произнося что-то, но она не слышала собственных слов, ее наполняла странная, лихорадочная радость, причин которой она тоже не знала. Древний хайвей, по которому она ехала, едва проступал под песком, но «зрение» машины позволяло ей видеть каждую трещину в бетоне, каждый песчаный холм. Вероника чувствовала самонаводящиеся ракеты в недрах своего кара, ощущала готовность крупнокалиберных пулеметов и жаркую тяжесть заряженных конденсаторов боевого лазера. Впереди была цель – она видела ее в не осевшей еще пыли над хайвеем, отпечатках на песке, остаточном радиоизлучении впереди. Чужая радость наполняла Веронику, и вместе с ней – чувство обреченности, необратимости происходящего.

Ее губы шевелились, не произнося ни звука.

Она почувствовала первую машину за секунду до того, как та открыла огонь из тяжелой минометной установки. Далеко впереди, среди дюн, несколько раз вспыхнуло белое пламя, но Вероника уже маневрировала – или это делала машина: они слились настолько, что различий больше не было.

Рассчитанные траектории мин легли слева и чуть впереди, и Вероника вывернула в непосредственной близости к ним – поднявшиеся через секунду черные деревья взрывов скрыли ее кар от стрелков, не давая им прицелиться снова.

Она вылетела на холм, увидела всех троих... и хорошо знакомый спазм стиснул ее горло – но сразу освободил, оставив ощущение пронзительной ясности происходящего. Вероника вглядывалась в свой собственный сон, словно сквозь прозрачное стекло, и понимание происходящего росло в ней с каждым ударом сердца.

Это был не сон. Она в точности знала, что произойдет сейчас здесь, на краю Эрга, – потому что это было ее собственное воспоминание, память, которая прокручивалась сейчас, словно запись древнего фильма.

Маленькая крупинка настоящей Вероники.

Ее кар не успел коснуться земли, когда она открыла оружейные порты. Враги были еще далеко, но она видела всех троих в десятикратном увеличении, видела каждую царапину на броне их тяжелых боевых машин. Двое начали разъезжаться, обходя ее, а третий, на тяжеловооруженном вездеходе с ярко-красными разводами на броне, остался на месте. Стволы минометов на его крыше вспыхнули снова, но это было уже скорее жестом отчаяния – упреждение оказалось слишком большим, и мины легли далеко впереди, оставив в полотно хайвея еще несколько воронок.

Игнорируя минометчика, Вероника направила машину к противнику, заходящему слева. Оплавленная и иссеченная осколками лобовая броня его кара напомнила ей человеческое лицо, искаженное в уродливой гримасе... Он не выдержал и открыл огонь из пулеметов, когда между ними было еще не менее трехсот метров. Песчаные фонтанчики взлетели далеко в стороне, Вероника закрыла левый порт и выжала газ, выворачивая на небольшое песчаное возвышение. Случайная пуля ударилась о броню, рейдер снизил скорость, пытаясь поймать ее в прицел, но ее чувства, единые с чувствами машины, уже работали, оперируя образами поверхности, углами и скоростями. Ее кар подпрыгнул на возвышении и очередь из правого пулемета ударила сверху вниз, через кабину рейдера и его оружейный порт. Борт разворотило, не менее трех снарядов попало в кабину, несколько секунд тяжелый кар еще летел вперед по инерции. Вероника вырулила в сторону, уходя от столкновения, оставляя дымящийся кар между собой и вторым противником, и наблюдая, как вдалеке приходит в движение третий враг, с красными разводами на броне. Что-то в нем беспокоило ее, какое-то чувство, оживающее в ней самой, когда она думала о нем, о квадратных очертаниях этого кара с ломаными линиями раскраски.

Она сбросила скорость, разворачиваясь так, чтобы противники были на одной линии. Камни полетели из-под колес, она описала круг и выжала газ – позади и чуть в стороне взорвался тяжелый снаряд. В десятикратном увеличении она видела, как медленно поворачивается турель тяжелой пушки на крыше второго противника – и затем увидела его еще с двух сторон одновременно, когда из слотов, скрытых сразу за кабиной ее кара, стартовали ракеты.

Она чувствовала их, как чувствовала машину, словно свои собственные руки, неподвижно лежащие сейчас на подлокотниках узкого пилотского кресла. Одна ракета ушла вверх по дуге к красному термическому пятну солнца, другая понеслась вперед, следуя неровностям рельефа. Рейдер успел выстрелить из пушки еще раз, подпрыгнув на очередном камне, и снаряд взорвался далеко в стороне. Ракета ударила его в момент прыжка, под броневой лист, прикрывающий переднее колесо, напрочь оторвав его и бросив машину набок, прямо под пулеметы Вероники. Тяжелые керамические снаряды вспороли днище рейдера, лишенное брони, и Вероника обошла вспыхнувшую машину по узкой дуге, сближаясь с третьим противником. Ракета, вышедшая в зенит, падала теперь на него, квадратные очертания его броневики заполнили поле зрения Вероники, заставив вспыхнуть ограничители экзоске-

лета, предупреждающие об опасном ускорении сердечного ритма, но и без того Вероника чувствовала, что что-то не так, что спазмы в ее теле не имеют отношения к этому бою.

Он даже не успел выстрелить. Упавшая сверху ракета застала его врасплох, ударив в выемку на броневом листе, прикрывавшем крыло, вбив переднюю часть броневика в землю, словно удар молота. Машина перевернулась мгновенно, ускорение швырнуло ее в воздух, делая траекторию абсолютно предсказуемой, и Вероника открыла огонь, расстреливая рейдера прямо в полете.

Время замедлилось. Она видела, как керамические снаряды впиваются в тяжелую броню, как проходят они сквозь уязвимый металл днища и бронестекло кабины, как летят осколки керамики и пластика, как машина с красным рисунком вспыхивает прямо в воздухе, и с каждым попаданием в ней что-то менялось, словно открывались какие-то невидимые дверцы, выпуская на волю обрывки воспоминаний. Боль, десятки оттенков боли пронизывали ее с каждым выстрелом, отдавая кусочки памяти, ничего для нее не значащие, но врывающиеся в ее сердце, словно иглы. Только когда счетчик зарядов мигнул красным, она поняла, что все уже кончено, – и услышала свой собственный крик. Рейдер горел, превратившись в грудку металла, и еще не успев понять, что делает, она распахнула кабину и выпрыгнула на горячий песок. Крик жег ей горло, она сбросила игольник с плеча и кинулась к нему.

Первая очередь ударила в огонь, и она вспомнила имя – Роберт. Она знала, что он умер в тот момент, когда снаряды взорвались в кабине красного рейдера, она знала это... Но этого было мало, и иглы били в костер, и она выкрикивала какие-то имена, а может быть, проклятия... Потом, когда игольник опустел – швырнула в огонь и его. Словно со стороны смотрела Вероника на то, как она падает на колени у горящих обломков, как говорит им что-то – но сон уже заканчивался, он всегда заканчивался именно так, и она не могла понять ни слова.

Она – или уже не она? – еще долго сидела на песке у своего кара здесь, на краю Эрга, глядя на пылающую могилу врага.

I

Мириам разбудило солнце.

Его луч коснулся ее плеча, заставив сначала перевернуться на другой бок, а потом натянуть одеяло на голову. Мысли текли лениво и вяло – никто не пришел ее будить, колокольчик во дворе не звенел, и значит, никто не торопился набирать воду с утра, и никто из жильцов не нуждался в ней... Можно было еще понежиться в кровати. Она опять перевернулась на другой бок – и почувствовала, что там не хватает чего-то... или кого-то. Это поставило ее в тупик, ведь за все время, пока она содержала двор, постель с ней не делил ни один мужчина.

А потом Мириам вспомнила, где она...

...и вскочила, отбросив одеяло в сторону. Кроме нее, в комнате никого не было, с улицы доносились человеческие голоса, гомон и выкрики торговцев, а на кровати Би, аккуратно застеленной, блестел в луче света игольник Мириам.

Свои вещи она обнаружила в полном беспорядке на тумбочке – видимо, так она их оставила вчера. Вытащив из-под своей кровати один из узлов с вещами, она достала свежее полотенце, мыло и джинсы. Костюма Би в комнате видно не было, и это ее успокоило – где бы воительница ни была, дети наверняка оставались рядом с ней, под защитой ее брони.

С этой мыслью Мириам завернулась в полотенце и направилась в ванную.

В гостинице стояла тишина... Прислушавшись, она различила детский смех, доносящийся откуда-то снизу, и окончательно успокоилась.

Ванная была пуста и наполнена паром – видимо, кто-то принимал горячий душ. Мириам решила ограничиться холодным, но потом, плеснув воды в лицо, передумала – кто знает, когда еще представится шанс помыться в горячей воде.

Держа над собой разбрызгиватель, она думала: возможно, когда-нибудь и у нее будет настоящий дом и достаточно денег, чтобы позволить себе горячую воду каждый день. Раньше ей нравилось мечтать об этом, но сейчас фантазия отказывалась, цельная картина будущего не складывалась – она никак не могла представить себе мужчину, который станет хозяином ее дома... Слишком много других лиц мелькали перед ней – лица детей, горожан, и даже мертвых рейдеров, которых она меньше всего хотела видеть.

Поняв, что снова засыпает – даже стоя! – она выключила душ и выбралась из ванной. Сейчас воздух казался прохладным... Расчесывая волосы перед маленьким зеркалом на стене, Мириам искала в себе сходство с хорьком – слова Дэвида обидели ее гораздо больше, чем можно было подумать. Би, мама и многие мужчины говорили ей, что она красивая, но сама Мириам затруднилась бы сказать, в чем состоит эта красота... По ее собственному мнению, у нее была слишком маленькая грудь, и вообще она была слишком худой, потому что когда потягивалась, видны были ребра.

Прополоскав рот зубным эликсиром, она натянула джинсы и майку, волосы собирать в хвост не стала. Вернувшись в комнату, оставила там мокрое полотенце и подобрала игольник. Носить его за поясом джинсов оказалось не очень удобно, он был великоват, и ей снова пришлось лезть под кровать – там в одном из узлов лежала целая связка разнообразных ремней, собранных Би. Мириам, никогда не имевшая дела с ношением оружия, с трудом распутала этот клубок и выбрала две не слишком больших связки, похожих на конскую сбрую, с подходящими по размеру кобурами. Около десяти минут ушло у нее на то, чтобы выяснить, какая из них как надевается... Примерила одну – кобура висела на поясе как-то боком, неудобно, и Мириам остановилась на второй – коричневой, из тонких кожаных полосок, мягко лежащих на плечи, спину и застегивающихся на поясе небольшой пряжкой. Открытая кобура висела под левой рукой над бедром довольно низко, позволяя легко доставать игольник. Под правой рукой оказались ремешки для второй кобуры, Мириам ее не нашла, но в любом случае второй игольник был ей пока ни к чему. Перед тем как спуститься вниз, она еще раз посмотрелась в небольшое зеркало у входа в комнату. Для того, чтобы рассмотреть себя, ей пришлось наклонить его.

Зрелище ей понравилось. Теперь она меньше походила на деревенскую девчонку, а кожаные ремешки просто отлично смотрелись с ее синими джинсами. Повертевшись немного перед зеркалом, она вдруг поняла, чего ей не хватает – украшений. Все горожанки, которых она видела до сих пор, носили сережки или браслеты, а у нее не было ничего подобного, ее единственные бусы остались где-то в развалинах ее двора. Подарок, брошенный на дно жестяной коробки и забытый... Воспоминание о них заставило Мириам нахмуриться и отвернуться от зеркала.

Сейчас не время думать о бусах. Она еще раз проверила, как выходит игольник из кобуры, закрыла комнату и направилась вниз, в зал.

К смеху, который она слышала раньше, добавились крики – Року явно было весело. Быстро сбежав по лестнице, Мириам остановилась в удивлении.

Рок играл в ладушки с Арго. Гигант использовал только одну ладонь, по которой Рок отчаянно пытался хлопнуть. Иногда это ему удавалось, и тогда триумфальные крики разносились на весь зал. Арго они, похоже, не раздражали. Присмотревшись, Мириам поняла, что его глаза закрыты – видимо, для того, чтобы усложнить игру.

Би сидела на стуле у стойки, разговаривая с Мартой. Рядом с ней в такой же точно позе сидела Таня со стаканом молока в руке.

Мириам подошла к столу Арго под очередной победный вопль Рока, и гигант открыл глаза, видимо, почувствовав ее приближение.

– Доброе утро, – сказала Мириам. Арго кивнул. Он выглядел трезвым, по крайней мере бутылки перед ним она не заметила.

– Он тебе не мешает?

– Нет, – Арго протянул вторую руку Тони, взобравшемуся на стул с другой стороны стола, и тот, широко размахнувшись, хлопнул по ней. – Пусть играют.

– Ты любишь детей?

– У меня нет своих... если ты об этом, – Арго подвинул руку, и тут же поймал за шкурку Тони, который промахнулся, хлопая по ней, и чуть не упал со стула. – А так... дети есть дети. Даже странно, какие уроды иногда потом из них вырастают.

– А почему у тебя нет?

– Не до того было, – он повернулся к ней, его лицо, покрытое шрамами, с металлической заплатой на лбу было страшным, но Мириам уже поняла, что если смотреть ему только в глаза, то впечатление будет совсем другим. – Тебе же твоя подружка сказала, кто я? Какие дети при моей-то жизни?

– Би сказала, но я... я не знаю, как живут гладиаторы, – призналась Мириам, – Она сказала, что ты знаменитый, что у тебя много женщин, и я подумала...

– Много, да не тех, – Арго отвернулся. – А других я и не искал никогда.

Подошедшая Би молча обошла Мириам, рассматривая ее кобуру.

– Хорошо, – сказала она наконец, – нормально подогнана, плотно. Удобно носить?

– Да. А почему меня не разбудили?

– Таня пыталась, но ты очень крепко спала, поэтому я просто отвела всех вниз. Мы уже позавтракали.

– Я так крепко спала?

– Да, а что в этом удивительного? Ты устала.

– А ты разве нет?

– Я привыкла мало спать.

Би внимательно наблюдала за тем, как Рок отчаянно пытается хлопнуть Арго по широкой ладони: тот вроде бы особо не убирал руку, но мальчик все равно промахивался раз за разом.

– Что смотришь? – спросил наконец Арго, – Тебе тоже про детей интересно?

– Про детей я уже слышала. Ты сегодня будешь тут сидеть?

– Уйти боишься?

– Да, боюсь.

– Я особо по городу не хожу. Жарко, да и смотреть не на что, разве что на девок, – Арго снова поймал Тони за воротник его курточки и водрузил обратно на стул, – Только их можно и сюда звать, кровати тут удобные.

– Поступай как знаешь...

– Ты уже с бароном говорила, прайм?

– Нет, а что?

– Интересно, как ты с ним поладишь.

Би пожала плечами и повернулась к Мириам:

– Ты будешь завтракать?

– Да, конечно. Тетя Марта, а что сегодня на завтрак?

II

Они вышли в солнечное утро вдвоем.

Мириам уже привыкла к тому, что в городе жара наступает гораздо быстрее, чем на открытых пространствах. Солнце едва прошло четверть своего пути, а над маленькой пло-

щадью перед «Индюком» уже висело плотное облако пыли, делающее воздух, и без того насыщенный запахами человеческого жилья, еще тяжелее.

Первой по лестнице, ведущей из подвальчика, поднялась Би – и остановилась на самой верхней ступеньке. Мириам последовала за ней не сразу, запутавшись в плаще, одолженном у Марты – новый, белый, из тонкого полотна, он напоминал те, в которых красовались жительницы Верхнего города, и отлично скрывал кобуру и ремни на плечах.

Отбросив в сторону непривычно длинную полу, она взбежала вверх по ступенькам и резко остановилась, чтобы не налететь на Би – та осматривала площадь, держа руку на поясе. Мириам прямо перед собой видела рукоять ее второго игольника, закрепленного на спине, – квадратного, с длинным магазином.

Площадь, очень оживленная вчера днем, сегодня словно вымерла. Торговцы жались к стенам, поближе к ним предпочитали держаться и немногочисленные прохожие, стремившиеся как можно быстрее пересечь открытое пространство и уйти под прикрытие соседних улиц.

Их поведение перестало удивлять Мириам, как только она рассмотрела людей, стоящих под навесами с другой стороны площади.

Би шагнула наверх и убрала руку с оружия.

Первыми из-под навеса вышли гвардейцы – шесть человек в бронежилетах, с игольниками, похожими на второй игольник Би. К ней они не приближались – просто встали в стороне, наблюдая за второй группой мужчин в знакомых уже кожаных безрукавках.

Молотов было четверо, с виду – безоружных. Когда Би вышла из тени, один из них демонстративно поднял перед собой руки, показывая пустые ладони.

Би так же демонстративно развела руками, впрочем, не поднимая их высоко, и медленно пошла к центру площади. Мириам двинулась за ней, чувствуя на себе взгляды гвардейцев, наемников и немногочисленных прохожих, любопытные и щекочущие, словно песок, попавший за шиворот.

Они встретились в самом центре площади – Би и высокий незнакомый наемник.

– Доброе утро, миз. Меня Флай зовут, будем знакомы, – сказал он, но Би не ответила, глядя на него без всякого выражения, и он ухмыльнулся – весело и зло.

– Я не ссориться пришел, миз, сама видишь, караван целый за собой привел.

– Вижу. Говори, что велели.

– Как сказали, так и передам, будь спокойна, – наемник снова ухмыльнулся. – Молоты на тебя не в обиде, миз, вот что.

– Не в обиде?

– Так и есть, миз. Парни сами на дело пошли, сами и расчет получили. А Молотам с тобой ссориться причин нет.

– А сюда кто вчера приходил?

– А что? Пришли, пошумели да и ушли. Не с тобой же воевали, и вреда никому не сделали, так что и счет выставить некому. А мы тебе приносим наши извинения за неудобства.

– Извиняетесь?

– Так и есть, миз. Как это сказать... искренне извиняемся.

– Искренне? Ты хоть сам понимаешь, что это значит?

Ее слова на секунду поставили Флая в тупик, затем он рассмеялся.

– Шутишь, миз? А я ведь серьезно. Тебя теперь все знают, подружку твою тоже – так что не тронем, ни один из Молотов.

– Пускай. Если попробуют еще – я никого жалеть не стану. Так и передай Картелю.

– Вот еще, – наемник ухмыльнулся. – Торгаш тут не при делах. У нас ведь и свои головы на плечах есть.

– Хорошо, что пока есть.

- Никто вечно не живет, миз, и не купцам решать, когда нам кровь проливать.
- Разве не Картель вам платит?
- Одно дело платить, а другое иметь, – Флай рассмеялся, но Би не улыбнулась, и его смех прервался на высокой ноте. – За то, чтобы умирать, он нам не платит, миз. Или за то, чтобы с тобой драться...
- Или с другим праймом, верно?
- С другим? – наемник ухмыльнулся. – Верно, и с другим каким мы завязываться не хотим, что бы там этот торгаш ни думал. Пусть сам свою голову под ствол подставляет.
- Верное решение, – Би перевела взгляд на гвардейцев, неподвижно стоящих в отдалении. – А им тоже что-то нужно?
- Красным? Это шериф прослышал как-то, что мы с тобой потолковать хотим, и на нас их повесил. Может, за тебя переживал, а может, боялся, чтобы не поранили кого, если разговор не задастся.
- Хороший шериф.
- Кто спорит.
- Я принимаю извинения. Не будем ссориться.
- И правильно, – наемник протянул руку Би. – Сейчас, как ни крути, лучше вместе держаться, миз.
- Би сжала его руку так, что с его лица сразу пропала улыбка.
- Сейчас, – медленно сказала она, – самое время решать, за кого вам стоит умирать. Еще дней пять пройдет – и потом уже поздно будет...
- Она отпустила его руку и наемник отступил на шаг, потирая кисть.
- Такая судьба наша, миз, – сказал он очень серьезно. – Будь уверена, хорошо подумаем.
- Би молча повернулась и пошла через площадь к уже знакомой улице, ведущей к Верхнему городу, гвардейцы расступились перед ней. Мириам пришлось почти бежать, чтобы догнать ее.
- У всех здесь свои планы, – тихо сказала Би, когда они миновали лотки торговцев, лепившиеся к стенам. – Все думают только об одном... в такое время.
- Об одном? – переспросила Мириам.
- Этот Картель, эти бандиты, работающие за деньги... они как гиены на трупе. Хотят вырвать кусок побольше, не замечая песчаного тигра, который вот-вот разорвет их всех.
- Но ведь здесь есть еще наемники, и гвардия...
- Думаешь, другие наемники лучше? Сомневаюсь.
- Но барон ведь должен знать, что делать. Он же наверняка видит этого... тигра.
- Барон? Я тоже хотела бы знать, что он видит. А еще нам нужно зайти в церковь.
- Да, но церковь на том холме.
- Тогда мы идем туда, я все равно не знаю, где искать барона.
- Кажется, иногда он бывает в магистрате.
- Тогда мы отложим эту встречу. Пошли в церковь, узнаем, что там с миссией.
- Идем.

III

Следуя за Би по улицам Хокса, Мириам в который уже раз ловила себя на мысли, что город устроен неправильно. Любая ферма или постоялый двор, которые встречались ей до этого, выглядели логично – там были загоны для скота, дома для хозяев и работников, поодаль устраивали отхожие места и ставили сараи для хранения запасов и инструментов. Все это было просто и понятно, но город... Его устройства она не понимала.

Дома, мимо которых они шли, отличались друг от друга размерами и материалами, так как строили их, по-видимому, разные люди, не удосужившись пообщаться при этом друг с другом. Фасады из разноцветного кирпича или песчаника могли захватывать часть улицы или нависать над ней, упираться в другие дома металлическими распорками, вообще состоять из неровных бетонных обломков, подобранных, судя по виду, в древних развалинах. Такие дома часто попадались у подножия города, их серые ноздреватые стены, пронизанные ржавыми жилами арматуры, производили на Мириам гнетущее впечатление.

Ближе к городским воротам людей на улицах становилось все больше, заставляя вспомнить недавние блуждания по Хоксу... Однако теперь все складывалось значительно проще. Стоило поднять голову, как в глаза бросались знакомые ориентиры – высокая решетчатая башня, видимая из любой части города, и блестящая верхушка церкви с покосившимся крестом на металлическом шпиле. Потерять их из виду было невозможно, проблема была в другом: Мириам никак не могла сообразить, как к ним пройти.

Степень близости к Верхнему городу можно было определить по ширине улицы, Мириам уже успела выделить эту закономерность – чем ближе к вершине, тем выше становились дома, все больше мостиков пересекали улицы наверху, перепрыгивая с крыши на крышу, и дальше выступали из фасадов балконы, закрывающие солнечный свет, однако понять, какая из улиц может вывести к церкви, было просто невозможно, и Мириам оставалось только идти за Би, у которой, похоже, был какой-то другой, неизвестный ей способ искать дорогу.

Улицы, расположенные между холмами в низине, напоминали муравейник. В глубокой тени, отбрасываемой зданиями Верхнего города и многочисленными мостиками, и надстройками на беспорядочно стоящих домах, двигалось множество людей – тоже горожане, но одетые непривычно бедно. Мириам, уже привыкшей к ярким вывескам и высоким строениям, казалось странным наблюдать заколоченные досками узкие проемы окон, деревянные двери, подпертые металлическими костылями, а главное – хмурых и грязных жителей. Никто здесь не оборачивался вслед Би, наоборот, встречные сразу опускали глаза или отводили взгляд.

– Идем быстрее, – тихо сказала Би, и Мириам даже не спросила, почему. И так все было ясно.

На этих улицах, погруженных в тень, им не встретился ни один гвардейский патруль, лишь кое-где под неразборчивыми вывесками, обозначающими входы в неопрятного вида заведения, караулили наемники – не Молоты, но другие бандиты, еще более бедно одетые. Мириам даже разглядела их нашивки, черные с белым, но что именно они изображают, не поняла.

Несколько раз у Би пытались просить милостыню нищие жуткого вида – женщина с ребенком в грязных тряпках, похожим на обугленную головешку, мужчина с ожогом или опухолью на пол-лица – но она не обращала на них ни малейшего внимания и шла дальше. Следуя ее примеру, Мириам распахнула плащ, демонстрируя всем встречным свою новую кобуру, и это как будто сработало, по крайней мере, преградить им путь никто не пытался, а группа мужчин подозрительного вида, вышедших было из подворотни навстречу, неожиданно остановилась; посоветовавшись, их пропустили мимо.

– Если есть Верхний город, – сказала Би, – то есть и Нижний. Вот так он выглядит.

Насколько могла судить Мириам, эта беднейшая часть города занимала большую часть низины между холмами Хокса. Из-за неправильной планировки улиц сюда практически не проникало солнце, от этого здания из древнего бетона выглядели еще мрачнее. Вдобавок этот район отличала вонь – в некоторых местах просто невыносимая, исходящая из разрушенных коллекторов и из подворотен. Местные ее, похоже, просто не замечали.

А еще здесь, оказалось, были собственные ворота под стать всему остальному – невысокое ограждение из металлических щитов, охраняемое четверкой гвардейцев. Они внимательно осматривали проходящих, и вдруг на глазах у Мириам остановили одного из них (за что, она так и не поняла: они с Би были еще слишком далеко от ворот и не могли рассмотреть детали). Жителя Нижнего города оттолкнули от ворот, а когда он попытался возразить, гвардеец ударил его игольником по голове, сбив с ног.

– За что его? – спросила Би, поравнявшись с гвардейцами. Тот, который ударил человека, такой же неопрятный и грязный, как и все жители этой части города, но в бронежилете и наплечнике, смерил ее усталым взглядом и отвернулся. Ответил другой гвардеец – видимо, старший:

– Нищий, миз, – уважительное обращение он произнес с некоторой задержкой, словно что-то припоминая, – видимо, слухи распространялись по городу действительно быстро.

– Нищим туда нельзя?

– Их и здесь достаточно.

Би кивнула и прошла мимо. Мириам посмотрела на человека, все еще копошащегося в пыли, – он не выглядел более грязным, чем большинство других жителей этого места, но теперь его лоб украшал огромный кровоподтек.

– Яма, – сказал старший гвардеец, встретившись с ней глазами, – она яма и есть.

Улица за ограждением гораздо больше походила на те, которые Мириам приходилось видеть до сих пор. Поднимаясь на второй холм, она поворачивала между большими домами из красного или желтого кирпича и широкими бетонными основаниями ветряных генераторов, с десятков которых – не меньше – размещался на этом холме. Дорога к церкви оказалась не очень длинной, хотя и запутанной – эта часть города, похоже, строилась по совсем другому принципу, и многочисленные улицы не сходились на вершине холма, а наоборот, петляли и пересекались на его склонах под совершенно невозможными углами. Здесь почти не оказалось ярких вывесок, и девушки в ярких платьях не выстраивались на углах – в большинстве домов располагались мастерские, откуда слышался шум машин, а на улицах пахло деревом, краской и горячим металлом. Прохожие, одетые просто, но чисто, спешили куда-то по своим делам, а некоторые дома даже охранялись гвардейцами – Мириам не заметила здесь ни одного наемника, по крайней мере их черные безрукавки больше не бросались в глаза.

Церковь возвышалась в начале улицы – такой широкой, что Мириам сперва приняла ее за площадь. В большую улицу вливался десяток улочек поменьше, застроенных одинаковыми зданиями с серыми бетонными фасадами и узкими окнами, самое большое из которых, обрамленное острыми выступами на стенах, делающими его похожим на переднюю часть боевого кара, венчало улицу сверху, возвышаясь над мостовой на четыре этажа.

– Это магистрат? – спросила Би, кивнув на него.

– Наверное, – ответила Мириам. – Я в этой части города никогда не была.

Посередине широкая улица разделялась рядом скамей из красного кирпича, и среди них Мириам с некоторым облегчением снова увидела яркие краски – бело-красные зонты кафе, под которыми за легкими деревянными столиками сидели почему-то в основном гвардейцы.

Оглядев улицу, Би направилась к церкви. Вблизи это строение еще меньше напоминало обычный дом – в отличие от тех, в которых располагались знакомые Мириам храмы, – его стены покрывали узкие металлические листы, закручивающиеся вверх к острому куполу и делающие его похожим на огромный винт, направленный в небо.

– Какой сильный радишум, – сказала Би, остановившись у высокой узкой двери и глянув вверх. – Это антенна?

– Не знаю, – сказала Мириам, вообще не понимая, о чем идет речь, и оглянувшись, почувствовав чей-то взгляд.

С десяток гвардейцев все так же сидели под зонтиками, горожане спешили по своим делам; рядом с кафе недалеко от церкви вещал проповедник, его слова эхом отлетали от серых домов, превращаясь в неразличимый шум... Никто не обращал на нее внимания и Мириам уже открыла было рот, чтобы попросить Би тоже посмотреть назад, когда взгляд ее упал на ту боковую улочку, откуда они пришли.

Там, в тени, группа высоких мужчин с тяжелыми игольниками, висящими у всех одинаково – под правой рукой, полукольцом окружили человека в белом плаще. Это его взгляд чувствовала на себе Мириам – тяжелый, изучающий.

Она попятилась назад и только сейчас поняла, что Би рядом нет, – та уже зашла в церковь.

Человек в белом тоже двинулся к церкви неспешным уверенным шагом, вооруженные люди последовали за ним все так же полукругом, словно в боевом строю. Перед тем как нырнуть в черный провал входа следом за Би, Мириам успела увидеть красный блеск под его плащом – белая материя скрывала что-то ярко-алое, ярче неоновых вывесок и крови.

– Не приезжала? – донесся до нее голос Би, когда она переступила высокий металлический порог... и замерла, не в силах произнести ни слова.

Темный зал освещался немногочисленными свечами в высоких, некоторые из них едва тлели, но это только сильнее оттеняло падающий сверху красноватый свет – на внутренней стороне купола по множеству дорожек, спирально закручивающихся снизу вверх и сходящихся к вершине, бежали багровые письмена.

Мириам посмотрела ввысь, и у нее мгновенно закружилась голова – красные слова летели по кругу, сходясь в центре в одно кровавое пятно, вокруг которого вращался купол. Миллионы красных точек, составляющих буквы, загорались и гасли в гипнотизирующем ритме, оставляя за собой призрачные следы, видимые даже с закрытыми глазами. Имена, имена, имена – все слова, вращающиеся над головой Мириам, были именами, некоторые вместе с фамилиями, некоторые без... Тысячи Джеков, Марий, Джонов и других знакомых и незнакомых имен кружились в алом водовороте, возникая и исчезая.

– Миссий много, – второй голос доносился откуда-то из мрака за подсвечниками. С трудом поборов головокружение, Мириам рассмотрела там согнутую человеческую фигуру, а рядом с ней широкий древний терминал – с плоским темным экраном и клавишами, отсвечивающими красным.

– Насколько много? – снова голос Би.

– Мы здесь учет не ведем. Может и ехали, только вот сюда не приходили, – фигура шевельнулась, и Мириам поняла, что это монах в черном плаще с капюшоном. – Мы здесь святых отцов не наставляем, наше дело – имена хранить.

– Не приходили? А должны были? – резко спросила Би, видимо, начинающая терять терпение.

– Нас по всему городу видно, – ответил монах. – Если бы здесь были, пришли бы наверняка и детишек привели – мертвых помянуть. А если не пришли...

– Ты точно их не помнишь?

– Помнил бы – сказал. Не так много народу сюда заходит.

– А кто может знать?

– Барон, он телами ведает. И караваны встречает – те, что побольше.

– Зачем?

– Многие пропадают в последнее время. Говорят, ближе к пустыне совсем плохо стало.

– Это я и так знаю. Барон может знать про миссию?

- Я бы у него спросил. Мы здесь только имена храним.
- А вас здесь много?
- Нет. Община уже с месяц как в Атланту уехала, так что одни мы тут – я да пара братьев.
- Так это их я видела в городе?
- Да нет, ведь мы и не выходим почти – когда нам, сюда же люди приходят...
- А те, что на улицах? Проповедники?
- Это не наши. Нам на улицах кричать незачем, к нам все сами идут...
- А чьи имена вы храните? – наконец не выдержала Мириам и вздрогнула, внезапно поняв ответ на свой вопрос.
- Мертвых, – монах шевельнулся, и экран терминала рядом с ним замерцал.
- Узнать у барона... – задумчиво сказала Би, и посмотрела вверх, на купол.
- А откуда берутся эти имена? – снова спросила Мириам.
- Единая база данных, – непонятно ответила Би, – с центром на орбите.
- Церковь в небесах, – склонил голову монах.
- Я была в такой же церкви, только далеко отсюда, – сказала Би. – Реестры крепостей и десятки пунктов вроде этого. У вас действительно большие списки мертвых... отовсюду. А здесь можно добавлять имена?
- Да, я могу добавить.
- Почувствовав движение, Мириам осторожно посмотрела назад – и увидела знакомого уже человека в белом, вошедшего в церковь и остановившегося на пороге.
- Интересно, – сказала Би. – И посмотреть имя в списках тоже можно?
- Да, – ответил монах. – Говорите, я посмотрю.
- Мириам подошла к Би и дотронулась до ее плеча. Та мельком взглянула на Мириам, но словно не видя ее, опять повернулась к монаху, повелительным жестом отстранила его и встала к терминалу, ее пальцы очень быстро побежали по клавиатуре.
- Кого ты хочешь... – Мириам не договорила, глядя в лицо Би, освещенное вспышками букв, появляющихся на экране.
- Человек в белом плаще тихо подошел и встал у них за спиной. В свете свечей Мириам отчетливо рассмотрела алые пластины брони у него на груди. Би ударила по клавише ввода немного сильнее, чем следовало, так что терминал вздрогнул.
- «Ли Андерсон, Ребекка» – вспыхнуло на экране на секунду, замерцало и погасло, чтобы через мгновение оказаться на стене и промчаться по широкой спирали среди других имен, теряясь и возникая, к яркому пятну в центре.
- Мертва, – сказал монах. – Упокой господи ее душу.
- Мертва, – эхом отозвалась Би и прикусила губу. Мириам встретила с ней взглядом. Глаза Би стали черными провалами, словно они снова стояли у глубокой могилы, вырытой в песке рядом с хайвеем. Ее плечо ощутимо дрожало, и эта дрожь передалась пальцам Мириам.
- Мне очень жаль... – голос человека в белом оказался низким и очень уверенным.
- А мне нет, – прервала его Би, все еще глядя вверх, под купол, где бесследно исчезло имя. – Ей... она это заслужила.
- Покой?
- Нет, – Би обернулась к нему, – никакого покоя, никогда больше. Ребекка Ли – это мое имя, барон.
- Мириам едва слышно вздохнула.

III

Стоя в нескольких шагах позади Би рядом с молчаливыми охранниками барона, Мириам пыталась вспомнить мужчин, которые хотя бы отдаленно походили на него – и не могла. Ни у кого из них не было таких черных волос, собранных на затылке в длинный хвост, такой правильной осанки, идеального носа с горбинкой и настолько пронзительного взгляда. Он посмотрел на Мириам только раз не более секунды – но ощущение было таким, словно ее осветили прожектором посреди площади. Сейчас он говорил с Би, и Мириам приходилось прилагать некоторые усилия, чтобы смотреть по сторонам или под ноги, а не ловить его взгляд снова.

А еще у него оказался очень приятный голос.

– Что привело тебя к нам, Ребекка Ли?

– Случай. Мертвых праймов не пропускают в Атланту.

– Живых тоже, – барон положил руку на пояс почти таким же движением, как Би. – С недавних пор туда не пускают никого.

– Почему?

– Король боится повторения того, что случилось в Чикаго. С высоты им хорошо видно, какая сила идет сюда, и если их ворота откроются изнутри... Но ты о Чикаго знаешь лучше меня.

Он сказал это уверенно, констатируя факт, и Би только кивнула в ответ. Они стояли прямо под церковью, и немногочисленные прохожие оглядывались на них и на охрану барона, выстроившуюся вокруг.

– Мне донесли о прибытии прайма сразу, как только ты пересекла границу долины, – продолжил барон, поняв, что Би не собирается отвечать. – И я не знал, радоваться мне или злиться.

– Злиться?

– Атланта оставила нас. Что могло значить прибытие лишь одного из Мечей Короля? Издевку? Послание? Ты не пришла, и, следовательно, посланцем ты не была. Мне следовало встретиться с тобой раньше, но я был занят и даже не смог приветствовать тебя, как подобает.

– Я собиралась прийти.

– Верю. Мне донесли, что вчера ты ужинала с Картелем. Он опередил меня, не так ли?

– Что еще донесли?

– Что твоя компаньонка прилюдно избила и обезоружила его сына. Признаюсь, эта новость одна из немногих за последнее время, хоть немного порадовавших меня.

– Избила и обезоружила? Эти слухи преувеличены.

– Да, именно. И поэтому им поверят и станут говорить об этом по всему городу.

– Картель потеряет лицо?

– Нет, его торговая репутация опирается на его деньги, но слухи заставят людей Картеля смеяться над ним за его спиной, подорвут их веру. Сколько он предложил тебе?

– Как я поняла, достаточно, чтобы купить большую ферму.

Барон тихо рассмеялся.

– Это издевка – предложить ферму в оплату прайму? Странно, что он не предложил тебе свой бордель. Что ты ему ответила?

– Что подумаю. У меня было впечатление, что в случае прямого отказа мне лично придется кого-нибудь... избить.

Барон снова рассмеялся, на этот раз еще тише.

– Это бы точно запомнилось ему надолго. Его присутствие в Торговом совете становится невыносимым, но сейчас он как никогда необходим мне... к сожалению. Пока необходим.

– У него так много собственности в городе?

– Да уж немало – мануфактуры, кузницы, ремонтные мастерские, публичные дома и вдобавок его личная армия, с которой ты тоже уже познакомилась.

– С несколькими... представителями.

– Даже они понадобятся нам, когда придет время, – но лучше будет, если до этого не дойдет.

Би кивнула и сделала маленький шаг к барону, глядя на него снизу вверх.

– Ты не купец, – сказала она.

– Меня зовут Саймон. Ты права, давай говорить о деле. Я не буду оскорблять тебя, предлагая деньги, как наемнице.

– Хорошее начало.

– В этом городе, – барон обвел рукой горизонт, – сорок тысяч человек. Через три дня их будет шестьдесят тысяч. В нашей власти сохранить им жизнь, Ребекка.

– Красиво сказано. Я слышала, ты лично сопровождаешь некоторые из караванов, идущих сюда?

– Так и есть. Вокруг города кишат разведчики рейдеров, я лично сжег несколько разъездов, но люди продолжают исчезать. По ночам вырезают целые фермы, а утром не остается даже следов...

– Ты сопровождал миссии с детьми?

– Миссии? Не припомню... кажется, одна из них недавно погибла в паре дней пути...

– А что произошло с остальными?

Барон тихо рассмеялся.

– Ты решила допросить меня? Почему тебе так интересны эти священники?

– При чем тут священники? Разве я о них спрашиваю?

Улыбка пропала с губ барона. Несколько секунд они с Би просто молча глядели друг на друга.

– У меня были более важные цели, – наконец сказал барон. – Ты поможешь мне, Ребекка?

– Как?

– Останься.

– Один прайм на твоей стороне...

– ...может изменить все. И дело не в огневой мощи, и не в твоей машине, которую я могу оснастить.

– Я видела, как на меня смотрят...

– В нас верят, Ребекка.

– Верят в тебя, Саймон.

– Нет, в нас. Ты для них ничем не отличаешься от меня. Ты Меч Короля, пусть даже твое имя в списках мертвецов.

– Корпус-прайм гордился бы тобой... два человека, минимальное вмешательство против... каковы силы противника, Саймон?

Барон слегка нахмурился. Мириам замерла, чувствуя на себе изучающие взгляды его охранников.

– Хочешь знать правду? Мобильная группа в триста единиц, около сотни тяжелых транспортеров и до десяти тысяч живой силы. И я уже десять лет не имею никакого отношения к Корпусу.

– Тогда каковы наши планы?

– Наши?

– Да, – Би оглянулась, обводя взглядом тенты, прохожих и гвардейцев. – Десять тысяч рейдеров многовато для одного прайма.

– Мой план прост – перегруппировка, подготовка к обороне, затягивание времени.

– Тянуть время? Как?

– Я собираюсь начать переговоры. У меня уйдет до двух суток на то, чтобы встретить пять основных караванов, приближающихся сейчас к Хоксу. В каждом до трех тысяч человек. За это время должны подойти еще две большие группы наемников – профессионалы из Детройта и Чикаго с тяжелыми машинами и вооружением. Переговоры помогут нам продержаться еще несколько дней – при условии, что город не развалится до этого.

– Внутри стен тоже есть угроза?

– В Хоксе довольно сложный политический баланс, и в данный момент я с трудом удерживаю все под контролем. Да ты и сама это уже знаешь.

– Я плохой политик.

– Городом правят купцы – Торговый совет, большая часть членов которого уже сбежали в свою родную Атланту. Твое присутствие напугало моих врагов достаточно... Теперь они либо замолчат, либо начнут действовать решительно. Впрочем, последнее маловероятно. Картель не способен на решительные поступки.

– Мне так не показалось.

– Этот человек думает только о собственной прибыли. Сейчас его основных конкурентов нет в городе, и он хочет этим воспользоваться. До меня дошли слухи, что Картель сам пытается наладить контакты с Рукой, вероятно, чтобы купить себе кусочек долины... или баронство, – барон невесело рассмеялся. – И он не представляет, с кем имеет дело.

– Насколько велика вероятность, что эти слухи правдивы? – голос Би почти не изменился, но от ее тона по спине Мириам побежали мурашки.

– Я тоже не люблю предателей, – ответил Саймон. – Фактов у меня нет, и этот человек мне необходим... пока. Слишком много нитей сходятся к Торговому совету, слишком многое здесь на нем завязано.

– Понятно.

– Я не могу приказывать тебе, только прошу – помоги мне. Пока меня нет, здесь возможно все что угодно. Шериф и гвардия могут не справиться – не хватит мозгов или опыта... Ты поймешь, когда нужно будет вмешаться. – Барон кивнул в сторону большого серого здания в конце улицы. – Это магистрат. Найди шерифа и поговори с ним – я приказал ему содействовать тебе во всем.

– Твой шериф должен мне подчиняться?

– Или хотя бы не мешать, – барон улыбнулся немного напряженно. – Так жаль, что у нас настолько мало времени – считанные минуты – для такого важного разговора. Ты знаешь, я представлял себе эту встречу совсем иначе... я так давно не видел никого из...

– Из нас?

– Да. С тобой можно говорить прямо...

– Спасибо за откровенность. Десять тысяч... Теперь я точно знаю, что это правда.

Би протянула ему руку... Перчатка, армированная металлом, встретила с другой такой же перчаткой.

– Мне пора, – сказал барон. – Не разнеси город в мое отсутствие.

– Удачного вылета, прайм.

Барон кивнул охране, и Би с Мириам остались одни у церкви. Би смотрела, как барон уходит, и на лице ее поочередно отражались растерянность, грусть, сомнение.

– Он красивый, – сказала Мириам первое, что пришло ей в голову, чтобы отвлечь Би. Та кивнула.

– Красивый и молодой... Праймы не живут долго.

– Он сказал, что знает, как помочь. Теперь ты будешь драться за него, да?

– Он сказал, что дела обстоят очень плохо. Но сказал не все, и я не могу понять, почему.

– Все плохо?

– Да. Он рассказал, как мы соберем силы и как будем обороняться, но не сказал главного – как мы собираемся победить. Возможно ли вообще выдержать здесь осаду?

– Мне показалось, что он тебя не обманывает.

– Одна правда может скрывать другую. Ему нужна моя помощь, но не настолько, как он пытается показать. Может, я для него помеха?

– А что такое минимальное вмешательство?

– Это принцип Корпус-прайм, Мечей Короля. Когда мало боеприпасов и обученных людей, один подготовленный человек с правильным оружием может решить исход битвы. Для этого нас создавали.

– Создали... тебя?

– Да, – рассеяно сказала Би, глядя вдоль улицы, и Мириам ничего не оставалось, кроме как проследить за ее взглядом. За время их разговора с бароном на улице не случилось ничего нового – две компании гвардейцев все так же пили под зонтиками, спешили по своим делам прохожие и распинался проповедник, собравший вокруг себя небольшую толпу.

– Может, он знает о миссии... Он же вроде как священник? – сказала Би, видимо, решив сменить тему разговора, и Мириам пожала плечами.

– Странные они, эти... – начала было она, но Би решительно двинулась в его сторону.

По мере того как они приближались, крики проповедника затихали – он прекратил вещать и теперь спорил о чем-то с окружившими его горожанами, то и дело косясь на трех гвардейцев, тоже подошедших послушать и остановившихся чуть поодаль.

В свою очередь взглянув на гвардейцев, Мириам прислушалась к словам проповедника. Это был не тот человек, которого они слышали раньше на площади, но слова почти совпадали:

– ...да говорю тебе, не пройдет и трех дней, как мор поразит всех, кто усомнился в силе Его, а все выжившие падут от огня и ножа! Никому не взять на себя ношу Его, никто не защитит тебя, ни единый человек! А если скажет кто, что равен ему... – он запнулся, глядя на приближающуюся Би. Горожане, стоящие перед ним, быстро расступились, давая ей место. Над площадью повисла тишина, Мириам готова была поклясться, что проповедник испуган: по крайней мере, когда он поднял руку, чтобы поправить застёжку плаща у горла, его пальцы явно дрожали. От Би это тоже не ускользнуло.

– Скажи, – спросила она негромко, так что гвардейцы, наблюдавшие за ними, были вынуждены подойти поближе, – ты знаешь что-то о миссии, которая приехала сюда три или четыре дня назад?

– О миссии? – священник нервно пригладил волосы, обильно побитые сединой. Его явственно била дрожь.

– Священники вроде тебя, девять или десять машин, дети. Помнишь таких?

– Нет, – проповедник ответил очень тихо, глядя себе под ноги, и Би шагнула к нему.

– Что?

– Нет! – тот закрыл голову руками, словно защищаясь от удара. – Не надо, нет!

Би застыла, а проповедник упал перед ней на колени, продолжая кричать. Горожане подались в стороны, а заинтересовавшиеся гвардейцы подошли поближе. Би взяла проповедника за плечо и слегка встряхнула, тот вырвался и с криком опрокинулся назад, спиной на мостовую.

– Оставила бы ты его, миз, – сказал один из гвардейцев под аккомпанемент всхлипов проповедника и ропота горожан. – Он, видать, и так умом слабоват.

– Слабоват? – Би нагнулась к проповеднику, отчего всхлипы стали громче – А кричал сильно. Эй ты, я тебе ничего не сделаю...

Ответом ей стал еще один вскрик, гораздо слабее, и проповедник пополз прочь от Би, не отрывая от нее полных ужаса глаз.

– Дурак дураком. Народ, расходитесь, не на что тут смотреть, – сказал гвардеец. – Миз, ушибленный он, не надо его больше пытать. Я таких видел: придут из пустыни, а там мало ли всякого – рейдеры, голод, звери... вот у них разум за разум и того...

– Нет, – сказала Би, – сумасшедших я много видела. Эй, чего ты боишься?

Почувствовав внезапный укол беспокойства, Мириам огляделась вокруг. С десяток перешептывающихся горожан окружали Би, проповедника и гвардейцев, их товарищи под зонтиками затянули песню, по улице все так же шли люди по своим делам... Беспокойство шло не от них, и взгляд Мириам скользнул дальше по фасадам домов и устьям переулков...

Его трудно было заметить. Не было ничего примечательного в маленькой фигурке, закутанной в потертый плащ беженца, почти ничего, кроме того напряжения, которое передавалось Мириам, – напряжения пружины, готовой распрямиться в любую секунду. В следующий миг раздался ее крик, а человек в плаще, почувствовавший ее взгляд, резко развернулся на месте, широко взмахнув рукой.

Би, как казалось, очень медленно поворачивает голову на ее вскрик, и так же медленно оборачиваются гвардейцы... что-то маленькое, чуть заметно отблескивающее в солнечных лучах, летело к ним по длинной дуге, заканчивающейся где-то рядом с сумасшедшим проповедником... а Би исчезла.

Мириам не увидела ее движения, только почувствовала сильный толчок в плечо, бросивший ее на землю... Би использовала это движение, чтобы оттолкнуться и прыгнуть. Хлопнул плащ, и в унисон ему раздался короткий звон лопнувшей струны – видимо, звук костюма Би, бросившего ее в воздух над головами горожан. Дуга, влекущая блестящий предмет, сошлась с ней, словно была предназначена именно для этого, и Би ударила по нему ногой.

На какую-то долю мгновения они словно застыли в воздухе на высоте трех метров – Би в развевающемся плаще и маленький металлический шар... С такого расстояния Мириам даже умудрилась рассмотреть частые ровные рубцы, покрывающие его поверхность. А затем время снова ускорило, и жесткая мостовая ударила ее в бок и по локтю, а шар полетел обратно, в тот переулок, откуда его бросил маленький человек.

И там взорвался.

IV

Взрыв прозвучал как удар грома во время весенней грозы, заставив отозваться всю улицу жалобным звоном разбитых стекол и больно ударив по ушам, так что крики горожан на площади показались Мириам приглушенными, словно пробивающимися через толщу земли. Зеваки, собравшиеся вокруг проповедника, бросились в разные стороны, и Би, мягко приземлившись рядом, повернулась к Мириам, видимо, проверяя, все ли с той в порядке... Ее глаза с невероятно расширенными зрачками взглянули сквозь Мириам, словно обзревая всю улицу сразу. Судя по всему, увиденное ее удовлетворило – не обращая никакого внимания на гвардейцев, кричащих что-то, она чуть пригнулась, выдернула из кобуры игольник и внезапно сорвалась с места с нечеловеческой скоростью, словно байк, оставив их смотрящими ей вслед с разинутыми ртами.

Она бежала к переулку, в котором исчез маленький человек, и Мириам, тяжело оттолкнувшись от земли разбитым локтем, кинулась вслед за ней, не дожидаясь, пока гвардейцы придут в себя.

Би исчезла из виду почти сразу, после первого же поворота, когда и без того узкая улочка сузилась еще больше, превращаясь в кишку из желтого кирпича. Сквозь заросли винограда на балконах почти не проникал свет... Зацепив стену плечом, оттолкнувшись от нее и чуть не упав, Мириам вылетела на другую улицу, пошире, снова споткнулась, пой-

мала краем глаза движение под низкой аркой и бросилась туда. Улица здесь раздваивалась, застывший в воздухе пыльный след неопровержимо указывал направо... По сторонам мелькали маленькие окошки с желтыми стеклами, арки, ведущие на соседние улицы, металлические колонны, сплошь увитые сухими виноградными побегами, и изумленные лица горожан. Почувствовав, как мало становится воздуха в груди, Мириам побежала еще быстрее.

Еехватило еще на пару кварталов, пока легкие окончательно не заполнились жидким огнем, заставив перейти на шаг. Би все так же не было видно, и поэтому она просто пошла вперед, тяжело дыша, руководствуясь едва видимыми следами – царапинами на стенах, выбоинами на мостовой и сорванными виноградными лозами. Улицы в этой части города превращались в настоящий лабиринт, в сплетение узеньких коридоров, пропускающих сверху тонкие лучи света, обильно перемешанного с пылью и запахами города... В какой-то момент она поняла, что окончательно заблудилась, а следы, по которым она идет, могут существовать исключительно в ее воображении. Она остановилась и тут же закашлялась – в груди сжался тугой проволочный клубок, стены переулка словно сдвигались с каждым вдохом, но нужно было идти дальше: какое-то смутное ощущение подсказывало ей, что Би недавно была здесь, как если бы сами окружающие дома запомнили ее движение, запомнили нечто молниеподобное, стремительное, целеустремленное, металлическое...

След заканчивался в тупике, в крошечной забегаловке, укрытой полотняным навесом, с низким длинным столом и скамьями возле него, за которыми, в нише стены, исходила паром небольшая полевая кухня. Было непривычно тихо, словно это место находилось не в центре Хокса... Би стояла чуть в стороне от стола, за которым друг против друга сидели два человека: один ел суп, а второй – видимо, хозяин заведения – сосредоточенно читал электронную книгу.

Мириам подошла к столу, присела на краешек скамьи и снова закашлялась. Сидящий на той же скамье человек, которого она приняла было за старика из-за длинных и совершенно седых волос, отложил ложку.

– Конечно, он пробежал здесь, – сказал он, как-то странно выговаривая слова – Его трудно не заметить... как и тебя.

Он повернулся, сев верхом на скамью, и Мириам с трудом подавила в себе желание вскочить. Половина его лица с бледной, как у Би, кожей, скрытая от нее до этого, выглядела как разбитое металлическое зеркало – куски металла покрывали ее в беспорядке, разделяясь сложной сетью трещин, словно кто-то разбил щиток шлема, да так и оставил, намертво приварив обломки к плоти.

– Куда? – резко спросила Би.

– Вниз. Он всегда возвращается, в этот город внутри города, который стражи называют Ямой, – странный говор незнакомца стал еще более явным. Чем больше Мириам вглядывалась в его лицо, тем более знакомым оно ей казалось. Она уже видела этого человека, только никак не могла припомнить, когда и где.

– Давно?

– Достаточно, чтобы ты не смогла догнать его. Он долго изучал эти места и готовился драться здесь... умно. Он умеет строить планы, в этом ему не откажешь.

– Ты его знаешь?

– Я видел всего лишь испуганного человека с печатью Паука и путаницей замыслов. Знаю ли я его? Нет, – незнакомец придвинулся ближе, заставив Мириам вздрогнуть. – А теперь ты спросишь меня, кто я. Верно?

Рука Би упала на кобуру.

– Нет, я спрошу о печати Паука, это важнее...

– Внешность обманчива, – беловолосый чуть заметно улыбнулся, глядя прямо на Мириам, – но его печать... она предельно конкретна.

– Он рейдер?

– И не из последних. Хорошо знает этот город.

– Он здесь не один?

– Наверняка, – незнакомец все так же пристально рассматривал Мириам. – Но если ты не хочешь спрашивать, то спрошу я – кто вы?

– Мы?

– Кто ты, Ребекка Ли? Что скрыто в тебе? Я вижу то, что дремлет в твоей подруге, но ты... Он не зря боялся, этот умный убийца. С каждым твоим вопросом, с каждым словом я все яснее вижу это... Как в одном человеке может быть столько пламени, скажи мне, Ребекка Ли?

– Еще один пострадавший в пустыне... – задумчиво сказала Би.

Беловолосый рассмеялся:

– К тебе это относится в большей степени, не так ли, Ребекка? Не твой ли след тянется от самого Эрга?

– Откуда ты меня знаешь?

– Если бы я знал тебя, разве я задавал бы вопросы? Я просто смотрю на тебя, как смотрят на огонь... или на тебя, – беловолосый протянул руку и очень осторожно дотронулся до лба Мириам, – как на прекрасный сон.

Мир вокруг потемнел.

Переулочек перевернулся, и Мириам взглянула на мгновенно почерневшее небо, словно из глубокого колодца. Цвета смешались, и среди темных облачных лоскутов светлой полосой проступила рука Би с оружием.

– Что ты с ней сделал?!

– Я... похоже, случайно разбудил ее. Не бойся, это не повредит ей...

– Отойди от нее!

– Хорошо, – беловолосый встал. Мириам ухватила за край скамьи и села. Цвета понемногу возвращались, их становилось все больше... как если бы вместо солнца в переулочке одна за другой зажигались цветные лампы.

– Дальше!

Беловолосый медленно поднял руки.

– Не нужно мне угрожать, я ничего плохого ей не сделал.

– Не стоит мне советовать!

– Ладно, пускай так и будет, – он протянул к ней пустые ладони, словно защищаясь: – Спи, Ребекка Ли.

Мириам, смотревшая на все это снизу, почувствовала, как по спине у нее побежали мурашки. Лицо Би расслабилось, словно повинувшись команде, – а затем ее губы сложились в знакомую страшную улыбку.

Очередь из игольника ударила туда, где стоял незнакомец, опоздав совсем немного – тот перепрыгнул через стол и кинулся в дверь, ведущую в глубину дома. Вторая очередь ударила ему вслед, в щепки раскрошив притолоку, но, видимо, не задев его.

Би запрыгнула на стол, чтобы бежать за ним следом, – и обернулась. Замерев, Мириам смотрела, как она возвращается, шагая по столу, и садится на скамью напротив.

Незнакомая Би улыбнулась снова и дотронулась до щеки Мириам.

– С тобой все нормально? – сказала она. Голос был тем же, но интонации – совершенно чужими.

– Уже... да, – сказала Мириам.

– Он тебя не обидел?

– Кто?

– Тот, кто убежал?

– Нет... кажется, нет.

– Хорошо, – лицо Би расслабилось и улыбка ушла... Она опустила глаза и посмотрела на игольник, зажатый в руке.

– Что тут?... – она обернулась, рассматривая выбоины от игл на стене и хозяина заведения, все так же невозмутимо читающего свою книгу. – Опять... А где?..

– Он убежал, – сказала Мириам, забираясь обратно на скамью.

– И он тоже...

– Что вам принести, девочки? – хозяин заведения наконец оторвался от электронной книжки и дружелюбно усмехнулся Мириам. Седые бакенбарды лежали на его щеках, словно наледь на окнах кара.

– Воды... наверное, – Мириам шмыгнула носом. Чернота вокруг растворилась, оставив после себя совершенно незнакомый мир, – как если бы на переулок, в который они всего несколько минут назад вошли, обрушился весенний ливень, смывая грязь и обнажая краски, невидимые до сих пор. Проступили детали – красноватый кирпич стен, мутные стекла в маленьких окнах высоко над землей, желтые побеги винограда на металлических столбах навеса, грязные пятна на полотне, натянутом над столом, – живущие своей жизнью, играющие десятками новых оттенков. Вглядываясь в исцарапанную деревянную столешницу, теперь представляющую собой захватывающее зрелище, Мириам не сразу поняла, что в переулке появился еще кто-то... и вздрогнула, услышав смутно знакомый низкий голос:

– Вот вы где. Ничего не хотите мне рассказать?

– Как раз собирались, – ответила Би, и Мириам обернулась.

Она без труда узнала это лицо с расплюснутым носом, словно изуродованное множеством ударов. Шериф Хокса, встреченный ими прошлой ночью на площади, сейчас одетый в простой черный бронежилет и плащ, стоял всего в десятке шагов от них. Это было странно: Мириам не слышала, как он подошел... как если бы он появился там прямо из воздуха. Озадаченная, она еще успела рассмотреть тени двух здоровенных гвардейцев у него за спиной, у входа в переулок, – и темнота снова обрушилась на нее, неожиданно и без предупреждения, словно огромный пустынный ястреб из Эрга, подкарауливший неосторожного путника.

V

Ей снилось, что ее несут на руках.

Она прекрасно осознавала, что это всего лишь сон, но просыпаться не хотелось... тем более, что нес ее Никки. Она не видела его лица в темноте, но чувствовала его присутствие, его дыхание где-то рядом, и тогда она попыталась заговорить с ним, но слова, как это часто бывает во сне, не прозвучали, а остались мыслями.

– С ней точно все в порядке? – знакомый низкий голос совсем рядом.

– Похоже на обморок. Дыхание в норме, сердце тоже бьется нормально, – это говорила Би, и Мириам поняла, что уже не спит. Она хотела было сказать, что у нее нет никакого обморока и она отлично себя чувствует, но почему-то не сказала... Было очень приятно лежать так, на чем-то мягком, и чувствовать, что Никки рядом... – частичка сна, оставшаяся с ней.

– Тогда поговорим?

– Да.

– Вот и хорошо. На него не смотри, это наш офицер, не из болтливых. Хочешь чаю?

– Да...

Что-то звякнуло, как металл о стекло, и это заставило Мириам прислушаться. Откуда-то со стороны доносились голоса... кто-то говорил на повышенных тонах или даже кричал – совсем недалеко, но звуки были какими-то приглушенными, видимо, доносились из-за стены.

– Это карта города?

– Да... только тебе вроде как нельзя на нее смотреть.

– Она не соответствует действительности. Очертания Верхнего города отличаются, орудийные башни расположены иначе, а бреши в стенах – и вовсе... Она специально тут висит, для посторонних, верно?

Снова звякнуло стекло.

– Саймон правильно говорил, что шутить с тобой не стоит. Уже семь лет его знаю, а все не могу привыкнуть к тому, как он соображает...

– Как?

– Как ты. Быстро.

Мириам приоткрыла один глаз. Она лежала на кушетке у стены, а чуть правее за широким деревянным столом сидела Би. Напротив нее расположился шериф, разливающий чай из стеклянного чайника по металлическим стаканам. Кроме них, в большом помещении, заставленном шкафами и стойками для оружия, никого не было видно, но ощущение присутствия Никки, оставшееся со сна, не прошло, а наоборот, стало еще сильнее.

– Так что там на площади случилось, расскажешь?

– У вас свидетелей человек десять...

– ...чушь плетут... Даже мои парни ничего понять не успели. Но гроыхнуло здорово, на другом холме слышно было...

– Осколочная граната.

– Кто бросил?

– Он ушел. Свидетель заметил татуировку Пауков.

– Паук? У нас?

– Да, в Нижнем городе. Меня уже не удивляет наличие у них гранат – после экспансивных боеприпасов. Интересно, какое еще оружие у них есть?

– Так мы скоро узнаем, – шериф пододвинул Би стакан с чаем. – Только как бы нам всем это знание боком не вышло...

Би молча взяла стакан.

– Ладно, про Паука мои ребята спрашивают... хотя надежды мало, Яма – место еще то. Если он там закопался, то его так просто не выковыряешь.

– А он и не будет там сидеть, он это ясно показал. И я думаю, что он там не один.

– Это верно, гады по одному не ползают, – шериф выдвинул ящик стола, и извлек из него жестяную коробку. – Тебе как, сахару положить?

– Да.

– Сколько?

– Много, – Би подула на чай, а Мириам закрыла глаза и сжала левую руку в кулак, пытаюсь понять, все ли с ней в порядке. Ничего не болело, пальцы слушались. Она слегка повернула голову и согнула колени. Саднил разбитый локоть, но в остальном она чувствовала себя так, будто проснулась утром, проспав не менее десяти часов, – и ей даже хотелось умыться. Ей приходилось видеть, как люди падали в обморок – от жары, от голода... Но с ней самой никогда ничего подобного не происходило, и сейчас, похоже, дело было совсем в другом.

– Саймон сказал, что ты вроде как с нами остаешься, – снова голос шерифа.

– Да. Он попросил помочь, пока его нет.

– Это он прав, проблем в городе выше крыши, а сейчас в особенности. И стены чинить надо, пушки в порядок приводить, и укрепленные точки, а некоторые этим пользуются и совсем на голову садятся.

– Интересно, и кто же пользуется?

– Да вот ты давеча за «Ягодкой» в переулке Молотов разделала, двоих чуть не насмерть. Потом с утра они к тебе приходили прощения просить. Так?

– Так.

– Молоты эти у меня – как кость в горле. Через одного ублюдки, по которым петля плачет. Либо исправительных работ лет десять светит. А ты шестерых из них раскатала, даже ствол не достав. Знаю, знаю, как все было, – я потом одного из них в больнице прижал, он не помнил толком ничего, но поговорить очень хотел. Я к чему это – у меня костей таких, вроде Молотов, в глотке с десяток наберется.

– Не сомневаюсь.

– Только ты смотри, я не прошу их всех посреди ночи на лоскуты резать. Речь о чем идет – если с ними проблемы возникнут, то мы вместе их решить можем. Для города куда лучше будет, если виновные, скажем, в нападении загремят не по-тихому в больничку или в ров под стеной, а по всем законам на веревочке повиснут. Показательно, как Саймон говорит. Чтобы страх и уважение внушить тем, до кого иначе ну никак не доходит. Наемники в городах появляются только по большим праздникам и с большими проблемами. По праздникам – потому что напиться могут и денег потратить, а с проблемами – потому что заработать ищут. Так вот, дочка, сейчас они не пить сюда приехали.

– Заметно.

– Нашивки у них ты тоже наверняка видела... глазастая. Уже с месяц они здесь вместе с беженцами – три самые крупные банды, какие я вообще в жизни видел... а я много видел, ты уж поверь. Молоты эти, с которыми ты вроде как знакома, Шипы – редкие ублюдки, Яму под себя подмяли сразу, как приехали, тамошним житья не дают, и Вороны – у них банда поменьше и они пока в городе особняком держатся, не знают, видать, под кого лечь.

– Яма – это Нижний город?

– Да. Если на Хокс сбоку глянуть, то он на двух холмах, вроде как на... э-э... ягодицах, к примеру. А вот Яма – она прямо посерединке получается, между...

– Можно не уточнять.

Мириам зевнула, открыла глаза и перевернулась на бок, стараясь не опираться на разбитый локоть. Би отставила стакан с чаем и пересела к ней на кушетку.

– Что-нибудь болит?

– Нет, – Мириам несколько раз моргнула и села, обнаружив свой плащ в изголовье. – Все нормально, я вроде как выпалась даже.

– Посмотри на свет, – Би встала и отодвинула заслонку на окне, рассеивающую проникающий снаружи солнечный свет. Луч, упавший на стол, мгновенно осветил полутемный кабинет шерифа, заиграв на металлических деталях шкафов и стекле чайника. Солнечные зайчики разлетелись по затененным углам, превратив тень в мешанину из пятен разных оттенков, высветив до сих пор не замеченные Мириам массивные железные ящики в дальнем углу и еще один стол, поближе, с сидящим за ним черноволосым гвардейцем. Одного взгляда на него оказалось достаточно, чтобы сердце Мириам забилось быстрее, а ощущение присутствия Никки из сна невообразимо усилилось – до интенсивности прикосновения, как если бы она стояла с ним рядом, чувствуя его дыхание на своей коже.

– На свет, – Мириам послушно перевела взгляд на окно. Ей даже не пришлось зажмуриться: солнечный свет, непривычно яркий, почему-то выглядел совершенно не так, как она привыкла, разбиваясь на десятки ярких цветных нитей или потоков с играющими в них пылинками. Как если бы неизвестная ей до сих пор игрушка, прозрачный ярмарочный калейдоскоп повис за окном.

– Реакция нормальная, зрачки двигаются, сотрясения нет... насколько я могу судить, – Би щелкнула заслонкой и представление прервалось, заставив Мириам вздрогнуть от неожиданности. – Но я не врач...

– Да она и не выглядит больной, – сказал шериф. – Нормальная здоровая девчонка. Чаю хочешь?

– Нет, я лучше воды...

– Вода там, в кувшине. Сейчас...

– Я сама, я могу ходить...

Би хотела было что-то возразить, но Мириам опередила ее, вскочив с кушетки, как всегда после сна, чтобы избежать долгого пробуждения. Ощущения действительно были такими же, словно она не падала в обморок, а просто спала некоторое время, а теперь проснулась, свежая и полная сил. Кувшин, больше похожий на металлический баллон, стоял прямо за столом, под шкафом с бумажными папками, и Мириам пришлось взяться за него обеими руками, чтобы поднять и наклонить над стаканом, подставленным шерифом.

– Точно не больная, – констатировал тот, – так кувшином ворочать... Да, на чем мы там остановились?

– На Яме, где прячутся Пауки.

– Да не столько Пауки, сколько бедняки, солнце туда не достает почти, нехороший район, даже в нормальное время. А сейчас вообще каждый день по три-четыре трупа в канавках да в притонах. Мои ребята туда ходят не иначе как по трое, в броне и при стволах. Шипы как заявились, по первому времени даже помогали нам – тамошних бандитов прижали, кого-то даже с концами, но тихо, так что только слухи поползли. Нехорошие слухи, совсем нехорошие. А потом они и сами начали на местных давить, кредиты из них выбивать, да и не только из местных – кое-где в верхние районы захаживать. С Молотами у них конфликтов серьезных не было, хоть и смотрят они друг на друга, как две собаки над одной костью.

– Картель их не купил?

– Хороший вопрос. Может, и хотел купить, да только я об этом не слышал. Шипы – они малость того, отбитые на голову, не знаю, что у них вообще на уме. Те же рейдеры, только всмятку, особенно главарь их, Рэдом зовут... Специально проверял, нет ли татуировок, да не нашлись. Но Молотов Картелю с головой достаточно, он их у себя по всем точкам расставил, вместо гвардии, – ему так надежнее, видите ли. Прикармливает, видать, да только у него кишка тонка воевать – да и Молоты не те ребята, на которых легко опереться. Ведь у наемника задача первая какая? Заработать! Вот они и пытаются денег выжать, кто откуда может.

Мириам, залпом выпив первый стакан, налила себе еще и отошла от стола шерифа, оглядывая помещение и чувствуя на себе изучающий взгляд Би. В этом взгляде светилось беспокойство – словно еще один цвет, который теперь видела Мириам. И во сне рядом был этот же цвет – ведь сюда ее принесла именно Би, а не Никки, который сидел сейчас всего в паре шагов, уткнувшись в планшет за дальним столом, и изо всех сил делал вид, что пишет.

Наверное, она могла бы и не узнать его – в бронежилете гвардейца и наплечнике он казался гораздо шире и намного старше, чем раньше. Только копна волос осталась почти такой же, кажется, став еще чернее – если это было возможно. Она подошла к его столу и присела на край, поставив стакан рядом и прислушиваясь к его дыханию: замрет ли оно так же, как у нее.

Замерло. Узнал.

Но по-прежнему продолжал писать, так и не подняв головы.

– А что они будут делать через три дня, когда Рука подойдет?

– У них и спроси, я почему знаю? Саймон считает, что можно заставить их драться, а я считаю, что ему придется свои автопушки на башнях для них приберечь, чтобы они все сразу не сбежали.

– Саймон сам управляет пушками?

– А ты вроде не знаешь? На него тут все завязано – пушки, пулеметы, минометы. Ему же удобнее всех, он с джета своего далеко видит.

Мириам, уже совершенно упустившая нить разговора Би с шерифом, смотрела на пальцы Никки – все такие же красивые, умные пальцы, на его запястья, шею и видимую ей щеку, медленно покрывающуюся румянцем... У Никки тоже был цвет – незнакомый, такой, какого она и представить себе раньше не могла. Мириам растерянно подняла глаза и наткнулась на взгляд шерифа – насмешливый, но добрый, с жалостью, прячущейся где-то на серо-стальной глубине...

И только тогда поняла, что значит этот новый цвет, от которого так сильно напрягаются плечи Никки и так сжимаются челюсти – ему было мучительно стыдно.

Стыдно от того, что она рядом.

– Я пройду... – сказала она куда-то в пространство между Би и шерифом, чувствуя, как дрожат ее губы, – а то что-то здесь жарко...

И быстро пошла к двери, чтобы выйти прежде, чем Би окликнет ее. Успела... Голос Би застиг ее уже снаружи, на лестнице, спускающейся в широченный коридор, и слов она не разобрала.

Потому что расплакалась.

VI

На лестнице пахло, как в конюшне, но Мириам не обратила на это ни малейшего внимания. Она просто плакала, усевшись на ступеньку в нише, образованной выступом стены, скрывающей ее от тех, кто так громко кричал внизу, плакала бесшумно, как случалось ей плакать всю жизнь – чтобы никто не видел и не слышал.

Отношение Никки не стало для нее неожиданностью, скорее странным казалось то, как легко прочла она его чувства и как больно сделала этим себе. Ей нужно было забыть его давным-давно, сразу после ярмарки, и она не раз уговаривала себя сделать это – ведь он наверняка забыл ее.

Не уговорила. Какая-то часть Мириам, тосковавшая по нему, поступила как предательница, как тот рейдер, что открыл бандам неприступные ворота Чикаго, – и позволила воспоминаниям взять верх.

Она сжала челюсти и что было силы ущипнула себя за руку – обычно боль помогала. Помогла и сейчас.

– Не время реветь, – прошептала Мириам сама себе и вытерла слезы рукавом майки. – Завтра, может, умирать придется...

И встала, опираясь о стену. Обморок не оставил никаких последствий – кроме тех, которые коснулись зрения, но сейчас Мириам уже не была так уверена в том, что цвета изменились. Возможно, она видела их и раньше, просто не обращала внимания. Коридор, край которого был виден с лестницы, казался немного странным из-за частых решеток в стенах, и откуда-то снизу все еще доносились крики, однако при мысли о возвращении в кабинет шерифа Мириам замутило... об этом не могло быть и речи. Снова вытерев выступившие было слезы и поправив волосы, она решительно вышла из ниши и сбежала вниз по лестнице.

Источник шума действительно оказался совсем рядом – в самом начале коридора с зарешеченными камерами в стенах, тянувшегося очень далеко, видимо, вдоль всего здания, располагалась стойка с ручными и ножными кандалами, к которым было пристегнуты три человека, в потрепанной полотняной одежде жителей пустыни. На столе перед ними, окруженном несколькими гвардейцами, возвышалась неопрятная куча тряпья.

– Чье? – кричал здоровенный гвардеец, протянув в сторону заключенных кривое лезвие какого-то отвратительного грязно-коричневого цвета. – Чье это?

– Не скажете, чье – будет общее, – добавил другой гвардеец.

Заклученный, прикованный посередине, потряс головой. То, что Мириам приняла за грязь у него на лице, оказалось свежими кровоподтеками.

– Либо одного повесят, либо всех, – сказал второй гвардеец.

Третий, очень толстый, сидящий на единственном стуле, молча оперся локтями о стол, положив подбородок на переплетенные пальцы.

Мириам оглядела коридор. Он тянулся очень далеко, по нему прохаживалось не менее десятка гвардейцев, а в отдалении на длинных скамьях сидели еще люди, закованные в ручные кандалы. Кого-то тащили в камеру, кто-то кричал, и пахло здесь совсем не конюшной... пахло человеком. Большим количеством людей, которые долго живут в одном месте.

– Это что, тюрьма? – спросила Мириам у ближайшего гвардейца, не такого крупного, как остальные. Тот вздрогнул и обернулся, а Мириам шмыгнула носом.

– Нет, миз, – ответил гвардеец, удивленно глядя на нее. – Тюрьма, она ниже будет, в Яме, а это магистрат... судебная часть здесь.

Толстый гвардеец, сидящий у стола, обернулся, и неожиданно резво вскочил, забрасывая за спину тяжелый квадратный игольник.

– Кого я вижу! Спящая красавица проснулась! – толстяк подмигнул ей, и только тогда Мириам узнала его – это был разговорчивый гвардеец с блокпоста у въезда в долину.

– Добрый день, сержант, – сказала она, совершенно не зная, как себя держать, и протянула ему руку. Тот отпрянул.

– Э нет, я тебя знаю... Сначала в нос дашь, а потом ствол отберешь!

Окружавшие стол гвардейцы взорвались хохотом.

– Что, думала, мы не слышали? И вообще тебе, считай, повезло, что младший Картель не побежал сюда жаловаться – пришлось бы нам заявиться к Марте и арестовать маленькую миз за большую драку.

Хохот стал еще громче, и Мириам покраснела.

– А у нас тут опять разбой. Раньше такого не было, чтобы по три-четыре случая каждый день. Беженцы, сами бедные, жрать нечего, так еще и другим глотки режут, – сержант сплюнул прямо на пол. – Ладно, в яму их, пусть посидят до ночи на воде, может надумают что.

– Их повесят? – спросила Мириам.

– Одного точно – за убийство. А остальных – на работы, сейчас рук везде не хватает.

– Какие работы?

– Всякие. Стены сами себя чинить не станут, а еще рвы углублять надо, а эти, даром что худые, лопаты держать могут. Пошли со мной, покажу кое-что...

Зазвенели кандалы: беженцев отстегивали от стены по одному и тащили к лестнице, рядом с которой обнаружился спуск в подвал, закрытый широченным металлическим люком. Немного растерявшись, Мириам пошла вдоль клеток, едва поспевая за сержантом, – для своей комплекции тот двигался очень быстро. Ей раньше приходилось слышать про тюрьмы, но выглядело это еще хуже, чем она представляла, – в каждой камере помещалось не меньше пяти или шести человек, спавших, игравших в карты или просто неподвижно сидевших. Большинство старалось не смотреть на них с сержантом, а когда один из заключенных при их приближении подошел к решетке, сержант резко и очень сильно ударил по ней рукоятью игольника, заставив Мириам вздрогнуть, а узника отскочить подальше.

– Местная знаменитость, – сказал сержант, когда они, пройдя коридор более чем наполовину, приблизились к ряду решетчатых камер, более узких, чем остальные, и видимо, рассчитанных на одного человека. – Не поверишь, за ночь чуть охрану не уговорил, чтобы его отпустили – пришлось ее сменить раньше времени. Вставили бы кляп, да в камеру лишний раз заходить не хочется... даже втроем.

Мириам еще издали заметила знакомый силуэт, одиноко сидящий на скамье за решеткой, но не поверила своим глазам.

– Монах? – спросила она удивленно.

Кейн приподнял шляпу, закрывающую его глаза, и улыбнулся знакомой открытой улыбкой, которую не портил даже огромный фиолетовый синяк, расплывающийся вокруг его левого глаза.

– Знакомая морда, да?

– За что его? – спросила Мириам. – Он же просто монах...

– Да какое там просто, – сказал сержант, с некоторым опасением глядя на Кейна, встающего со скамьи. – У него язык с хайвей длиной...

– И его за это посадили в клетку? – Мириам обернулась к сержанту. – А что он такого сказал?

– Нет, наговорил-то он нам хороших вещей... потом. А до того «Белую кошку» на уши поставил, святой человек.

– Какую кошку?

– Бордель разгромил, что в Верхнем городе, отметелил охранничков, шесть или семь человек, так что они гвардию позвали. Причем трезвый был, и сдался сразу, как нас увидел, но ущерб нанес серьезный... хорошо хоть не убил никого. Теперь исправительные работы ему светят, на полгода как минимум. Я вот подумал: раз он с вами ехал, так может, и не стоит его сразу на работы... там и настоящих висельников хватает.

– А сколько... сколько он вам должен?

– Мне? Он борделю должен... то бишь Картелю, его хозяину. Кредитов двадцать...

– Пятнадцать, если быть точным, – сказал Кейн, и сержант обреченно кивнул.

– Вот, сама видишь, язык без костей...

– Ты и правда устроил драку? – спросила Мириам у Кейна.

– Нет, начал не я, но это здесь важным не посчитали.

– А это тебя... охранники?

– Глаз? Нет, это гвардейцы, уже после того, как я отдал дубинку и сдался. Да я на них не в обиде – они были испуганы...

– Да забрала бы ты его уже, – замок на решетке звякнул и сержант рывком распахнул дверь, – а то, честное слово, либо прибыю его сам, либо... Если бы он нас последними словами крыл, так нет ведь, такое говорит, что последней мразью себя чувствуешь, и так со вчерашнего вечера. За десять кредитов забирай, если сейчас нет – потом сам к Марте схожу, но только уведи его подальше.

– Я лучше сейчас, – сказала Мириам, развязывая кошелек на поясе. – А где его винтовка и все вещи?

– Винтовка? Вещи? – удивился сержант.

– Они наверху, в оружейном шкафчике, – спокойно сказал Кейн, – я слышал, как ваши люди их делили.

– Что значит слышал? Показалось, наверное...

– Отдайте винтовку, – решительно сказала Мириам, подражая тону Би, – а то десять кредитов все-таки...

– Десять за него, но вообще-то...

– Что-то не так, Клайв? – голос шерифа подействовал на сержанта как-то странно, заставив его словно увянуть и уменьшиться в размерах. – Девочка решила забрать монаха?

– Да вот...

– Ну если он ей нужен, пусть забирает. Отдай его вещи.

– Да, – подобрался сержант, – сейчас отдаю.

Би, подошедшая следом за шерифом, протянула Мириам ее плащ и хотела было что-то сказать, но бросила косой взгляд на шерифа – и промолчала.

Когда двадцать минут спустя они вышли из магистрата, оказавшегося тем самым широким зданием, похожим на кар, солнце уже успело подняться высоко, и пыль, поднятая прохожими, затянула улицу белой жаркой пеленой, сквозь которую в отдалении ярким вертикальным бликом проступал металлический шпиль церкви.

– Спасибо, – сказал Кейн, сосредоточенно подгоняющий застежки бронежилета.

– Пожалуйста, – ответила Мириам.

– Что думаешь сейчас делать? – спросила Би.

– Мне нужно закончить то дело, ради которого я сюда приехал.

– Разнести бордель до конца?

– Это получилось случайно. Другое дело.

– Хорошо. Мы остановились в «Индюке».

– Это я уже знаю, стражники обсуждали вас всю ночь.

– И что они говорили?

– Ты не захочешь это слушать, – Кейн забросил винтовку за спину. – Но я постараюсь прийти в «Индюк», как только разберусь со своей... проблемой.

Он слегка поклонился Би, затем Мириам, и сбежал вниз по ступенькам.

– А ты, – спросила Би, – ничего не хочешь мне сказать?

– Хочу, – ответила Мириам. – Мне... мне очень стыдно.

– За что?

– За то, что я такая дура... Мне нужно было забыть его давным-давно, но я все еще продолжала думать, что если я приеду и встречу его, то все может быть как раньше, представляешь? Все еще продолжала мечтать, как маленькая девочка... – Мириам вытерла слезы и обнаружила, что Би смотрит на нее с явным недоумением.

– Я просто хотела узнать, как ты себя чувствуешь. Ты потеряла сознание посреди улицы, причем во второй раз – очень надолго...

– А, это... это ерунда, я чувствую себя просто отлично. Я о том, что я не могла оставаться с вами в той комнате, потому что... потому что...

– Из-за шерифа?

– Нет! Из-за Никки...

– Гвардейца за столом?

– Да, он... ну помнишь, я рассказывала тебе про свою татуировку, как я сделала ее для... для...

– Но мне показалось, что он тебя не знает...

– Да! – слезы снова буквально брызнули из глаз Мириам. – Он... это хуже всего! Он мог сказать, что все кончено, что женат, что не может... но он даже не набрался храбрости, чтобы поднять на меня глаза! Он... Я такая дура!

Мириам разрыдалась, и Би, помедлив, неловко обняла ее, от чего та заплакала еще горше. Так они и стояли некоторое время – слезы Мириам текли по черной рубчатой броне, многочисленные прохожие отворачивались, стараясь не смотреть в их сторону, а где-то в жаркой пыльной глубине улицы тяжело звонил колокол, оповещая о наступлении полудня.

Глава IV

Интермедия IV

Кейн выбрал столик в стороне от остальных и уселся спиной к стене, обзвывая площадь. Полдень едва миновал, и заведения, выходящие сюда своими фасадами, только начинали просыпаться. «Белая кошка», запомнившаяся ему по прошлой ночи, оказалась прямо

напротив, так что круглая сцена, возвышавшаяся посреди площади, наполовину скрывала ее вывеску.

Он улыбнулся официантке, поставившей перед ним стакан и графин с яблочным соком, но та только зевнула в ответ и покосилась на винтовку, лежащую на стуле рядом с ним.

– Она сейчас подойдет, – сказала официантка, глядя, как он наливает себе сок. Многочисленные сережки в ее ушах отбрасывали блики при каждом ее движении. – Ты точно уверен, что нужна именно она? А то пошлет тебя – и никакая другая девчонка не согласится.

– Точно, – ответил Кейн. Сок оказался теплым, и в животе заурчало – монах ничего не ел со вчерашнего дня. Официантка снова зевнула и ушла под навес, в тень, где на плетеных стульях дремала пара здоровенных вышибал в черных безрукавках.

Опустошив стакан, он наполнил его снова, взял винтовку и смотал защитную ленту. Те несколько часов, которые его оружие провело в руках гвардейцев, не оставили на нем заметных следов, но в этом стоило удостовериться. Ствольная насадка отсоединилась с привычной легкостью, в пазах все еще оставалась смазка... Он положил насадку на стол рядом с графином и снял прицел.

– Тебе точно девчонка нужна?

Голос был низким, красивым и совершенно незнакомым. Кейн поднял глаза... Солнце оказалось как раз у нее за спиной, превратив ее пушистые волосы в алый ореол вокруг головы.

– Подружка вроде у тебя уже есть?

Кейн отложил прицел и встал.

– Привет, рыжая, – сказал он и улыбнулся.

Она не ответила, просто молча стояла, рассматривая его, и в ее зеленых глазах поочередно сменялись злость, удивление, боль...

– Да чтобы черти меня... – она порывисто шагнула к Кейну, оттолкнув стул, и обняла его, привстав на цыпочки. – Ты... ты живой! Да ты... какого хрена!

– И ты... живая, – он чувствовал на щеке ее слезы. – Давно не виделись, Анита.

– Давно не виделись? – она отстранилась, рассматривая его. – Дурак! Ты как меня нашел вообще?

– Прошел за тобой.

– Меня искал? Но зачем?

– Потому что пообещал. Ты разве не помнишь?

– Помню... Кейн, а лет-то сколько прошло? Десять?

– Двенадцать. А это имеет значение?

– Давай сядем.

Кейн пододвинул ей стул. Глядя, как она стирает слезы, стараясь не испортить макияж, Кейн пытался вспомнить, как же она выглядела тогда, в прошлом, – и не мог. Всплывающие образы оставались обрывочными – тоненькая девочка с огненными волосами, темный загар, стройные босые ноги, рыжая челка... Но сейчас перед ним сидела взрослая и очень красивая женщина.

И совершенно, абсолютно незнакомая.

Анита небрежно взмахнула рукой, и к их столику почти подбежала официантка.

– Виски, Тина... Графин.

– Виски?

– Да, и закусить. И глазами зря не хлопай, друг это.

– Я не пью, – мягко сказал Кейн, когда официантка поспешно ушла.

– Я пью, – пальцы Аниты безостановочно двигались по браслетам, украшавшим ее левую руку до самого локтя... длинные пальцы с аккуратно подстриженными ногтями. – Зачем ты пришел?

– Я уже сказал.

– А я не верю. Мы детьми были, могла и не узнать.

– Не могла.

– Уверен? Татуировка эта, и глаз подбитый... почему, Кей... столько лет?

Несколько секунд он молчал, подбирая слова.

– Я монах. У меня не должно быть привязанностей. Но я обещал найти тебя, и это оказалось проще сделать... чем отбросить.

– Монах? А вроде хотел стать солдатом...

– Я им и был, пока не понял, что не хочу выполнять чужие приказы.

– На тебя похоже... Сначала одного хотеть, потом передумать, и ко мне прийти монахом... Меня забыть, – она коротко и очень тихо рассмеялась, – и потом даже не спросить, что со мной было... кем была я все эти годы.

– Я знаю.

– Дурак ты. Что ты можешь знать?

– Я вернулся в дом твоих родителей. Я узнал о работоторговцах, которые увели тебя, узнал о них все. Для этого пришлось обойти четыре их стоянки. Из тех, кто участвовал в том рейде, в живых оставалось только трое, и они не помнили тебя, но я нашел документы, электронные записи продаж.

– Живы еще... надо же.

– Уже нет. Те, кто купил тебя, странствующий цирк из Фаэтона... цирк распался, я нашел лишь одну акробатку – в театре у самых стен Чикаго. Она вспомнила рыжую девочку, которая здесь сбежала. Потом все было просто – я расспрашивал о тебе всех, кто бывал в Хоксе. Меня искали, так что пришлось сделать крюк через Эрг, а потом...

– Я поняла, – Анита наклонилась вперед и дотронулась до его руки. – Я почти забыла дорогу эту, имена, лица. Не хочу вспоминать... пусть и дальше в аду отдыхают.

Она замолчала, рассеянно поглаживая его пальцы. Подошедшая официантка сноровисто расставила на столе металлические рюмки и тарелочки с холодным мясом, Анита взяла у нее из рук пузатый графин с виски и поблагодарила кивком.

– Не хочешь?

Кейн покачал головой. Смотрел, как Анита наполняет свою рюмку – до краев.

– За встречу! – она выпила виски залпом и наполнила рюмку снова, с верхом, но пить не стала. – А ведь ты другой теперь, правда? Совсем другой.

– Правда. И ты... Я бы тебя не узнал.

– Краски поярче, одежда лучше, колечки-браслеты... только волосы прежними и остались.

– У тебя всегда были красивые волосы.

– Не такие. Ты после Фаэтона меня не видел, подстричься пришлось считай наголо – для парика, чтоб в их пьесе дурацкой носить... Но акробатки из меня все равно не вышло.

– Тебе не хватило терпения?

– Не только это. Просто я к тому времени понял, что с мужским полом у меня получается куда лучше. К чему на столбе кувыраться, если те же деньги можно за пару минут заработать, – она снова опрокинула рюмку, – без особых выкрутасов. И бока не отбиты, и спину не ломит. Что это ты улыбаться перестал? Сейчас самое время пожалеть, что нашел меня. Или, может, сказать что мудрое падшей женщине... что там святоши говорят?

– Ты та, кого я обещал найти, – Кейн наклонился вперед, сжав ее руку, – судить тебя я не обещал...

– И правда, – сказала Анита, – да и я тебя, а? Сколько народу ты убил, Кей?

– Сколько пришлось.

– Вот видишь... и у тебя тоже не все просто. Хотел стать солдатом – а стал монахом. И я тоже мечтала много, особенно поначалу. Но мне жаловаться грех – здесь, в «Сладкой Белочке», меня никто считай не обижал, старше меня только Мама, и мужчин я сама выбираю, да и девчонки меня любят... неплохо все вышло, Кей.

– Я рад... но мое обещание остается в силе.

– Обещание? Смешной ты. Кто в наше время обещания ценит? Где они, наши четырнадцать лет, Кей?

– Они здесь, Анита, с нами.

– Да, и снова правда, – она хотела было снова наполнить рюмку, но передумала и поставила бутылку на место – Хватит с меня, пожалуй, а то напьюсь еще. Съешь что-нибудь, я и отсюда слышу, что у тебя в пузе творится.

– Спасибо.

– Не спасибо, а поешь. Ты где остановился?

– В «Индюке», насколько я помню.

– В «Индюке»? Ты знаком с баронессой?

– С кем?

– А, ладно, слухи это, болтовня девчачья. Девушка в броне, из Атланты, с бароном нашим рядом на площади была... красивая, говорят. Приручила огра, – Анита рассмеялась. – Чего только не болтают...

– Занятно, – Кейн взял с блюдца кусочек мяса. – Баронесса и огр.

– Да. Насчет тебя тоже болтать начнут, Кей... вон уже начали.

– Меня это не волнует.

– Меня тоже. Ты ведь хорошо стреляешь, да?

– Интересно, что ты об этом спросила, – Кейн прожевал мясо, и снова протянул руку к тарелочкам. – Возможно, я плохой проповедник, но никто еще не жаловался на то, как я стреляю.

Анита поймала его руку, словно кошка, хватаящая ящерицу.

– Тогда у меня к тебе будет просьба. Маленькая-маленькая по сравнению с тем, что ты уже сделал...

– Мне не очень нравится, как это звучит...

– Так может, тебе награда понравится... Хотя ты и монах, должно же быть что-то, чего ты очень хочешь? Очень-очень?

I

С волос Мириам капала вода.

Перед тем как умыться у платной колонки, охраняемой невысоким горожанином в смешной белой шляпе, она попыталась найти в карманах резинку для волос – и не смогла. Она даже не помнила, брала ли ее с собой из дому, и была явно не в том состоянии, чтобы задумываться над этим. Вода, видимо, отстаивавшаяся в одном из резервуаров на крышах, оказалась теплой, но тем не менее освежала.

– Побыстрее! – прикрикнул было коренастый торговец, но затем покосился на ее кобуру и замолк. За Мириам уже образовалась очередь из нескольких женщин с бутылками и ведрами, и она сочла за лучшее отойти в сторону.

– Так лучше? – спросила Би, глядя, как она отжимает волосы, собирая их на затылке.

– Да. У меня глаза совсем красные?

– Нет, – Би прислонилась плечом к стене дома – неровной, из ноздреватых бетонных плит, явно позаимствованных из старых развалин. – Может, ты хочешь пить? Мы могли бы зайти...

– Не хочу, – волосы Мириам упали ей на плечи и вода мгновенно начала просачиваться сквозь новый плащ, но поправлять их она не стала. – Я и так сильно тебя задержала. Если бы кто-то другой так себя вел при мне... истерики, обмороки – как маленькая... нет, даже хуже...

– Я не поняла, что случилось там, в переулке, – прервала ее Би, – и никто бы не понял...

– Этот человек что-то сделал со мной, – Мириам посмотрела вдоль улицы, на решетчатую башню и площадь, до которой они так и не дошли. – Я не понимаю, что именно, но кажется, я стала иначе видеть...

– Он приказал мне спать, – Би оттолкнулась плечом от стены, – и дальше я ничего не помню...

– Ты его чуть не убила.

– Чуть?! Да я стреляла почти в упор, в автоматическом режиме – и промахнулась! Я видела следы на стенах... Как он мог увернуться?

– Не знаю, он просто... убежал.

– Не просто. Он не рейдер, и не наемник... Я не знаю, кто он такой и что ему нужно. Совсем как тот инфильтратор у входа в долину.

– Он сказал, что не враг... что не хотел ничего плохого...

– Как и тот...

– Но этот, кажется, знал тебя по имени, только назвал тебя не совсем так... забыл добавить последнюю часть к твоей фамилии... вторую часть... – Мириам запнулась, глядя в лицо Би, на которое словно опускалась невидимая грозовая тень, – ... а я даже не знаю, разве бывают такие, составные...

– Да, – совсем тихо ответила Би, – вторая часть – это фамилия мужа... но это не важно. Пойдем, нам еще нужно отдать батареи.

Как выяснилось, с одного холма на другой вели и более короткие пути, не лежащие через Яму, – вдоль восточной стены, на которой сейчас кипела работа. Мириам успела заметить пару ржавых кранов, ворочающих бетонные блоки среди толпы грязных рабочих, охраняемых гвардейцами, – и буквально десять минут спустя они с Би оказались в толкучке на знакомой площади, под решетчатой башней. Вместо проповедника на возвышение теперь забрались трое девиц в ярких платьях, и окружающая толпа то и дело взрывалась смехом и свистом в ответ на их выкрики и неприличные жесты. Народ девицы привлекали явно больше, чем проповедник, да и у лотков толкучка оказалась сильнее, так что идти через площадь стало трудно – по крайней мере Мириам, все еще не привыкшей к такому количеству людей вокруг. Она едва поспевала за Би, чувствующей себя в толпе как рыба в воде. К тому же у нее начинала болеть голова – не сильно, но ощутимо, словно тугим обручем сдавливая виски. Мириам знала, что это реакция на слезы, – чем дольше плачешь, тем больше будет потом. Стараясь не споткнуться и никого не толкнуть, она пробиралась между людьми следом за Би и неожиданно уткнулась лбом ей в затылок.

– Что за... – удивленно начала было та, сворачивая налево, к лоткам, окружающим площадь, и не договорила. Проследив за взглядом Би, Мириам сразу заметила причину ее недоумения... да ее и невозможно было не заметить.

Возле ближайшего лотка, раскрашенного в кричащие цвета, возвышалась огромная фигура в потертой кожаной куртке с металлическими вставками, рядом с которой маячили три знакомых фигурки поменьше, держащиеся за руки.

– Держи кредит, ворюга, – донесся до нее бас Арго, когда они с Би протолкались поближе. – Давай вот эти, зеленые, и красные, и вон ту птицу в сахаре, и... что тебе? А, еще дай тянучек. Что значит много? За один кредит в самый раз.

– Ты вроде не собирался выходить, – сказала Би, подходя к лотку. Таня, держащая Рока за руку, виновато посмотрела на Мириам, но палочка от леденца, торчащая у нее изо рта, не очень соответствовала выражению ее глаз.

– Так сколько можно взаперти сидеть? – прогудел Арго в ответ. – Что-то ты мрачная, прайм. Леденца хочешь?

– Нет, – отрезала Би.

– А ты? – Арго протянул Мириам огромный кулак с торчащими из него разноцветными леденцами на палочках – улыбающимися рожицами, яблоками и плоскими красными ястребами. – Бери зеленый, он с мятой.

– Спасибо, – сказал Мириам, беря леденец в виде зеленого цветка.

– Тебя разве не ищут наемники? – снова спросила Би.

– Пусть они своих матерей ищут... – Арго хотел было что-то еще добавить, но покопился на Тони, оживленно грызущего крыло птицы в сахаре, и с хрустом откусил голову леденцовому ястребу. – Не полезут они ко мне в городе посреди дня, побоятся.

– Ко мне полезли.

– Так ты не такая страшная.

Би покачала головой.

– Все равно это лишний риск.

– Да ладно тебе волноваться. Малышня города ни разу в жизни не видела, а ты хочешь, чтобы они в подвале сидели? Да и мне скучно стало, вот я им и пообещал холмы показать, леденцов купить... ну, и пива.

– Чего-чего?

– Ну, пиво не для них, – Арго посмотрел сверху вниз на Таню. – Что-то мы застоялись тут в толкучке, да, мелочь? Пошли на большой холм посмотрим и пирога поедим.

– Пошли, – к удивлению Мириам сказала Таня, не вынимая леденца изо рта, и снова виновато на нее посмотрела. Выглядела она при этом так забавно, что Мириам ничего не оставалось, как улыбнуться в ответ.

– Давай я схожу с ними, – сказала она Би, – А ты пока сможешь отдать батарее тому торговцу, как его... и быстро нас найдешь

– Это опасно.

– Со мной не опасно, прайм, – Арго передал всю охапку леденцов Мириам, так что ей пришлось взять их в обе руки. – И не волнуйся так, в обиду я их не дам.

– Куда вы пойдете?

– Через ворота по этой вот улице, потом налево и выше на три квартала – там Обзорная площадь. Оттуда еще южный холм видно.

– Ясно, мы проходили там вчера. Я буду через полчаса, не больше.

– Дождемся. Сама смотри не потеряйся, а то искать пойдем.

Мириам снова улыбнулась. Солнце миновало зенит и спряталось за облаками, толпа в центре площади хлопала в такт движениям одной из девушек, которая, похоже, раздевалась, от ближайших лотков пахло ванилью и жженым сахаром... Как ни странно, совсем перестала болеть голова.

– А что там за пирог? – спросила Мириам.

II

– Случилось что? – спросил Арго, когда шумная Праздничная площадь осталась позади, уступив место тихой извилистой улочке, прикрытой от солнца виноградными зарослями на широких металлических террасах и мостиках, переброшенных с крыши на крышу.

Мириам только покачала головой – во-первых, ей действительно не очень хотелось говорить о событиях этого утра, а во-вторых, мятный леденец у нее во рту не очень к этому располагал.

– Да ладно, – сказал Арго, – я же не слепой. У тебя глаза на мокром месте, вон даже малая заметила. Так?

Таня, оживленно вертящая головой во все стороны, внимательно посмотрела на Мириам – ей леденец тоже не позволял принять участие в разговоре.

– А прайм бы тебя так просто в обиду не дала, – Арго вполглаза следил за Роком, прячущимся от Тони среди деревянных подпорок, удерживающих бетонную стену дома дальше по улице. Почему-то Мириам была уверена, что гладиатор следит не только за детьми – несмотря на внешнюю расслабленность гиганта, она не раз и не два замечала короткие взгляды, бросаемые им по сторонам.

Большой человек постоянно оставался начеку.

Леденец во рту Мириам стал совсем тонким, и она с хрустом раскусила его.

– То, что случилось, – моя глупость, – тихо, чтобы не слышали дети, сказала она Арго, – и все.

– Глупость?

– Встретила своего бывшего, а он сделал вид, что меня не знает, – Мириам почувствовала, как слезы снова наворачиваются на глаза, – просто отвернулся, и все. Я знала, что так и будет, что он такой... и все равно обидно.

Арго едва заметно кивнул, словно даже не словам Мириам, а своим мыслям, и она неожиданно для себя самой вдруг начала рассказывать ему о ярмарке, о том времени, которое так ярко вернулось к ней этим утром. Они шли по узкой улочке, Рок и Тони дурачились впереди, а Таня степенно следовала за ними, и Мириам говорила о том, о чем даже не помнила в течение долгих месяцев, что накапливалось и собиралось одинокими ночами после смерти родителей... о своих нехитрых радостях, детской любви, надежде, о цветных прожекторах и музыке, о том, как встретила Никки. Она говорила и понимала, что слова ее спутаны, и у нее при всем желании не получится рассказать большому человеку о том, что она чувствовала тогда и что чувствует сейчас, что желание поделиться с ним своими воспоминаниями, по сути, бесплодно. Арго кивал, но ничего не говорил в ответ, и она продолжала говорить о днях в городе, полном людей и песен, об ощущении будущего – разноцветного и яркого, словно фонарь с цветными стеклами... и так быстро пришедшего к своему логическому завершению во дворе ее прошлого, сожженного фиолетовым лазером Би.

– Фиолетовый? – тихо спросил Арго, прервав ее, и Мириам замолчала, чувствуя, как растворяется напряжение последних недель, а может и месяцев. – Ты знаешь, что тепловой луч нельзя увидеть?

– Нет.

– Люди загораются, точно факелы, и плавится песок, и ты даже не понимаешь, почему. А ее оружие создано, чтобы ослеплять, чтобы все видели, как убивает прайм... я слышал о таком.

– Видимо она... особенная. Извини, что я рассказывала тебе все это, я просто...

– Я не привык долго говорить, но это не значит, что я не умею слушать. Тебе повезло, у тебя были родные, и даже этот мелкий урод доставил тебе радость...

– А у тебя разве?..

– Я раб по рождению, – Арго наконец повернул голову к Мириам, и она чуть не присела, встретив его взгляд, полный злости. – У меня не было ничего. Меня купили в детстве, и в возрасте девяти лет продали в крепость Фаэтон, а потом отобрали в гладиаторскую школу. Я уже и тогда хорошо дрался, и это заметили... они все замечали.

Арго указал вперед, на знакомый уже Мириам красно-белый шатер посреди площади, к которой они как раз подходили.

– Представь себе бетонную яму размером с эту площадь. Представь себе десятки клеток и людей в них. Представь себе грязь, вонь и кровь – потому что это рынок рабов под Фаэтоном. И среди клеток самая большая – для боев. Я дрался с семи лет или раньше, сколько помню себя... за похлебку, за место, чтобы спать, и просто чтобы жить...

– Но Би сказала, что ты знаменитый...

– Я купил себе свободу в Атланте, а слава... слава ничего не стоит. Здесь меня никто не знает, и это хорошо.

– А почему ты уехал из Атланты?

– Потому что... – зубы Арго издали характерный скрежет металла о металл, – я и правда хочу отдохнуть...

– Ты устал драться?

– И не только. Эй, мелочь, держись поближе, – Арго за шиворот оттащил Тони от крайнего столика под шатром, за которым жутковатого вида оборванец, с ног до головы закутанный в грязные тряпки, ел рисовую кашу, зачерпывая ее из тарелки руками. Оборванец стрельнул глазами в их сторону – черными, неожиданно живыми – и снова углубился в свою трапезу, а Мириам внезапно поняла, что цвета, которые она начала видеть в переулке, никуда не делись – это просто она отвлеклась ненадолго. Цвет оборванца обозначал боль – ему было больно есть, Мириам знала это, хотя он никак этого не показывал. Арго был цвета сдерживаемой ярости, что-то кипело и переливалось внутри него, а Таня отсвечивала любопытством...

– Сейчас посмотрим, хватит ли на всех пирога. Главное, не показывай испуга.

– Что?

– Вон те ребята, за крайними столиками, видишь? Это ими я вчера вышиб двери в «Индюке».

– Вот эти? – Мириам всмотрелась в группу мужчин, сидящих у другого края полосатого шатра. Черные безрукавки, копья и несколько длинных ружей... их цвет – напряжение и злость.

– Я, конечно, не запомнил все морды, но парочка из них точно вчерашние. Если что – придется снова ими пол вытереть.

– Может и нет, – Мириам поймала взгляд наемника, сидящего посередине, и кивнула ему. – Это они приходили сегодня утром говорить с Би. Извинялись перед ней.

– Извинялись, говоришь? Может, и перед мной извинятся? Хотя не похоже, смотри как морды повытягивались... заметили меня. Но спине им точно показывать не стоит – не так поймут.

– То есть лучше к ним подойти?

– Если ты их знаешь, то лучше поздороваться. Только давай мелочь тут оставим, – Арго наклонился к Тане. – Эй, остаешься за старшую, мы на пару шагов отойдем. Сядешь за этот столик, малых держи при себе, чуть что – ори изо всех сил, чтобы я услышал.

– А чуть что... это если что? – растерянно спросила Таня, беря Рока за руку. Тот подозрительно покосился на нее, но руку забирать не стал.

– Если что не так, – сказала Мириам – Ты уже большая, поймешь.

– А вы куда?

– За пирогом сходим, – сказал Арго, – это быстро.

– Хорошо.

Только сейчас Мириам обратила внимание на то, как тихо стало на площади. Прохожие жались к домам и обходили шатер стороной, а музыка, игравшая прошлым вечером очень громко, теперь была едва слышна.

– Они всех распугали? – тихо спросила Мириам, когда они с Арго отошли от столика, за которым устроились дети. – Вчера тут было гораздо больше народу.

– Позавчера тоже, – проворчал Арго. – Эх, чувствую, не до пирога нам сейчас будет...

– А что они тут делают?

– Да явно не пьют, и это плохо. Видишь, тут не только Молоты; вон те, с белыми нашивками – это Шипы.

– Но их ты ведь не бил?

– Еще как бил, вы просто не застали... я всех бил, – Арго сплюнул на мостовую и сказал уже громче, обращаясь к высокому наемнику, запомнившемуся Мириам по утреннему визиту. – Привет, бойцы! Что грустите? Где вино, где девки?

Флай – Мириам запомнила его имя – криво ухмыльнулся в ответ:

– Я бы тебе сказал насчет девок, но только смотрю, что ты не по делу пришел. С миз Мириам мы дружим, и с ее друзьями тоже... Да к тому же вы с детишками, так что не помужски выйдет за старые обиды тебе припоминать, верно?

– Да ты, я смотрю, правильный мужик, – Арго улыбнулся в ответ жутковатой улыбкой, обнажившей металлические зубы. – Хорошо сказал, посчитаться всегда успеем, а то и ты не один, как я посмотрю...

– Флай! – имя прозвучало как ругательство. Из-за столика с Шипами, стоящего в отдалении, поднялся невысокий наемник в броне с широкими металлическими пластинами на груди. Его квадратное лицо излучало злобу, но цвет, который Мириам увидела в нем, не соответствовал выражению – это был страх.

– Флай, мы не договаривались так! – выкрикнул он. – Пусть проваливают отсюда!

– Да мы вообще пока никак не договаривались, – хмыкнул Флай, – че орать?

Улыбка Арго, казалось, стала еще шире.

– А я тебя не помню, – сказал он. – Когда я твоим парням морды бил, ты где был? За спиной у них прятался?

Шипы, сидевшие за тремя столиками, молча поднялись. Молоты мгновенно прореагировали на их движение, и музыка под шатром затихла... Две группы вооруженных мужчин стояли друг против друга, разделенные парой столиков и рядом стульев. Вдруг в тишине раздался тихий смех Флая – единственного оставшегося сидеть.

III

Мириам огляделась.

Кроме наемников в дальней части шатра еще оставалось человек шесть горожан, видимо, только теперь осознавших, что творится нечто из ряда вон выходящее, и сейчас медленно покидающих свои столики. Не пошевелился только закутанный оборванец, на которого Мириам уже обращала внимание, – закончив со своей кашей, он внимательно наблюдал за происходящим.

– Не кипятись, Рэд, – сказал Флай, отсмеявшись. – Ты же слышал, еще придет время личные счета сводить... Уберите стволы. – Не слышал, – ответил тот, кого он назвал Рэдом, по всей видимости, возглавлявший группу Шипов. – Что он тут делает? А главное, что она тут делает?

Мириам несколько раз моргнула, но палец Рэда недвусмысленно указывал на нее.

– Нас это не касается, – взвешенно ответил Флай.

– Меня касается! – почти взвыл в ответ Рэд. – Где она, там и другая.

– А ты боишься, что ли? – спросил его Арго и хотел было что-то еще добавить, но Флай прервал его:

– Эй, а ты на пулю нарываешься, да? Так пули нынче дороги, а иголки и того дороже! Хочешь сдохнуть красиво – пойди со стены прыгни башкой вниз, а к людям нечего приставать. Рэд, убираем стволы, в цирке по клоунам не стреляют!

– И то верно, – прошипел Рэд.

– Эх, повезло вам, что я сегодня не один, – проворчал Арго, – в другое время позабывал бы вам эти слова обратно в глотку, а так... подождать придется.

– Вот-вот, – поддержал его Флай. – Ты денек отдохнешь, а завтра на трезвую голову пообщаемся... если захочешь. А сейчас у нас тут свои дела, видишь, парни нервничают...

– Я бы на их месте тоже нервничал, – Арго повернул голову, глядя куда-то за спины наемников, на площадь. – Это не торгош ли главный сюда идет?

Мириам отступила в сторону, выглядывая в просвет между распорками шатра, к которому быстрым шагом приближалась группа людей. Возглавляющего ее Картеля Мириам узнала сразу – несмотря на черный кожаный плащ вместо дорогого пиджака. Остальные трое, судя по броне и отсутствию нашивок, были его телохранителями, а маленький человек, идущий с ним рядом... маленький человек в черном плаще, лишенный цвета...

– Паук!

Флай обернулся на ее вскрик, удивленно подняв брови:

– Чего, миз?

– Этот, рядом с Картелем, – это Паук!

– Что она несет? – выкрикнул Рэд. – Уберите ее отсюда, у нас разговор...

– Это Паук, я его узнала... это он сегодня утром кинул в нас гранату!

– Гранату?... – протянул Флай.

– Что здесь происходит?! – Картель почти вбежал под шатер и остановился, разглядывая Арго и Мириам. – Эти... что они тут делают?

Маленький человек не вошел вслед за ним, а остановился снаружи. Мириам в упор встретила его взгляд – лишенные эмоций, его глаза не выражали ничего, словно пара черных отверстий, проделанных в неподвижной маске лица.

– Ничего не происходит... Я же сказал, пусть валят или мы уйдем! – в голосе предводителя Шипов прорезались истерические нотки.

– погоди кричать, – успокаивающе проговорил Флай, – это же твой человек... Миз ошиблась, наверное, да и проверить это легко.

– Чего? Я не понял, мы говорить тут будем или ее слушать?!

– Это ты не понял, – Флай вышел из-за стола, и Рэд, отодвинув своего человека, шагнул ему навстречу. – Ты слышал вообще, что она сказала? Может, тебе и без разницы, а вот мне рейдеры должны... и моим парням тоже. Пусть руки покажет, а то мы нервничать начнем.

– Руки? – Рэд подошел еще ближе, положив руку на кобуру с тяжелым револьвером. – Ты мне что, на слово не веришь?

– Да что ты, Рэд, верю конечно, – ухмыльнулся Флай. – Но это же совсем не трудно, мелочь такая... пусть рукавчики закатает, и все вопросы сразу отпадут. Ерунда ведь...

– Что это за комедия? – прервал его Картель. – Какие рукава? У нас деловой...

– Так это дело, шеф, – столь же невежливо прервал его Флай, – или ты взрыва с утра не слышал? Ну что, Рэд, закатает он рукава или нет, а то мы долго не те разговоры разговариваем, уже скука заедает...

– Закатает, – Рэд обернулся. – Шото, покажи руки.

Маленький человек даже не пошевелился, все так же глядя на Мириам.

– Ты что, плохо слышишь?

Ничего не выражающий взгляд скользнул по Рэду и его людям... Вдруг Шото резко развернулся и быстро пошел прочь от шатра.

– Вот тебе и ответ, – оскалился Флай. – Сам его завалишь или лучше мои ребята?

– Стой! – выкрикнул Рэд и рванул револьвер с пояса. – Стоять!

Выстрел, ударивший из рядов Молотов, развернул его на месте... Мириам еще успела заметить, как маленький человек выбросил руку в сторону, словно отдавая команду, а затем земля ушла у нее из-под ног – Арго, схватив ее в охапку, кинулся под прикрытие ближайших столиков.

Выворачиваясь из его объятий, Мириам увидела, как Флай прыгает на ближайшего Шипа с ножом, сбивая его на землю, как остальные Шипы отвечают огнем на огонь, как валятся столики Молотов... залп из ружей заволок дымом полшатра в мгновение ока, оставив лишь долю секунды для того, чтобы увидеть, как Таня в другом его конце прижимает Тони и Рока головами к столу, ее испуганные глаза...

– Пусти меня! – рванулась Мириам, но Арго крепко держал ее и одновременно пытался перевернуть еще один столик, чтобы закрыть их обоих.

– Пусти! – закричала она уже громче, с трудом удержавшись, чтобы не впиться зубами ему в руку.

Не ожидавший такой реакции Арго перекатился в сторону, и Мириам, извернувшись ужом, выбралась из-за опрокинутого столика. В дыму беспорядочно хлопали игольники и трещала мебель, а там, где Шипы сошлись с Молотами врукопашную, мелькало что-то страшное – копья, маленькие топоры, Флай с окровавленным лицом и ножами в обеих руках...

Мириам кинулась к детям, пригнувшись, то и дело падая на четвереньки, прячась под столиками... На полпути заметила, что их столик тоже опрокинут и лежит, закрывая их всех.

– Таня! – она вкатилась за их укрытие, толкнув плечом уже знакомого нищего, замотанного в тряпки, который, несмотря на явную опасность, пытался выглядывать из-за края столика. Таня оказалась более осторожной и не такой любопытной – она сидела, обняв головы обоих мальчиков и заткнув уши пальцами.

– Это... это бандитский конфликт? – голос нищего, срывающийся от волнения, оказался неожиданно молодым, и Мириам удивленно взглянула на него. Его цвет не изменился – этот человек по-прежнему испытывал боль, и несмотря на это, вторым цветом, заполняющим его, было любопытство.

– Пригнись, – сказала Мириам, и, словно услышав ее, шальная пуля с треском вырвала кусок стола, за которым они все не очень-то и помещались. Выглянув в образовавшееся отверстие, она увидела, что бой практически закончился, – Молоты, перебегая за обломками мебели, окружали небольшую группу Шипов, прячущихся за тем, что осталось от стойки бара в центре шатра, а Картель с парой телохранителей, видимо, не пострадавший в перестрелке, не скрываясь, отходил к его краю. Высматривая, что же случилось с Арго, Мириам выпрямилась во весь рост – и тут же об этом пожалела: заметив ее, Картель направился к их столику.

– Ты вообще понимаешь, что натворила?! – закричал он еще шагах в десяти под аккомпанемент выстрелов из игольников. – Да тебя пристрелить мало!

Поняв, что прятаться от него бесполезно, Мириам отступила от стола... еще одна игла, выпущенная со стороны Шипов, впилась в столешницу рядом, но ей почему-то было уже не страшно. Краем глаза она видела, как встает Арго, зачем-то поднимая круглый деревянный стол, за которым прятался, словно тот ничего не весит.

Только когда Картель схватился за револьвер, висящий на поясе, Мириам вспомнила о своем игольнике... Но сейчас Картель и его телохранители были уже слишком близко, и она отступила от столика еще дальше, чтобы между ними не оказались дети.

– Я недооценил тебя, – он держал оружие уверенно, черный ствол смотрел в лицо Мириам, но она словно не видела этого: цвета, мерцающие в Картеле, захватили ее. Страх, сомнение, ненависть... но больше всего страха.

Страх перед ней?

– Мне сказали, что с ней путешествует обычная девчонка... и я поверил. Зря. Тебя нужно было убирать с дороги первой, так было бы гораздо легче...

Он говорил еще что-то, но Мириам, глядящая в него, уже ничего не слышала... Далеко за ними, на площади, проступил новый цвет.

Очень хорошо знакомый.

Мириам улыбнулась, и револьвер дрогнул.

– Вы не собираетесь стрелять, – сказала она, – вы вообще не любите стрелять в людей. Если бы вы хотели убить меня, вы бы приказали другим сделать это, но не сейчас, когда все смотрят.

– Ты так... уверена в этом? – спросил Картель удивленно.

– Да, – сказала Мириам настолько уверенно, насколько смогла. – Стрелять в нас сейчас очень глупо.

Маленькая черная фигурка, возникшая далеко за спиной Картеля, на краю площади, стремительно приближалась к шатру, мелькая в просветах между опорами и набирая скорость... В какой-то момент Мириам просто потеряла ее из виду за клубами дыма – и в следующую секунду опоры шатра жалобно загудели, а плотная ткань купола затрещала. Би приземлилась среди обломков барной стойки, упав сверху, вдоль центральной опоры, и расшвыривая прячущихся там Шипов. Картель не выдержал и оглянулся, и Мириам не столько увидела, сколько почувствовала, как мимо пронеслось нечто большое... Круглая деревянная столешница, брошенная Арго, словно огромный метательный диск ударила в телохранителей Картеля, сбивая их с ног. Никто больше не стрелял... Би вышла из-за центральной опоры шатра, волоча за загривки двух наемников, и швырнула обоих перед остолбеневшими Молотами.

Затем жуткая маска повернулась в сторону Картеля и Мириам.

– Это плохое решение, – сказал механический голос.

Картель отступил в сторону, за стол, не зная, в кого целиться – в Би или медленно приближающегося с другой стороны Арго, выразительно прокручивающего в руке ножку от стола.

– Флай! – позвал он, и его голос сорвался. – Флай, ты живой?

– Будешь смеяться, шеф, – Флай показался из клубов дыма. Теперь его ухмылка больше походила на оскал, лицо заливала кровь из пореза на лбу, а в груди справа торчала рукоять ножа. – Но это самые тупые переговоры, какие я в жизни видел...

– Не умничай, – Картель отступил дальше за стол, пинком отшвырнув оказавшегося на пути нищего. Мгновенно прореагировав на его движение, Би выхватила игольник, а Мириам присела, обнимая детей. – Ты должен меня охранять!

– А что, есть проблемы? – Флай, сопровождаемый парой оставшихся в живых Молотов, медленно шел к нему. – Тут сплошь друзья, разве нет?

– Опустить оружие, – сказала Би, – у меня цифровой спуск, ты не успеешь выстрелить...

– Ты б ее послушал, шеф, – поддержал ее Флай, – с ней на пистолетах не тягаться...

– Это так ты меня защищаешь?!

– А если ты сам себе в голову стреляешь, мне что, свою башку подставлять? – закричал в ответ Флай, закашлялся, и с удивлением покосился на нож, торчащий в его груди, словно только сейчас заметив его.

– Она сорвала нам переговоры, – Картель медленно опустил оружие. – Если бы не она...

– Она? – Флай обошел Арго и встал рядом. – Ты сам-то понял, кого привел? Одно дело с Шипами дела делать, а другое – с рейдерами.

– Об этом не тебе судить!

- Оппаньки! А кому? Тут только что шестеро моих парней легло... а этот гад ушел!
- Паук? – спросила Би.
- Да, – Флай снова закашлялся, – он с Шипами был, из ихних, под Рэдом ходил.
- Давно?
- Недели три. Можно было бы у Рэда спросить, где он его взял, да только ему первому дырку выдали, когда заварушка началась.
- Кто-то из Шипов остался жив. Расспросите их или шерифу отдайте. Понятно? – голос Би прозвучал как-то особенно резко.
- Не распоряжайся моими людьми! – прошипел Картель и замер, обнаружив, что Би внезапно оказалась совсем близко и асимметричные линзы, не выражающие совершенно ничего, смотрят на него снизу вверх в упор.
- Ты мог не знать, – сказал механический голос. – Но если ты знал, я лично тебя убью, купец.
- Угрожаешь мне? – спросил Картель, но Би уже отвернулась, подойдя к Мириам и детям.
- Глупо с праймами шутить, – сказал Флай, поймав его взгляд, – а с рейдерами дружить и того глупее...
- Заткнись!
- Заткнусь, когда слова закончатся. Она права – если ты знал, то моим ребятам на глаза лучше не попадайся...
- Что?
- Что слышал! – несколько секунд Флай и Картель стояли, сверля друг друга взглядами, затем Картель отвернулся и пошел в ближайший переулок.
- Что, добились своего? – тихо сказал Флай, глядя вслед ему и спешащим за ним телохранителям. – С Шипами и договориться можно было. Пацанов моих жалко... Поздно ты сказала.
- Как только увидела, – Мириам встала, все еще обнимая Таню.
- И с Седым поссорился... рановато, – сказал Флай и снова закашлялся. Би быстро оглядела Мириам и детей, затем повернулась к нему.
- Тебе нужно в госпиталь, у тебя пробито легкое.
- Сам знаю. Залатают меня, не волнуйся, не в первый раз, – Флай оглянулся на оставшихся в живых Молотов, обыскивающих трупы среди обломков мебели, и трех живых Шипов, стоящих на коленях у центральной опоры шатра. – Мы этих слегка расспросим... сколько их и все такое.
- Мне нужно будет знать все, что они скажут, – Би склонилась над нищим, который так и не поднялся после пинка Картеля, – все до последнего слова.
- Как скажешь... баронесса.
- Это шутка?
- Да как посмотреть... я вроде не смеюсь. Мы пойдем, пожалуй... нам с гвардией делить нечего. Ты бы...
- Я объяснюсь с шерифом, а тебя жду вечером.
- С докладом, а как же. Приду, если не сдохну...
- Ближайший к Флаю Молот подхватил его, когда тот начал оседать на землю, и помог идти. Арго отшвырнул ножку стола, которую до сих пор сжимал в руках, и присел рядом с Мириам.
- Все хорошо, – ответила та на его вопросительный взгляд, – нас даже не поцарапало.
- Повезло, – ответил тот мрачно и дотронулся до Тани, все еще зажимающей уши. – Не бойся, мелочь, все прошло. Кто леденца хочет? У меня еще остались...

Мириам передала леденец Року, которого, похоже, перестрелка не сильно напугала. В паре шагов от них Би приподняла нищего и отшатнулась, когда того вырвало кровью прямо ей под ноги.

– Он так сильно его ударил? – спросила Мириам.

– Нет, – Би снова присела, подняла с земли что-то плотно замотанное в тряпки и протянула нищему, едва стоящему на ногах.

– Это... твоё?

– Да, офицер... это мой компьютер, – очень тихо ответил тот.

– Офицер? – удивилась Би.

– Пожалуйста, отдайте, – сказал нищий и покачнулся, чуть не упав. Вместо ответа Би протянула руку и сорвала тряпку, закрывающую его лицо.

– Что там с ним такое? – спросил Арго. Би не ответила... молча протянула нищему его сверток, и тот вцепился в него, словно умирающий от жажды, нашедший флягу с водой.

– Пойдешь с нами, – сказала Би. – У меня есть лекарства... обезболивающие... Ты вообще можешь идти?

– Да, офицер, – ответил нищий еще тише.

Мириам переглянулась с Арго.

– Кто он? – спросила Мириам.

Би провела рукой по горлу, страшная маска распалась пополам... и Мириам внезапно увидела ее цвет. Это было как вращающиеся лопасти ветряного генератора, отражающие восходящее солнце, как миллионы капель росы на склонах долины Хокса...

– «...Как в одном человеке может быть столько огня...» – всплыли в памяти слова беловолосого, а потом цвет ушел... осталась только жалость, с которой Би смотрела на стоящего перед ней нищего.

– Помнишь, ты спрашивала про небесных людей?

– Да, – ответила Мириам.

– Посмотри на него – вот так они выглядят на Земле.

IV

Дети учились рисовать.

Или, вернее, делали все что заблагорассудится с цветными мелками и мятой бумагой, выданными им Мириам. Рисуя взрывы, Рок уже израсходовал большую часть красного и черного мелков, покрыв заодно чуть ли не весь стол тонким слоем цветной пыли. Таня смотрела на него неодобрительно... Она медленно выводила что-то на одном листе бумаги, держа в своей руке кулачок Тони с зажатым в нем синим мелком. Иногда Тони пытался вносить в картину свои коррективы, и тогда дома и фигурки людей начинало словно сносить ветром, вытягивая в стороны и вверх.

Мириам, севшая обедать позже всех, отодвинула тарелку с остатками каши. Пыль от мелков, разбрасываемая Роком, попала и туда, придав каше вкус мела и краски... Рисуя очередной взрыв, Рок издал особенно громкий рык, долженствующий озвучить картину, и Мириам, воспользовавшись паузой в лихорадочном движении его пальцев, окрашенных в красное и черное, отобрала у него мел.

Рок озадаченно заморгал.

– Пойди попроси у тети Марты молока, – сказала ему Мириам и придвинула к себе пачку чистых листов, ставшую за последние двадцать минут значительно тоньше.

– Но я не хочу молока, – возразил Рок.

– Не для себя – для всех нас.

– Для всех-всех?

– Да.

Рок вскочил, словно подброшенный одним из нарисованных им взрывов, и побежал к стойке бара, как если бы молоко могло неожиданно закончиться или убежать. Его энергия не переставала удивлять Мириам – Рок вел себя так, словно и не было долгой прогулки по городу, беготни с Тони по улицам, перестрелки, напугавшей всех, кроме него, и обратного пути – тоже довольно долгого и вконец измотавшего Мириам.

Впрочем, на ее долю наверняка просто пришлось больше событий, – рассудила она, выводя первую линию. Мелок крошился и пачкал пальцы, но несмотря на усталость Мириам, линии выходили прямыми и четкими.

Непривычно четкими.

Под ее пальцами, словно действующими сами по себе, медленно проступало лицо Джино Альмейде, небесного человека, сидящего сейчас за соседним столиком рядом с Би. Не то лицо, на которое Мириам и сейчас не могла смотреть без содрогания, покрытое пигментными пятнами и ожогами, сочащимися кровью... Другое, настоящее, какое наверняка было бы у него, останься он в небесном городе, как и полагается небесным людям...

Мириам отодвинула неоконченный портрет, рассматривая его с некоторым удивлением, потом выдернула лист из зажима и встала. Джино сидел, положив забинтованные руки на свой электронный планшет, по которому медленно двигались цифры и буквы, – они тихо беседовали с Би, и, кажется, он записывал их разговор.

– ...замедлители, – донеслись до Мириам его слова, – и антирадиационная обработка... инъекции суспензии в мышцы. Очень больно и совершенно бесполезно, учитывая те дозы, которые я получил сразу же на выходе из модуля.

– Но должно же быть что-то...

– У вас? Нет, вы совершенно невосприимчивы к радиации... в таких дозах, по крайней мере. У вас никогда не было необходимости лечить то, что вызывает зуд, или в худшем случае делает ваш загар темнее... Вам просто нечем мне помочь.

– А ваши средства?

– В моем состоянии? Разве что пересадка спинного мозга и печени... стерильный бокс, невесомость, и многие месяцы мучений, не дающих никакой гарантии на выживание. Даже без медицинского образования я понимаю это... и вы, я полагаю, тоже...

Мириам молча положила перед Джино портрет, и тот замолчал. Движение букв на планшете тоже остановилось.

– Это... я? – спросил он и поднял глаза на Мириам – черные блестящие глаза, выглядывающие из щели в бинтах, плотно покрывающих его голову и большую часть лица и медленно пропитывающихся розовой сукровицей. – Но как, вы же не видите... даже я не помню, когда так выглядел.

– Не знаю, – сказала Мириам, придвигая к себе стул. – А похоже?

– Да.

– Это хорошо. Оно само так получилось, я давно ничего не рисовала.

– Ты умеешь рисовать? – спросила Би.

– А разве это нужно уметь? – удивилась Мириам. – Я просто рисую, и все. А ты не хочешь есть? Ты же ничего не ела с утра – Она права, – сказал Джино. – Вы ничего не ели... помогли мне вымыться, вкололи кучу лекарств, перебинтовали – и совершенно забыли о себе.

– Вот-вот, – поддержала его Мириам. – На обед очень вкусный бульон из курицы, вам тоже, наверное, его можно, даже если глотать больно... а для тебя я закажу еще и двойной стейк, а то с утра столько всего произошло, ты бегала, несла меня, а потом еще и...

Ее прервал звон: Рок, принесший от стойки поднос с металлическими стаканами, поставил его на стол слишком резко, и один стакан упал на пол, молоко разлилось. Рок скор-

чил виноватую рожицу, взял один из уцелевших стаканов и поднес его Мириам... та поставила его перед Би.

– Это коровье молоко? – спросил Джино, снова берясь за планшет.

– Да, – сказала Би, в свою очередь передвигая стакан к нему, – пейте, там кальций и...

– ...и соли тяжелых металлов, – сказал Джино. – Вы же помните, его не везут... наверх.

– Оно для вас ядовитое? – удивилась Мириам.

– Не только оно, – на планшете перед Джино рядами выстраивались слова, – любая другая еда, вода, даже воздух...

– А что же вы тогда едите?

– Крепости разрешают к вывозу очень ограниченный список продуктов, – сказала Би. – Никаких фруктов, ягод, несколько сортов зерна...

– Да, – Джино осторожно дотронулся до стакана, словно ожидая, что тот взорвется у него в руке, – никаких фруктов...

Решившись, он поднес стакан к губам и сделал несколько нерешительных глотков.

– Мне уже нет никакого смысла бояться. Мне осталось так мало... и я даже ничего не успел попробовать. Я записываю все, но какой в этом смысл, если я даже не узнаю, какое на вкус молоко... или яблоки.

– Я попрошу у Марты яблок, – сказала Мириам. – Только я не понимаю...

– ...почему я здесь? – Джино закашлялся и чуть не уронил стакан, так что Мириам пришлось придержать его за руку. – Я сбежал...

– Сбежал с неба? – удивилась Мириам. – Но зачем?

– Чтобы узнать, на что похожа... жизнь.

Мириам озадаченно посмотрела на Би, но та только пожала плечами.

– Вам это кажется странным, – продолжил Джино, – но там, наверху, люди не живут. Мы существуем в закрытой и кондиционируемой среде, питаемся специально отобранными и очищенными продуктами, учимся по учебникам, устаревшим еще сто лет назад... лучшие из нас погибли в последней войне, а все остальные просто не знают, зачем им еще существовать.

– Мне случалось говорить с представителями Атланты-А, – сказала Би, – и мне показалось, что они знали, чего хотели...

– Вы говорили с военными. Да, им кажется, что они знают. Они дают вам технологии в обмен на сырье и оружие в обмен на зерно... позволяют самым сильным из вас создавать крепости, отгораживаясь от всего остального мира – но понятия не имеют, что им делать дальше. Поверьте, меня же учили, как и вас, анализировать информацию...

– Меня готовили далеко не для этого, – мрачно ответила Би.

– О да, я знаю, они дали вам технологию прайм-линк, а вы сделали из нее оружие... Мы никогда не применяли ее для военных, у нас она используется только предсказателями, особым классом аналитиков. Меня готовили, чтобы принять прайм-линк, но на это должно было уйти еще десять лет, а у вас...

– Шестилетний подготовительный курс, – Би с легким удивлением посмотрела на Таню, которая, оставив Рока и Тони рисовать, уселась на стул рядом с Мириам, сжимая стакан с молоком обеими руками. – Но не столько аналитика, сколько боевые тренировки, упражнения на концентрацию, работа на тренажерах...

– И сколько... какой процент успеха при установке линка?

– Каждый третий сходит с ума или получает необратимые повреждения психики в течение месяца после операции. Но мы все знаем, на что идем, и желающих много, даже больше, чем нужно.

– Вот видите, вы знали, на что шли, а мы... мы боимся. Боимся, потому что нас так мало, вы догоняете нас слишком быстро... и потому что вы агрессивны. И еще потому... –

Джино отпустил планшет и осторожно дотронулся до руки Тани. Та зажмурилась, но руку не отдернула, – ... потому что у вас рождается столько детей.

– А у небесных людей? – не выдержала Мириам.

– Мы практически неспособны к размножению. Бесплодие, мертвые дети или мутации, делающие их нежизнеспособными, и так на всех станциях Пояса. Космос убивает нас... На самом деле уже убил, еще три или четыре поколения назад. Мы выращиваем детей искусственно, и только за разглашение этого факта меня никогда не пустят обратно...

– Почему? – не унималась Мириам.

– Потому что это слабость, – ответила Би.

– О да, – прошептал Джино, —вы же воспринимаете это именно так, сразу...

– Небесные города действуют с позиции силы, – кивнула Би. – Они ставят условия Королям, и те подчиняются, потому что сила крепостей – это подарок, который могут и отнять. Но в тот момент, когда Короли поймут, что им нечего больше бояться...

Джино засмеялся и сразу снова закашлялся.

– Так началась вторая война... только у вас она называется Последней. Сгорело все, что еще могло гореть, пали последние города и лопнули небесные струны... а все потому, что мы отдали выжившим слишком много знаний, а они ничего не сумели, кроме как снова все сжечь. Все умерло... информационные сети сгорели вместе с нашим общим прошлым, а космическая радиация убила наше будущее. Как могут вообще жить люди, не знающие ничего о своей истории, уничтожившие ее своими руками?

Мириам растеряно посмотрела на Би... Из последней тирады небесного человека она не поняла почти ничего. Би правильно истолковала ее взгляд и пожала плечами.

– Перед Последней войной информация хранилась на электронных устройствах, вроде той книги, что ты читала когда-то, или этого планшета. Она была самым драгоценным, что осталось от старого мира, того, который был до войны. И она сгорела – оружие, которое использовали тогда, в Последней войне, разрушало технику и все сложные устройства, а заодно убивало все записи. Поэтому мы так мало знаем о том, как это произошло, – мало осталось книг, и движущихся картин, и довоенной музыки.

– А их было много? – спросила Мириам.

– Чего?

– Ну, музыки и картин?

– О да, – ответил Джино, – одни списки названий можно листать часами... Названий того, что уже никогда не прочитать и не увидеть. Две тысячи лет человеческой памяти... а то, что мы продаем вам в обмен на зерно – не более чем жалкие обрывки.

– Но разве нельзя будет создать их еще? Новую музыку и новую историю?

– Историю, которая не записана, невозможно сохранить. Я спустился вниз, чтобы самому все увидеть и записать. Мы почти не знаем, что происходит внизу, этим занимаются военные. Мне пришлось украсть спасательный модуль, взяв с собой только самое необходимое. Я рассчитывал обменять лекарства на еду и проезд до ближайшего города, но фермеры, которых я встретил на дороге... они...

– Ограбили тебя, – сказала Би, – и бросили в пустыне.

– Да, но потом другие подобрали меня и помогли добраться сюда. Мне повезло, что мой компьютер остался цел, и что я протянул так долго. Я не рассчитывал, что уровень радиации будет настолько высоким, а защитные средства окажутся бесполезны...

– Но если ты знал, что не можешь здесь жить, то почему ... то есть, если ты знал, что можешь просто так умереть, то почему все же... – Мириам окончательно запуталась в собственных словах и только встряхнула головой. Ей показалось, что Джино улыбнулся.

– Я не хотел умирать, если ты об этом. Но иначе не мог. Понимаете, меня всю жизнь учили собирать знания, работать с ними... А потом объяснили, что новых знаний нет, что

мне остается только перебирать обрывки и осколки, оставшиеся от некогда великих вещей... а настоящий, живой мир недостижим для меня. Я могу каждый день видеть его, потому что он совсем рядом, но я никогда не смогу узнать, какой он на самом деле, потому что он мне враждебен, потому что убьет меня... и он убил. Медленно... Но знаете, за то время, пока я здесь, столько всего узнал. Меня приучили думать, что внизу живут несчастные и ограниченные люди, но на самом деле вы счастливы.

– Да? – мрачно спросила Би. – А те фермеры, что тебя ограбили?..

– Ваша жизнь... она совсем другая, – ответил Джино. – Вы не знаете, чем завершится сегодняшний день, но зато вы можете пережить так много. Я тоже так хочу, потому что ни на что другое времени больше не осталось...

Джино вытер кровь с губ куском бинта, немного удивленно посмотрел на него и обмяк на стуле, запрокинув голову назад. Мириам вскочила, но Би оказалась быстрее – она обошла стол, забросила руки небесного человека себе на спину, подхватила его под колени и подняла, словно мешок с зерном.

– Я отнесу его наверх, – сказала она. – Он проспит часов пять. Я уколола ему глюкозу, антибиотики и снотворное... Странно, что ему понадобилось столько времени.

– Теперь он... умрет? – спросила Таня.

– Не сейчас, – ответила Би, ее голос не дрогнул, несмотря на тяжесть на плечах. – Но ему очень плохо, так что лучше не беспокоить его зря.

– Но он сказал, что хочет побольше всего увидеть...

– Да. Но сейчас он больше ничего не увидит, – и Би понесла Джино вверх по лестнице. Таня некоторое время смотрела им вслед, а потом заплакала, и Мириам обняла ее.

– Он же хороший человек, правда? – спросила девочка, всхлипывая. – А почему тогда ему так плохо?

– Не знаю, – сказала Мириам. – Но Би... Ребекка ему поможет.

– Ее зовут Ребекка?

– Да.

– А как ты узнала?

V

– А где Арго?

Капля воды упала среди красных штрихов, образовав небольшую кляксу. Мириам отложила мелок и взглянула на Би.

– Похоже на него, правда?

– Да.

Би собрала мокрые волосы на затылке. В обтягивающей белой майке и полотняных брюках, слишком широких для нее, она была почти похожа на обычную девушку из тех, что останавливались во дворе Мириам... почти похожа. Те девушки не носили тяжелые игольницы за спиной, и у них просто не могло быть таких глаз, как у Би – тревожных, полных клубящейся темноты. Сейчас ее цвет был цветом тревоги и напряжения, которое готово было вот-вот превратиться в действие, полыхнуть огнем, и Мириам уже в который раз задумалась о том, как близка и понятна стала ей эта девушка. Всего лишь несколько дней назад бывшая страшной незнакомкой, спасшей ее, и разрушившей ее дом.

– Он ушел сразу как поел. Не сказал куда, – Мириам поправила воротник Тани, спящей рядом на стуле. С момента ухода Би наверх прошло больше часа, но она не заметила, как пролетело время. Ворох изрисованных листов перед ней стал толще – теперь там были портреты Тани, упрямо выпячивающей подбородок, Рока, показывающего язык, Тони, жующего четки, Арго...

– Это он начал драку на площади?

– Нет, это... кажется, я.

– Ты?

– Я узнала Паука, и после этого началась перестрелка – одним наемникам не понравилось, что он пришел...

– Молотам не понравилось. Картель хотел, чтобы они договорились с Шипами, поделили между собой город и заключили с ним какое-то соглашение. Конечно, он мог и не знать, что с Шипами пришел Паук...

Мириам почти с ужасом наблюдала за тем, как Би рассеяно перебирает рисунки, и наконец останавливается на последнем – портрете красивой улыбающейся девушки с миндалевидными глазами и высокой прической.

– Как странно, – сказала Би и дотронулась до рисунка, словно проверяя, настоящий ли он. – Ты и его так нарисовала?

– Как?

– Ты рисовала не с натуры, это все сделано по памяти, верно?

– Ну да, наверное.

– Ты раньше тоже так рисовала?

– Может быть, не так, – Мириам задумалась. – Но я всегда любила рисовать, в детстве... и когда было чем. А как-то я раскрасила домики для гостей, специально купила для этого краски. Правда, все быстро облезло, но несколько месяцев они были такими яркими...

– А почему красный?

– Черный мелок я оставила Року, и к тому же мне он не нравится. Что-то не так?

– Не знаю, – ответила Би. – А этот портрет... он похож на меня?

– Да... Кажется, я видела это во сне, – Мириам смутилась. – Это так глупо... Мне приснился сон, в котором ты была в длинном платье, таком, знаешь, красном с черным рисунком...

Пальцы Мириам словно сами собой ухватились за мелок, выводя узор рядом с портретом, и Би, наклонившаяся над столом, тихо вздохнула.

– Что?

– А когда тебе это приснилось?

– Давно. Кажется, еще до того как мы приехали в город... Да, точно. Помнишь, мы еще остановились в долине?

– Помню. Действительно, это было так давно, – Би присела за стол, тихо пододвинув стул, чтобы не потревожить Таню. – А где дети?

– Я отправила их наверх спать, позже проверю, чтобы Рок не хулиганил.

– А она?

– Мы с ней болтали, – Мириам смутилась, – обо всяком. Она спрашивала, что мы делали целый день, и я ей немножко рассказала про церковь с именами, и про симпатичного барона.

– Симпатичного?

– Ну да, очень симпатичного, ты разве не заметила? А как там, на базаре? Ты отдала батареи, как хотела?

– Нет, я никого не нашла в том шатре. Но у нас достаточно денег, так что это проблема этого... Джеффри. Весь этот день – как во сне, – Би пододвинула к себе планшет Джино, рассеянно посмотрела на него, и Мириам показалось, что она сейчас улыбнется... но этого не произошло. По планшету медленно поползли буквы, но Би словно не видела их...

– Когда ты сказала про сон, я тоже подумала... Всего несколько дней назад мы были в пустыне. Эти дни – они словно ненастоящие, как если бы их и не было, как если бы их кто-то придумал за меня...

– Как это?

– Мне кажется, что я не все помню. Некоторые моменты просто выпали у меня из памяти, знаешь, как в этих картинках, которые дают детям... которые нужно складывать из кусочков...

– Не знаю...

– Не важно, – Би провела рукой по лбу, все еще глядя на планшет. – Но если я права, и они действительно выпали, то все дело во мне... говорят, к этому рано или поздно приходит большинство праймов.

– К чему?

– К безумию.

Теперь по планшету вместо букв бежали картинки, очень быстро, так что Мириам ничего не могла разобрать.

– Но почему?

– Помнишь, как Таня просила рассказать о том, как становятся Мечами Короля?

– Да.

– Это рассказ не для ребенка. Хочешь, я расскажу об этом тебе?

Глядя на улицу из окна своего номера и расчесывая мокрые волосы, Мириам поймала себя на мысли об Арго... о том, что она почему-то ждет, когда тот появится на площади, как в прошлую ночь. Это удивило ее и на несколько минут отвлекло от слов Би, поглотивших все ее мысли.

Правильных слов.

Красивых, и сказанных так, как никогда не смогла бы сама Мириам. Действительно, Мечи Короля могли и рубить людей на части, и рассказывать истории одинаково хорошо... или, возможно, только этот конкретный Меч.

«Сначала они отбирают детей из тех, что учатся в военных школах. Праймами хотят стать все, хотя не все знают, что это значит, и потому Корпусу достаются лучшие из лучших. В четырнадцать лет тех, кто прошел экзамен и первое испытание, начинают учить – не так, как всех остальных. Им дают математику, физику, и подвергают изнурительным тренировкам их чувства, отсеивая непригодных, так что к шестнадцати в Корпусе остается не более половины отобранных.

Корпус закрытый, и те, кто проходит второе испытание в шестнадцать лет, оказываются оторваны от своих семей и родных на три года, в течение которых комиссия Корпуса принимает окончательное решение – пригодны они на роль прайма или нет. Все, что ждет учеников в это время, – это еще более жесткая программа обучения и безжалостный отбор.

Самый тяжелый год – третий. До этого будущих праймов только учат, почти как обычных солдат – рукопашный бой, огневая подготовка, бой с использованием каров, тяжелых орудий и боевых машин, обработка данных разведки, картография и много чего еще, что может пригодиться воину... но третий год меняет программу.

Есть ряд упражнений и техник, которые нужно освоить до того, как прайм-линк войдет в твой мозг – они подготавливают тебя к тому, что случится потом, учат работать с потоками информации, плотность которых ты до этого не могла и представить. И это мучительно – многие часы в камерах, изолированных от внешнего мира, тысячи картинок, которые показывают тебе, а затем заставляют распределять и классифицировать, наркотики, изменяющие сознание на целые сутки, в течение которых тебе приходится управлять каром или сражаться в невыносимых условиях... На этих тренировках отсеивается еще половина.

Говорят, что в небесных городах готовят не так – у них предварительный этап занимает десятилетия. У нас научились преодолевать его за год – но праймы платят за это свою цену...»

Мириам прислушалась, но снизу, из главного зала, не доносилось ни звука – Би говорила с наемниками очень тихо. Мириам не поняла до конца, чему именно учили праймов – но бесстрашие явно входило в программу их обучения. Би совершенно равнодушно отнеслась к появлению двух громил у дверей гостиницы – и спустя несколько минут Мириам поняла почему.

Здоровенные наемники с нашивками Молотов явно заискивали перед бледнокожей девушкой, ведущей себя так, словно она, по меньшей мере, их работодатель. Флай не появился, а двое, пришедшие по его приказу, просто боялись Би – Мириам не нужно было вглядываться в их цвета, чтобы понять это.

Возможно, ее учили и этому – внушать страх. Задумавшись об этом, Мириам вспомнила, что тоже боится – боится ее непонятных смен настроения, резких движений, и ее маски... в особенности маски. Би могла только казаться обычной девушкой, чем-то даже похожей на Мириам, но малейшая попытка сравнения обнажала в ней нечто, вызывающее страх, пласт чего-то чуждого, наполненного ужасом и насилием...

Не Би, но Ребекка Ли, прайм, говорила внизу с парой наемников, и у них были все основания бояться ее.

«По истечении трех лет, после последних экзаменов, способных свести с ума сами по себе, ученики признаются готовыми к прайм-линку. Они принимают присягу, им рассказывают о долге перед крепостью и героизме – потому что пути назад больше нет, операция необратима. Никто из принимающих присягу не знает, что на самом деле им предстоит, к этому не могут подготовить никакие тренировки. Их всех хорошо кормят и заставляют высыпаться перед тем, как по жребию допустить в медицинскую часть Корпуса.

Они входят в большой освещенный зал, и видят Каркас – то место, где им предстоит провести ближайшие одиннадцать часов. Он похож на человека, сплетенного из металлических прутьев и стоящего, разбросав руки в стороны... очень большого человека. Он нужен потому, что во время операции нужно стоять неподвижно – и быть в сознании. Таня спрашивала верно – когда тебе разрезают голову, это больно, несмотря на наркоз, но боль быстро уходит... и становится гораздо хуже.

Прайм-линк выглядит как сеточка из тонких серебряных нитей, которую опускают на твой мозг – и ты это видишь на больших экранах, окружающих Каркас. Каждое ее прикосновение что-то обозначает – вспышку памяти, чувство жара, яркий свет – с тобой говорят и тебе приходится отвечать на вопросы. Каждая нить – это вопрос, или чувство, или воспоминание, и их сотни, и они проходят сквозь тебя, а ты смотришь со стороны на свою вскрытую голову и не можешь пошевелиться. Одиннадцать часов становятся вечностью, пыткой, заполненной жестокими вопросами, а потом наступает темнота, и ты не знаешь, завершилось это все или через секунду начнется снова.

Сон после установки прайм-линка длится трое суток, и после него просыпаются не все. За последующие два года тренировок выходит из строя часть связей в прайм-линке, дающих слабину, – и для некоторых это тоже заканчивается фатально. К выпуску приходят лишь те, кому хватило сил бороться до конца и кому очень, очень повезло, но и они, как правило, не живут слишком долго...»

Мириам отложила гребешок, зевнула, и словно в ответ на этот тихий звук скрипнула дверь. Би вошла, повесила тяжелый игольник на спинку кровати, зацепив ремнем за столбик, и подошла к окну. Мириам некоторое время молча рассматривала ее профиль.

– Они ушли?

– Да, – ответила Би устало. – Ничего нового. Их главарь ранен, а пленные не знают точно, где искать Паука, но город маленький, и завтра они прочешут Яму.

– Хочешь спать?

– Да. Нужно ложиться, завтра рано вставать.

– Зачем?

– Помнишь, я тебе кое-что обещала?

Мириам задумалась. Би села на кровать, вытащила второй игольник из-за пояса, стянула брюки вместе с ботинками, бросив их на пол, и с ногами забралась на одеяло. Ее белая кожа мерцала в темноте... Сидя на кровати в одной майке, она быстро разобрала игольник и вновь собрала.

Мириам присела на край своей кровати, рассматривая Би, и ее слова снова всплыли в памяти:

«Нас очень мало, потому что подготовить таких, как мы, очень сложно, но еще и потому, что каждый из нас носит в себе свою смерть, словно бомбу, обреченную взорваться. Мы знаем, что у нас мало времени, и стараемся успеть сделать как можно больше, прежде чем откажет память, или провода, дающие нам возможность думать и действовать быстрее всех, выжгут в награду наш мозг. И потому нет ничего глупее... нет ничего хуже, чем предать клятву Прайма, отказаться от того, что ты уже сделала с собой. Этому, только этому нет прощения...»

– Ты никогда так долго не говорила, – сказала Мириам.

– Очень давно, – ответила Би, заворачиваясь в одеяло. – Но мне нужно было это объяснить тебе. Джино напомнил мне, что это значит... чего мне на самом деле ждать. Ложись, выспись, это будет трудно.

– Что трудно?

– Научиться стрелять.

Интермедия IV

Иосиф Картель никогда не любил шахматы.

Он считал их игрой для военных – прямолинейных и ограниченных, словно фигуры на доске, способные ходить только одним заранее определенным образом. Шахматы отражали их реальность – фигура не могла изменить свой цвет или пойти недолжным образом, невозможно было купить третью ладью или второго короля.

В мире, который знал Картель, случалось иначе.

Старинные шахматы достались ему от отца – растрескавшаяся каменная доска, аккуратно склеенная и покрытая защитным лаком, и неполный набор фигур. Недостающие пришлось заказывать у ювелиров в Чикаго – больше никто не знал, как и зачем так резать камень.

Почти никто и не помнил, для какой игры предназначаются эти фигуры.

Отец давно умер и похоронен на маленьком кладбище в Атланте – кладбище королей, куда вход стоил больше годового дохода некоторых мануфактур. Маленькая прихоть старика, которую Картель исполнил, не понимая: не все ли равно, где лежать?

А шахматы остались – за ними почему-то лучше думалось. Картель неплохо играл, хотя найти оппонентов было сложно, и поэтому большую часть времени они просто пылились – здесь, в задней комнатке механической кузницы, которую он предпочитал другим кабинетам, сделанным скорее напоказ, – залу для официальных приемов рядом с магистратом, личным комнатам в «Гелиотропе» и в «Белой кошке»... всем тем местам, которые были созданы для других.

Этот кабинет принадлежал только ему.

В нем не было ничего лишнего – маленькое окно с матовым стеклом, пропускающее немного света, простая лампа над старым рабочим столом, шкаф для документов, сейф и пара кресел у столика с шахматами – старых кожаных кресел со следами штопки. Даже звуки

кузницы – удары парового молота, свист и скрежет станков – постоянно проникавшие сюда, были частью кабинета, не позволяя расслабиться и забыться.

Картель поставил на столик стакан с недопитым виски и дотронулся до белого ферзя – он всегда играл белыми. Фигуры, расставленные для партии, выстроились ровными рядами... и даже ферзь не мог прыгнуть. Непредсказуемая фигура, способная двигаться так, как все остальные, вместе взятые... кроме разве что одной.

Но что происходит, если у противника два ферзя?

Картель внимательно смотрел на черную фигуру в цилиндрической каменной шапочке, замершую рядом с королем... фигуру женщины.

Что если ты не знаешь, как на самом деле способен двигаться второй ферзь? Как предугадать его движение? Как построить защиту?

...Два раза мигнула небольшая красная лампочка, спрятанная под столешницей, – охрана сообщала о приходе сына. Ладь? Возможно, когда-нибудь... но не сейчас. Пешки, просто пешки.

Дэвид вбежал в кабинет, хлопнув дверью, и Картель с некоторым удовлетворением заметил, что кобура у него на поясе стала значительно меньше – теперь там явно располагалось более практичное оружие. Несколько секунд они смотрели друг на друга, разделенные шахматным столом.

– Не нужно, – наконец сказал Дэвид немного растерянно, словно забыв что-то, что повторял по дороге.

– Что не нужно? – холодно уточнил Картель.

– Не отсылай меня, отец.

– Это уже решено. Мой человек будет ждать у восточных ворот завтра утром. У него хороший конвой, и он знает, как обойти рейдеров. Уже к вечеру может быть поздно.

– Я хочу остаться.

– Зачем? – фыркнул Картель, и снова взялся за стакан с виски. – Хочешь сражаться? На стенах? С простыми горожанами? С гвардейцами?

– Не хочу убегать, – упрямо выпятил подбородок Дэвид. – Это... позор.

– Позор?! – рявкнул Картель, вскочив, и шахматы на столе подпрыгнули. – И это все, о чем ты подумал?! А ты не вспомнил о нашем деле, которому требуется хозяин?! Не подумал, кто станет наследником, если со мной что-то случится?! Не вспомнил о своей сестре, да и о матери, наконец, – что они будут делать, если мы оба останемся здесь?!

От его крика Дэвид утратил всю свою решительность.

– То есть, ты действительно думаешь, что они... что тебя...

– Я учитываю все ходы... – уже спокойнее ответил Картель, садясь и снова глядя на шахматную доску. – Если случится худшее, семья не должна потерять все дело – только собственность в Хоксе. Если ситуация сложится иначе, возможно, мы приобретем гораздо больше, чем у нас было.

– Иначе?

– Не спрашивай. Ты уезжаешь, и тебе не нужно этого знать. Я напишу два письма – одно твоей матери, второе – с распоряжениями... на всякий случай. Тебе их хватит на первое время, а дальше... дальше придется думать самому.

– Отец...

– Дела идут не очень хорошо, ты сам знаешь, что сегодня случилось. Если ты будешь далеко отсюда, мне будет спокойнее...

– Отец, это из-за этой... из-за нее?

– Она – только одна фигура из многих... Живое оружие, с которым не получается договориться. Помнишь, о чем мы с ней говорили? У оружия есть один недостаток – оно ничего не стоит само по себе. Оно обязано служить, обязано подчиняться...

– И кому она подчиняется?

– Похоже, она нашла общий язык с нашим бароном.

– И теперь она враг? Она и эта ее...

– Врагов не бывает, – Картель откинулся на спинку кресла. – Враги – фигуры на этой доске, которые не могут изменить свое предназначение. В реальном деле не бывает врагов, сын. Есть конфликты интересов... твоих и чужих. Сумей их решить – и врагов больше не будет. Барон... он никогда не был моим врагом. Когда этот город только строился, когда сюда везли бетонные блоки и сваривали опоры из железа, подобранного на кладбище машин, – он уже был здесь, вместе со мной. Мои люди продавали воду, обменивали мясо с холмов на инструменты – а он охранял нас, молодой беглый прайм со своей боевой машиной, он был везде и всюду, и стоило кому-то покуситься на нашу собственность или нарушить порядок, он убивал – без сомнений, быстро и эффективно. Потом... его интересы изменились.

Дэвид молча смотрел в сторону, все так же выпятив подбородок, и выражение его лица внезапно напомнило Картелю о его матери – не той, которой предназначалось письмо, а настоящей, исчезнувшей где-то под Фазтоном после налета работарговцев.

– Я понял, отец, – сказал он наконец. – Но разве я не могу еще чем-нибудь помочь, пока буду здесь? Хотя бы...

– Нет! – резко ответил Картель. – Ты нужен мне, но нужен далеко отсюда, и это не обсуждается.

– Но я хотел...

– Иди собирайся, у меня еще много дел.

Дэвид посмотрел на него и резко кивнул, словно приняв какое-то решение.

– Прощай, отец.

Он вышел так же резко, как и вошел, снова хлопнув дверью, а Картель некоторое время смотрел ему вслед... Он не собирался так быстро закончить разговор, и тоже хотел сказать ему что-то, о чем думал все утро, что-то очень важное... – но забыл как раз перед его приходом.

Его отъезд действительно все упростит – пора убрать пешку, чтобы она смогла когда-нибудь стать ферзем... даже если сама пешка еще ничего не понимает.

– Что за глупая игра, – сказал Картель самому себе. – Где это видано, чтобы король не мог договориться с королем?

Конец первой книги

###

Copyright © 2010 Ivan Konstantinov